

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2019 Том 19

ISSN 1817-7115 (Print)

ISSN 2541-898X (Online)

Издается с 2005 года

Серия Филология. Журналистика, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Лингвистика

- Левина М. А., Хижняк С. П.** Научные картины мира и их варианты в русском языке 252
- Зарайский А. А., Морова О. Л., Полякова (Харитоновна) В. Ю.** Специфика экспрессивности научно-популярного текста в аспекте прагмалингвистики 257
- Ярмашевич М. А.** Структурные характеристики русских графо-лексических аббревиатур 261
- Аль-Фоади Р. А., Зарытовская В. Н.** К вопросу о внутренней флексии корней в арабском и русском языках (флективный анализ структуры корня) 268
- Аль-Кадими Махмуд Гази Чаллюб.** Аналитическая философия языка в контексте исследований обыденного языка (на примере наследия Л. Витгенштейна) 276
- Лашкова Г. В., Мятяшевская А. И.** О современной лингвистической ситуации в Англии. К проблеме вариативности английского языка в Лондоне 282
- Бушуева Л. А.** Системный подход к изучению метаимен поступков (на материале английского языка) 288
- Матасова О. В., Уфимцева О. А.** Лексико-семантическая группа цветообозначений в современных германских языках 293
- Блюднева А. А.** Дискурсивный маркер *you know* и его функциональный перевод на русский язык при субтитровании и дубляже художественных фильмов 298
- Яценина Ю. С.** Функционирование фразеологических единиц в контексте русскоязычной публицистики 305
- Аль Каззас Мохаммед Абд Али Хуссейн, Байкулова А. Н.** Методика изучения иноязычной лексики (на материале арабских заимствований) 310
- Антонова Н. А., Милёхина Т. А.** Профессионально ориентированное преподавание русского языка как иностранного китайским школьникам и студентам-музыкантам 315

Литературоведение

- Дёгтева Я. Н.** Герой повести «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского как объект чужого взгляда 321
- Черемисинова Л. И.** «Сон Богородицы» в записи Б. В. Шергина 325
- Боева Г. Н.** Пародии В. П. Буренина в антисемитском дискурсе начала XX века 331
- Лайне Н. А.** «Была до дерзости смела...» (Н. Я. Абрамович о М. А. Лохвицкой) 336
- Тырышкина Е. В.** Кукла и ее двойник («История парикмахерской куклы» А. В. Чайнова, 1918) 341
- Миц Б. А.** Проблема различения редакций и циклических структур в лирике О. Мандельштама 346
- Трубецкова Е. Г.** Мотив безумия в прозе В. Набокова 352
- Романов А. А.** Елена Шварц vs Анна Горенко: задачи творца и смысл творчества 357

Критика и библиография

Представляем книгу

- Мякшева О. В.** В поисках «блуждающего мифа» о смысле текста 361
- Мелентьева И. Е.** Не только «тире между двумя датами» 366
- Ванюков А. И.** «Очень своевременная книга» 368

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 10.01.01 – русская литература; 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (английская, американская, французская); 10.01.10 – журналистика; 10.02.01 – русский язык; 10.02.04 – германские языки; 10.02.05 – романские языки; 10.02.19 – теория языка)

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56153 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36011, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Трубникова Татьяна Александровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Подписано в печать 20.08.19.
Подписано в свет 31.08.19.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,65 (15,5).
Тираж 500 экз. Заказ 104-Т.
Цена договорная

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2019

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи по направлениям: Лингвистика, Литературоведение, Журналистика, а также материалы в разделы Представляем книгу и Хроника (научной жизни). Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – 8–10 страниц.

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), ORCID, адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. С правилами рецензирования можно ознакомиться по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегиям серии в электронном виде по адресу: iyu@mail.ru, телефон для справок (8452) 21-06-48. Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Институт филологии и журналистики, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Linguistics

- Levina M. A., Khizhnyak S. P.** Scientific Pictures of the World and Their Variants in the Russian Language 252
- Zaraiskiy A. A., Morova O. L., Polyakova (Kharitonova) V. Yu.** Specific Nature of a Popular Science Text's Expressiveness from the Point of View of Pragmalinguistics 257
- Yarmashevich M. A.** Structural Characteristics of Russian Graphic-Lexical Abbreviations 261
- Al-Foadi R. A., Zarytovskaya V. N.** To the Question of Internal Inflection of the Roots in Arabic and Russian (Inflected Analysis of the Root Structure) 268
- Al-Qadimi Mahmoud Ghazi Challiub.** Analytical Philosophy of Language in the Context of Studying the Objective Language (Case Study of L. Wittgenstein's Heritage) 276
- Lashkova G. V., Matyashevskaya A. I.** About the Present Linguistic Situation in England. On the Problem of the English Language Variability in London 282
- Bushuyeva L. A.** A Multifaceted Approach to the Study of Words With the General Meaning of "Action" (In the English Language) 288
- Matasova O. V., Ufimceva O. A.** Lexical and Semantic Group of Color Terms in Modern Germanic Languages 293
- Bliudneva A. A.** Discourse Marker you know and Functional Approach to Its Translation into Russian in Film Subtitling and Dubbing 298
- Yaschenina Yu. S.** The Functioning of Phraseological Units in the Context of the Russian-language Press 305
- Al-Qazzaz Mohammed Abd Ali Hussein, Baikulova A. N.** Methods of Learning Foreign Language Lexis (A Case Study of Arabic Borrowings) 310
- Antonova N. A., Milehkina T. A.** Professionally Oriented Teaching of Russian as a Foreign Language to Chinese Students and Musicians 315

Literary Criticism

- Dyogteva Ya. N.** The Hero of the Novel *Notes from Underground* by F. M. Dostoevsky as the Object of the View of Another 321
- Cheremisina L. I.** *The Dream of the Mother of God* Recorded by Boris Shergin 325
- Boeva G. N. V.** Burenin's Parodies in the Anti-Semitic Discourse of the Beginning of the 20th Century 331
- Laine N. A.** "Courage and Audacity..." (N. Ya. Abramovich about M. A. Lokchvitskaya) 336
- Tyryshkina E. V.** A Doll and Its Counterpart (*The Story of a Barber Doll* by A. V. Chayanov, 1918) 341
- Mints B. A.** The Problem of Distinguishing Versions and Cyclic Structures in O. Mandelstam's Lyrics 346
- Trubetskova E. G.** The Motive of Madness in V. Nabokov's Prose 352
- Romanov A. A.** Creator's Tasks and the Meaning of the Creative Act. Elena Shvartz vs Anna Gorenko 357

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Myaksheva O. V.** Searching for the 'Wandering Myth' 361
- Melenteva I. E.** Not Just 'A Dash between Two Dates' 366
- Vanyukov A. I.** "A Very Timely Book" 368

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА»**

Главный редактор

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Павлова Светлана Юрьевна, кандидат филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аликаев Рашид Султанович, доктор филол. наук, профессор (Нальчик, Россия)
Алташина Вероника Дмитриевна, доктор филол. наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Анцыферова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Седльце, Польша)
Борисов Юрий Николаевич, кандидат филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Вартанова Елена Леонидовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Викторова Елена Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Горбунов Юрий Иванович, доктор филол. наук, доцент (Тольятти, Россия)
Горощко Елена Игоревна, доктор филол. наук, доктор социол. наук, профессор (Харьков, Украина)
Дементьев Вадим Викторович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Долинин Александр Алексеевич, PhD (Мэдисон, штат Висконсин, США)
Егоров Борис Федорович, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Елина Елена Генриховна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Клоков Василий Тихонович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Крысин Леонид Петрович, доктор филологических наук, профессор (Москва, Россия)
Лённгрен Тамара Павловна, PhD (Тромсё, Норвегия)
Маслова Валентина Авраамовна, доктор филол. наук, профессор (Витебск, Беларусь)
Никитина Серафима Евгеньевна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Норман Борис Юстинович, доктор филол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Панова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)
Пахсарьян Наталья Тиграновна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Разумова Лина Васильевна, доктор филол. наук, доцент (Чита, Россия)
Ратмайр Ренате Фелисите, PhD (Вена, Австрия)
Свитич Луиза Григорьевна, доктор филол. наук (Москва, Россия)
Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, профессор (Пекин, КНР)
Чекалов Кирилл Александрович, доктор филол. наук (Москва, Россия)
Шамне Николай Леонидович, доктор филол. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Шевченко Вячеслав Дмитриевич, доктор филол. наук, доцент (Самара, Россия)
Шраер Максим Давидович, PhD (Бруклин, штат Массачусетс, США),
Щепилова Галина Германовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: PHILOLOGY. JOURNALISM»**

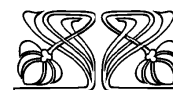
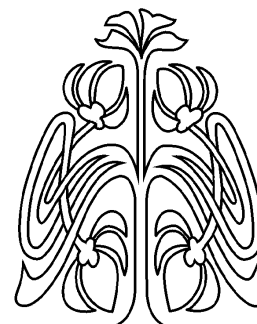
Editor-in-Chief – Valeriy V. Prozorov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Irina Yu. Ivanyushina (Saratov, Russia)

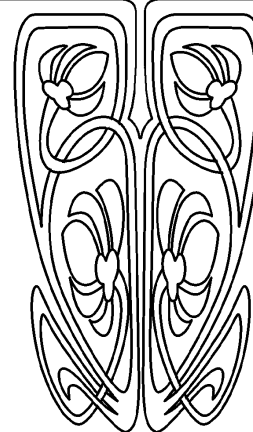
Executive Secretary – Svetlana Yu. Pavlova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Rashid S. Alikaevev (Nalchik, Russia)	Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus)
Veronika D. Altashina (St. Petersburg, Russia)	Serafima E. Nikitina (Moscow, Russia)
Olga Yu. Anzyferova (Siedlce, Poland)	Boris Yu. Norman (Minsk, Belarus)
Yuri N. Borisov (Saratov, Russia)	Olga Yu. Panova (Moscow, Russia)
Elena L. Vartanova (Moscow, Russia)	Natalia T. Pakhsaryan (Moscow, Russia)
Elena Yu. Viktorova (Saratov, Russia)	Lina V. Razumova (Chita, Russia)
Yuri I. Gorbunov (Togliatti, Russia)	Renate F. Rathmayr (Vienna, Austria)
Elena I. Goroshko (Kharkiv, Ukraine)	Luisa G. Svitich (Moscow, Russia)
Vadim V. Dementiev (Saratov, Russia)	Olga B. Sirotinina (Saratov, Russia)
Alexandr A. Dolinin (Madison, Wisconsin, USA)	Huan May (Beijing, People's Republic of China)
Boris F. Egorov (St. Petersburg, Russia)	Kirill A. Chekalov (Moscow, Russia)
Elena G. Elina (Saratov, Russia)	Nikolay L. Shamne (Volgograd, Russia)
Irina V. Kabanova (Saratov, Russia)	Vyacheslav D. Shevchenko (Samara, Russia)
Vasily T. Klovov (Saratov, Russia)	Maksim D. Shraer (Brookline, Massachusetts, USA)
Leonid P. Krysin (Moscow, Russia)	Galina G. Schepilova (Moscow, Russia)
Tamara P. Lönngren (Tromsø, Norway)	

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'373.46

Научные картины мира и их варианты в русском языке

М. А. Левина, С. П. Хижняк

Левина Мария Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Саратовская государственная юридическая академия, levinama80@yandex.ru

Хижняк Сергей Петрович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка, Саратовская государственная юридическая академия, khizhnyaksp@inbox.ru

В статье с привлечением материала терминосистем гуманитарных и естественных наук русского языка рассмотрены факторы, способствующие формированию вариантности научных картин мира, рассмотрено соотношение понятий «наивная картина мира», «научная картина мира», «профессиональная картина мира», а также представлена типология вариантов научных картин мира.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, терминология, наивная картина мира, научная картина мира, концептосфера.

Scientific Pictures of the World and Their Variants in the Russian Language

M. A. Levina, S. P. Khizhnyak

Maria A. Levina, <https://orcid.org/0000-0002-0159-992X>, Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia, levinama80@yandex.ru

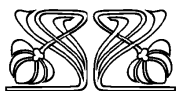
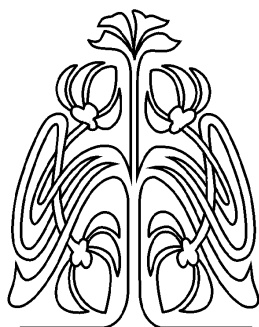
Sergey P. Khizhnyak, <https://orcid.org/0000-0001-6456-6175>, Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia, khizhnyaksp@inbox.ru

The article discusses the factors influencing the development of variability of scientific pictures of the world based on the material of science' and humanities' terminologies in the Russian language. The correlation of the concepts 'naïve picture of the world', 'scientific picture of the world', 'professional picture of the world', as well as the typology of variants of scientific pictures of the world are considered.

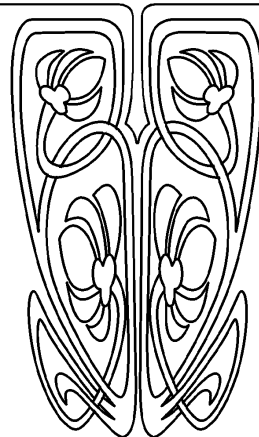
Keywords: cognitive linguistics, terminology, naïve picture of the world, scientific picture of the world, conceptual sphere.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-252-256>

В философии в последние годы наметился подход к науке как к единой системе знания и деятельности, направленной на формирование **общенаучной картины мира**. «*Общенаучная картина мира* – целостная система обобщенных представлений о свойствах и закономерностях действительности (вселенной, живой природе, обществе и человеке), построенная в результате обобщения и синтеза фундаментальных знаний, полученных в различных науках на соответствующих стадиях их исторического развития. В этом смысле понятие научной картины мира используется для обозначения горизонта систематизации знаний, полученных в различных научных дисциплинах»¹. «Системообразующими элементами этого знания являются общенаучная картина мира, стиль научного мышления и соответствующий понятийный аппарат. Кроме того, сюда входят идеологические, философские и общенаучные методологические принципы, а также обыденное знание в форме так называемого здравого смысла»². Таким образом, обыденное знание, способствующее формированию научного знания, также рационально и по форме близко к последнему, являясь предпосылкой его формирования, а следовательно, и неотъемлемым компонентом научных концептов и

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

концептосфер. Именно на уровне общенаучной картины мира формируются научные концепты, «пронизывающие» весь континуум научных знаний: МЕТОД, МЕТОДОЛОГИЯ, СИСТЕМА, СТРУКТУРА, ПАРАДИГМА и др., репрезентированные соответствующими единицами языка в разных терминсистемах. Через общенаучную научную картину мира «происходит передача фундаментальных идей и принципов из одной науки в другую, она начинает играть все более важную роль, и не столько как модель мира или его образ, сколько как синтезирующая логическая форма знания...»³

Вариантность картин мира признается всеми исследователями. Ее можно рассматривать с разных точек зрения: 1) соотношения языковой и концептуальной картин мира; 2) отличия научных картин мира от наивных; 3) особенностей частнонаучных картин мира, в том числе представленных вторичными терминсистемами одной отрасли знания; 4) развития парадигм картин мира, соотносимых с одной концептосферой; 5) степени проявления их национально-культурной обусловленности.

Цель данной статьи – рассмотреть вариативность научных картин мира с учетом социально-функциональной стратификации языка, исторического движения научной мысли и дифференциации и интеграции современных наук.

В связи с существующим в лингвистике разграничением языковых и концептуальных картин мира необходимо остановиться на проблеме их соотношения с учетом использования языка как в обыденной, так и в научной сферах.

Языковая картина мира участвует в познавательном процессе и интерпретации действительности. А. К. Брутян при определении языковой картины мира апеллирует к философской категории знания. По его мнению, языковая картина мира представляет собой всю информацию о внешнем и внутреннем мире, закрепленную языковыми средствами⁴. Данное положение обуславливает двойственный характер языковой картины мира, поскольку она относится к сферам сознания и языка. Языковая картина мира иногда характеризуется как **наивная**⁵, однако представляется, что соотношение двух рассматриваемых картин мира сложнее, ведь язык используется в разных сферах человеческой деятельности, включая профессиональную и научную, объективируя тем самым не только наивное, но и научное знание в особых языковых единицах – терминах. Обыденное сознание не едино и представлено вариантами языковых картин мира, обусловленными социально-функциональной стратификацией языка. Так, наряду с научной юридической терминологией существует не только общеупотребительная лексика, включающая в себя единицы, имеющие отношение и к юридической сфере (например *преступление*, *убийство* и т. д.), но и системы жаргонов (воровского и тюремного), в которых

имеются единицы, выражающие восприятие и понимание правовой действительности представителями криминального мира (*воровской закон* – неписанные воровские правила, *закон* – система неформальных правил разрешения конфликтов в уголовной среде, *волки позорные* – наименование работников правоприменительных органов и др.).

Научные языковые картины мира соотносятся с **профессиональными**, а также с определенными **фрагментами наивной картины мира**. Рассмотрим это соотношение на примере юридической концептосферы, где оно обусловлено существованием: 1) терминологии науки о праве (юриспруденции); 2) кодифицированной профессиональной терминологии законодательных актов (терминологии законодательства); 3) использованием правовой терминологии профессиональной деятельности представителей правоохранительных органов; 4) наличием в системе общелитературного языка лексико-семантических групп, соотносящихся с фрагментами правовой действительности.

В ходе научного осмысления правовой действительности в юриспруденции создается ряд искусственных теоретических конструктов, которые обуславливают формирование особых классификаций, включающих номинативные единицы, не используемые в терминологии законодательства. Например, при теоретической дифференциации родового термина *механизм правового регулирования* возникли видовые термины, именующие средства, способы и методы воздействия права на общественные отношения: *правовой стимул*, *правовое поощрение*, *императивный метод*, *автономный метод* и др. Указанные термины не используются в терминологии законодательства, что в определенной мере обуславливает большую узость его концептосферы по сравнению с концептосферой науки о праве.

Специфика соотношения картин мира науки о праве (правоведения) и законодательства с фрагментами наивной картины мира состоит в несовпадении классификационных оснований правовых понятий. Так, в идеальных концептосферах, создаваемых терминсистемами правоведения и законодательства, происходит усложнение таксономической структуры лексико-семантических полей, которое можно проследить на примере терминов, обозначающих преступление. В обыденной картине мира эта таксономия выглядит следующим образом: *преступление* (родовая единица) – *убийство*, *воровство*, *грабеж* (видовые единицы) и т. д. В терминологии законодательства структура соотносимой лексико-семантической группы усложняется за счет появления двух промежуточных классификационных рядов. Один из них представлен терминами: *преступления против личности*, *преступления в сфере экономики*, *преступления против государственной власти* и т. д. В свою очередь, каждый из указанных классифика-

ционных рядов дифференцируется далее. Например, *преступления против личности* включают в себя *преступления против жизни и здоровья, преступления против собственности* и т. д., а термины *убийство, воровство, грабеж* распределяются по указанным микрополям. При вхождении в терминологию правоведения все указанные термины объединяются родовым термином, обозначающим идеальный конструкт – *действия* (в отличие от *событий* и *состояний*).

Вариант профессиональной картины мира, формируемой в дискурсе работников правоприменительных органов, в отличие от рассмотренных выше, состоит в том, что в систему профессиональной лексики работников судебных, следственных, пенитенциарных и других правоприменительных органов проникают единицы уголовного жаргона. Происходит это по разным причинам. Одна из них – стремление к экспрессивности речи: *мокруха, аблакат* (вместо адвокат), *финик* (финансист), *обезьянство* (фальсификация документов) и др. Кроме того, возникновение жаргонизмов часто обусловлено законом экономии речевых усилий, что приводит, с одной стороны, к появлению сокращений (*налог* – налоговый орган, *вещдок* – вещественное доказательство, *физлы* – физические лица), а с другой стороны – к восприятию уголовных жаргонизмов вследствие отсутствия детальных классификаций преступников в кодифицированной терминосистеме или необходимости использования полилексемных терминов (*атажник* – сообщник, наблюдатель за преступлением, который готов сообщить об угрозе, *бабочник* – вор-карманник, *банкир* – крупный спекулянт наркотиками, *бановый шпан* – вокзальный вор, *блатокай* – скупщик и торговец краденым), обозначения иерархии, созданной заключенными (*барин* – лагерный авторитет, *бугор* – старший в камере). Ряд указанных единиц находится в отношениях синонимии с кодифицированными терминами, что не влияет на модификацию концептосферы, но в случаях, когда жаргонизмы используются для дифференциации понятий, не заложенной в кодифицированной терминосистеме, проникновение жаргонизмов приводит к расширению концептосферы профессионального дискурса, например при дифференциации представителей воровского мира (ср.: *баничник* – вокзальный вор, *абротник* – конокрад, *бабочник* – вор-карманник, *дачник* – дачный вор, *домашник* – вор, совершающий кражи в районе своего проживания, *домушник* – вор, совершающий кражи из квартир и др.).

Очевидно, что каждая отраслевая научная картина мира обнаруживает различие в соотношении с наивными и профессиональными, но приведенный пример направлений формирования вариативности правовых картин мира, по видимому, во многом является универсальным (например, существование подсистем профессионализмов, используемых в медицинском дискурсе для обозначения понятий, не обусловленных официальной терминосистемой: *дикобраз* – пациент

кабинета иглотерапии, *бабка-нарушка* – пожилая пациентка с нарушением мозгового кровообращения, *бэцэшиник* – пациент, у которого обнаружены гепатиты В и С, *аикнутый* – пациент после операции, проведенной при помощи аппарата искусственного кровообращения (АИК); в профессиональном общении программистов и системных администраторов: *бета* – последняя версия программы, предшествующая финальной; *зомби* – компьютер, зараженный вирусом «Троян», и др.). Как термины, так и некоторые профессионализмы медицины и программирования могут формировать также фрагменты наивных картин мира.

Концептуальную картину мира принято рассматривать в качестве ментального образа действительности. Она включает в себя культурно обусловленные стереотипы сознания и представляет собой систему концептосфер, организованных по тематическому принципу и сформированных не только в результате отражения действительности, но и в процессе мышления⁶. Следовательно, рассматривая языковую картину мира или отдельный ее вариант, мы должны, прежде всего, апеллировать ко всем ее связям с мышлением и социальными феноменами, включая общественно значимые результаты научной деятельности человека, в итоге которой формируются различные подсистемы знания. Необходимость обращения к указанным сферам предопределяет и концептуальный характер языковой картины мира, поскольку действительность в сознании человека представлена как концептуально, так и вербально. «Все формы общественного сознания (наука, философия, религия, искусство) образуют концептуальную картину мира, которая отражается в языке, формируя языковую картину мира»⁷.

В каждой научной картине мира имеются собственные ключевые концепты. Например, ключевой концепт физики – МАТЕРИЯ. В картине мира медицинской науки базовыми концептами являются БОЛЕЗНЬ, ЗДОРОВЬЕ, ЛЕКАРСТВО. Однако постоянное развитие каждой научной сферы обуславливает формирование и модификацию различных вариантов картины мира.

Научные картины мира – динамичные системы. Они постоянно изменяются в результате поиска научной истины, развития категорий и принципов различных наук, а также в силу волевого воздействия науки и практики на изменение социальных аспектов жизни общества, например в сфере правового регулирования общественной жизни государством.

В связи с этим можно выделить такие варианты научных картин мира, как **исторические**, относящиеся к определенным этапам развития научного знания. Так, в истории развития физики выделяют «четыре возникшие последовательно в разное время концептуальные системы – физические картины мира: механическую, электромагнитную, релятивистскую и квантовую»⁸, которые обнаруживают определенную

преемственность, благодаря неизменности ведущего концепта МАТЕРИЯ.

Изменения, происходящие в языковых (терминологических) картинах мира, соответствующих концептуальным, также значительны. Они затрагивают не только формирование новых номинативных единиц для обозначения не существовавших ранее понятий, но и значения терминов. Различение концепта и значения как видов отражения действительности часто проводят на основе их соотношения с когнитивным или языковым сознанием⁹. Значение термина равно понятию, закрепляемому в искусственно созданной дефиниции. Развитие или изменение научной картины мира требует формирования новых значений терминов, обусловленных новыми субъективными и объективными факторами, включая волевой, что особенно заметно в надстроечных картинах мира, например правоведения. Так, термин *государство* в советский период определялся следующим образом: «основной институт политической системы классового общества; осуществляет управление обществом, а в классово антагонистич. обществах используется для подавления классовых противников экономически господствующего класса»¹⁰. Ср. современное определение данного термина в словаре: «в теории права определенный способ организации общества, основной элемент политической системы, организация публичной политической власти, распространяющаяся на все общество, выступающая его официальным представителем и опирающаяся на средства и меры принуждения»¹¹.

Авторские научные картины мира многочисленны в разных науках. Со временем они могут восприниматься представителями определенного научного знания, как были признаны механическая картина мира И. Ньютона, гелиоцентрическая картина мира Н. Коперника и другие, получив при этом дальнейшее развитие, обогатившее научный прогресс.

Новые авторские картины мира приводят иногда к значительным преобразованиям концептосферы, например, квантово-полевая картина мира, разработанная рядом ученых-физиков. Языковая картина мира, соответствующая ей, обогатилась новыми терминами: *квант энергии, дискретные состояния, корпускулярно-волновой дуализм* и др. Языковая картина мира, соответствующая концептуальной авторской картине мира, может не только привести новую классификационную упорядоченность понятий и терминов, но и формировать элементы, размывающие терминосистему, а следовательно, и языковую картину мира, за счет необоснованного появления абсолютных синонимов (терминологических дублетов) и образования новых форм терминов. В качестве примера можно привести дефиницию термина *право* известного ученого XVIII в. Я. П. Козельского: «...основание всякого доброго или беспристрастного, то есть ни худого, ни доброго в рассуждении всех чувствующих тварей, дела называю я правом

или правостию, или справедливостью»¹². В этом авторском определении термина представлены дублеты *право, правость* и *справедливость*, два из которых являются однокоренными, что считается неоправданным для разработки четких научных классификаций.

Исторические и авторские научные картины мира распознаются только в диахронии. Синхроническая вариативность обусловлена процессами дифференциации современных наук.

Частнонаучные картины мира одной отрасли формируются на основе выделения частей, разделов науки, формирующих ее подотрасли. Например, хорошо известны два исторически сложившиеся раздела химии: неорганическая химия, в которой предмет изучения представлен химическими элементами и образуемыми ими простыми и сложными веществами (кроме соединений углерода), и химия органическая, изучающая органические вещества (соединения углерода с другими элементами). Формирование в химии знаний о структурных уровнях организации вещества привело к формированию таких частных отраслей этой науки, как *химия комплексных соединений, химия полимеров, кристаллохимия* и др.

Внутриотраслевая классификация науки часто представляет определенные трудности. Так, отмечается, что до сих пор не существует устойчивейшей классификации медицинских знаний. Наиболее приемлемая классификация подразделяет медицину на три группы знаний: медико-биологические науки, клинические дисциплины и дисциплины, имеющие медико-социальный и гигиенический характер (эпидемиология, гигиена, микробиология)¹³.

Отрасли науки могут быть классифицированы на разных основаниях, поэтому варианты картин мира определенной науки могут частично накладываться друг на друга. Например, научная картина правоведения дифференцируется в соответствии с отраслями правовой науки, которые классифицируются по трем основаниям (по назначению – материальные и процессуальные, по предметному единству – основные, комплексные (вторичные), по регулируемым отношениям – отрасли публичного права, отрасли частного права). Материально-правовой характер присущ нормам гражданского, трудового, семейного, уголовного права. Процессуальные отрасли представлены уголовно-процессуальным, гражданско-процессуальным, арбитражно-процессуальным правом. К отраслям публичного права относятся конституционное, процессуальное, финансовое, административное, уголовное право и др. Отрасли частного права – гражданское, семейное, трудовое, торговое, банковское, международное частное право. Основные отрасли права представлены конституционным, административным, уголовным, трудовым, гражданским и уголовным процессуальным правом и др. Вторичные (комплексные) отрасли права – это

отрасли, не имеющие собственных норм, а использующие нормы разных отраслей права¹⁴.

Любые отраслевые и вторичные терминосистемы включают в себя ряд общенаучных терминов, что обуславливает взаимосвязь каждого варианта научной картины мира с общенаучной. Общенаучные термины часто возникают в результате проявления общенаучной метафоры. Примеры таких метафор находим в работе И. Полозовой. К их числу автор относит, например, метафору *поле*. Рассматривая ее реализацию в лингвистике, она отмечает, что данная метафора присутствует практически во всех современных науках (от математики до социологии). Автор делает вывод о существовании только общенаучных метафор, однако некоторые приведенные ею примеры убеждают в том, что метафоры могут быть не столь универсальными, а только межотраслевыми, например, использование в биологии таких единиц, как *экватор клетки*; *ритуал* – стереотип поведения особой одного вида в стандартных ситуациях¹⁵. Следовательно, в каждой научной отрасли представлены соотносимые концепты разных уровней, которые обусловлены наличием не только общенаучных, но и межотраслевых концептуальных метафор.

Особые логико-языковые отношения складываются в частнонаучных картинах мира, формируемых комплексными отраслями знания, которые в лингвистике чаще обозначаются термином *вторичные*. Например, в составе терминосистемы медицинского права на основе генетического анализа терминов можно выделить термины базовой (исходной) терминосистемы (правовые), термины терминосистем-доноров привлекаемых терминов (спорта, медицины и т. д.), термины смешанного типа, образованные на основе соединения единиц разных терминосистем¹⁶, что характеризует не только языковые и концептуальные особенности вторичных отраслей знания и терминосистем, но и общие тенденции развития современных наук, их концептосфер и терминосистем.

Таким образом, вариативность научных картин мира обусловлена сочетанием не только экстралингвистических факторов (наличием общенаучной картины мира, развитием наук, научным творчеством индивидов, двуединым процессом интеграции и дифференциации наук), но и собственно лингвистическими – объективно существующей социально-функциональной стратификацией языка, возможностью обозначения одной номинативной единицей понятий различных научных отраслей.

В последнее время терминоведение все чаще обращается к когнитивным аспектам формирования систем понятий и терминов, поэтому изучение процессов, рассмотренных в статье, может стать важной задачей современного терминоведения.

Примечания

- 1 Научная картина мира // Гуманитарная энциклопедия. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6960> (дата обращения: 20.12.2018).
- 2 Микешина Л. Философия науки : Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования : учеб. пособие. М., 2005. С. 173–174.
- 3 Там же. С. 337.
- 4 См.: Брутян Г. Язык и картина мира // Научные доклады высшей школы. Философские науки. 1973. № 1. С. 108.
- 5 См.: Бердникова Д. Языковая картина мира как часть концептуальной картины мира // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в неязыковых вузах : материалы науч.-метод. конф. (Москва, 10 апреля 2010 г.). М., 2012. С. 271.
- 6 См.: Попова З., Стернин И. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2007. С. 52.
- 7 Алефиренко Н. Научное и обыденное в языковой картине мира // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. С. 11.
- 8 Цюпка В. Естественнонаучная картина мира : концепции современного естествознания. Белгород, 2012. С. 12.
- 9 См.: Попова З., Стернин И. Указ. соч. С. 65.
- 10 Юридический энциклопедический словарь. М., 1984. С. 65.
- 11 Большой юридический словарь. URL: <https://gufo.me/dict/law/государство> (дата обращения: 20.12.2018).
- 12 Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века / под ред. С. А. Покровского. М., 1959. С. 354.
- 13 См.: Медицина. URL: <http://www.nedug.ru/library> (дата обращения: 17.12.2015).
- 14 См.: Федорова М. Медицинское право : учеб. пособие. М., 2004. С. 12.
- 15 См.: Полозова И. Научная реальность – метафора? // Высшее образование в России. 2002. № 5. С. 75–78.
- 16 См.: Левина М. Специфика формирования новых вторичных терминосистем отраслевой терминологии (на материале частноотраслевых терминов права русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2013. С. 12–13.

Образец для цитирования:

Левина М. А., Хижняк С. П. Научные картины мира и их варианты в русском языке // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 252–256. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-252-256>

Cite this article as:

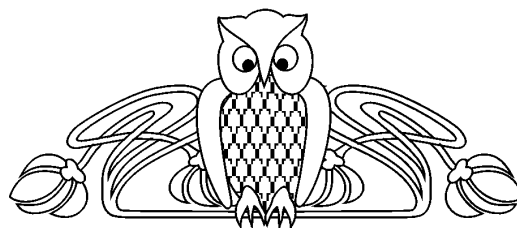
Levina M. A., Khizhnyak S. P. Scientific Pictures of the World and Their Variants in the Russian Language. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 252–256 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-252-256>

УДК 81'38

Специфика экспрессивности научно-популярного текста в аспекте прагмалингвистики

А. А. Зарайский, О. Л. Морова, В. Ю. Полякова (Харитоновна)

Зарайский Александр Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, Саратовская государственная юридическая академия, az61@mail.ru

Морова Ольга Львовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации, Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ имени Г. В. Плеханова, olga_m2003@inbox.ru

Полякова (Харитоновна) Виктория Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации, Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ имени Г. В. Плеханова, victoria_goldilocks@mail.ru

В статье рассматривается структурная организация категории экспрессивности в научно-популярном тексте. Лексико-фразеологические и синтаксические стилистические средства, используемые в романе для реализации экспрессивности и аргументированности, представлены в виде поля, имеющего центр и периферию.

Ключевые слова: категории экспрессивности, научно-популярный стиль, лексико-фразеологические и синтаксические стилистические средства.

Specific Nature of a Popular Science Text's Expressiveness from the Point of View of Pragmalinguistics

A. A. Zarskiy, O. L. Morova, V. Yu. Polyakova (Kharitonova)

Alexander A. Zarskiy, <https://orcid.org/0000-0002-6928-713X>, Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia, az61@mail.ru

Olga L. Morova, <https://orcid.org/0000-0003-3954-6361>, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics, 89 Radischeva St., Saratov 410003, Russia, olga_m2003@inbox.ru

Victoria Yu. Polyakova (Kharitonova), <https://orcid.org/0000-0001-9735-8364>, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics, 89 Radischeva St., Saratov 410003, Russia, victoria_goldilocks@mail.ru

The article studies how the expressiveness category is structured in a popular science text. Lexical, phraseological and syntactic stylistic means used in the novel in order to enhance expressiveness and reasoning are arranged as a field with the center and periphery.

Keywords: categories of expressiveness, popular science style, lexical, phraseological, syntactic stylistic means.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-257-260>

Проблемы изучения категории экспрессивности приобретают все большую актуальность в лингвистике. Это обусловлено разнообразием дискуссионных подходов к ее изучению, а также отсутствием единообразной терминологии. Термин «экспрессивность» не имеет общепринятого содержания. Нередко наблюдается отождествление эмоционально-оценочного и экспрессивного значений, которые, однако, различаются функционально, так как функция первого проявляется в «желании говорящего выразить себя, второго – повлиять на адресата»¹. Экспрессивность, таким образом, имеет очевидный прагматический характер. В рамках прагматики экспрессивность является необходимым элементом в процессе общения говорящего и слушающего и направлена прежде всего на слушающего².

Экспрессивность – это «свойство текста или части текста, которое передает смысл с увеличенной интенсивностью и имеет своим результатом эмоциональное или логическое усиление, которое может быть или не быть образным»³. Материал исследования показывает, что в научном тексте экспрессивность – это далеко не редкое явление, обладающее определенной спецификой. Использование специфических экспрессивных средств способствует реализации контактоустанавливающей функции языка и свидетельствует о наличии диалога между адресатом и адресантом.

Полемичность научных текстов является причиной наличия в них экспрессии и оценочности. Экспрессивные элементы способствуют усилению аргументированности высказывания, облегчают восприятие и понимание наиболее сложных аспектов. Другая причина использования экспрессивных элементов в научной прозе – это отсутствие в языке соответствующих понятий для выражения новых идей. Следует отметить, что центром языковой системы в научном стиле являются синтаксические средства.

Материалом для данного исследования послужил роман «Эгоистичный ген», написанный британским ученым и популяризатором науки Ричардом Докинзом. Данный роман, в основу которого положен геноцентрический взгляд на эволюцию и содержащий модели для понимания множества биологических явлений, является классическим образцом научно-популярного стиля. В научно-популярном подстиле, как отмечалось ранее, изложение рассчитано на передачу

научной информации неспециалистам, поэтому использование экспрессивных средств является важнейшим средством, помогающим доступно и убедительно передать информацию научного характера. При этом «проявление индивидуальности автора реализуется в использовании аналогий и метафорических сравнений»⁴, и использование экспрессии, таким образом, вписывается в замысел и содержание научно-популярной литературы.

В задачи нашего исследования входило выявление структурной организации экспрессивности в данном романе. С этой целью было проанализировано 106 примеров реализации экспрессивности в романе Р. Докинза «Эгоистичный ген»⁵.

Как показал анализ, к центру поля относятся восклицательные предложения, экспрессивность которых выражена наиболее интенсивно и графически с помощью восклицательного знака.

Восклицательные предложения в научно-популярном тексте служат для акцентирования внимания и установления контакта с адресатом наряду с выражением авторского отношения к утверждению.

Периферию системы составляют средства с ослабленным проявлением экспрессивности. При этом периферийная область может как примыкать к центру, так и быть от него удаленной. Периферию, примыкающую к центру, создают такие средства выразительности, как риторический вопрос и антитеза.

Риторический вопрос призван привлечь внимание адресата, вовлечь его в ход рассуждений: *We no longer have to resort to superstition when faced with the deep problems: Is there a meaning to life? What are we for? What is man?*⁶

Выражение своего отношения к описываемым явлениям также возможно с опорой на риторические вопросы. Антитеза широко используется в исследуемом произведении: *It often turns out on closer inspection that acts of apparent altruism are really selfishness in disguise*⁷.

Автор использует это стилистическое средство с целью создания контрастной характеристики описываемого явления.

Периферийной области, удаленной от центра, принадлежат такие средства выражения экспрессивности, как повтор и присоединительные конструкции. Возникая в сознании после выражения основной мысли, присоединительные конструкции добавляются к основному высказыванию обычно с помощью союзов, но также возможна и бессоюзная связь:

*But the qualities that determine a gene's longevity and fecundity are not so simple as they were. Not by a long way*⁸.

Присоединительные конструкции имеют целью усилить выражаемую мысль, ввести дополнительную, а также вызвать ощущение интриги, пробудив, таким образом, любознательность адресата.

Одними из наиболее часто употребляемых стилистических средств в исследуемом тексте

являются разновидности повторов (анафора, эпифора, анадиплозис, лексический повтор, корневой повтор).

Чаще всего в исследуемом произведении автор употреблял лексические повторы:

*Before beginning on my argument itself, I want to explain briefly what sort of an argument it is, and what sort of an argument it is not*⁹.

*Evolution works by natural selection, and natural selection means the differential survival of the 'fittest'. But are we talking about the fittest individuals, the fittest races, the fittest species, or what?*¹⁰

Лексический повтор выполняет две смежные функции: выделительную и конкретизирующую. Он помогает автору акцентировать внимание читателя на описываемом явлении или его признаке.

Менее распространенным видом повтора является анадиплозис:

*The trouble with these books is that their authors got it totally and utterly wrong. They got it wrong because they misunderstood how evolution works*¹¹.

Главная функция анадиплозиса – выделить описываемое явление, а также показать связь между двумя идеями. Кроме того, автор использует этот прием в случае появления в тексте нового понятия, которому необходимо дать определение.

Анафора представлена следующим примером:

*Let us try to teach generosity and altruism, because we are born selfish. Let us understand what our own selfish genes are up to, because we may then at least have the chance to upset their designs, something that no other species has ever aspired to*¹².

При помощи анафоры создается эффект перечисления и высказыванию придается выразительность и особый ритм.

В ходе исследования было обнаружено 62 примера употребления лексико-фразеологических стилистических средств. В соответствии с предложенной нами классификацией средств выражения экспрессивности центр поля составляют метафора и перифраз, обладающие наиболее интенсивно выраженной экспрессивностью.

Излюбленным автором и наиболее часто встречающимся стилистическим средством, несомненно, является метафора. В исследуемом произведении был собран 21 пример употребления данного средства выразительности:

*But the bees who do the stinging are kamikaze fighters*¹³.

Наличие такого большого числа примеров метафоры можно объяснить особенностями, присущими научно-популярному стилю, к которому относится исследуемый нами текст, а также особенностями авторского стиля. Имея первостепенной задачей представление научного знания читателям-неспециалистам в как можно более простой и понятной форме, автор прибегнул к активному использованию метафор; с их

помощью, сравнивая с понятными объектами повседневной действительности, автор объясняет незнакомые читателю научные термины и научные явления.

В качестве доказательств этого утверждения можно также привести следующий пример:

This DNA can be regarded as a set of instructions for how to make a body, written in the A, T, C, G alphabet of the nucleotides. It is as though, in every room of a gigantic building, there was a book-case containing the architect's plans for the entire building. The 'book-case' in a cell is called the nucleus. The architect's plans run to 46 volumes in man—the number is different in other species. The 'volumes' are called chromosomes. <...> I shall make use of the metaphor of the architect's plans, freely mixing the language of the metaphor with the language of the real thing. 'Volume' will be used interchangeably with chromosome. 'Page' will provisionally be used interchangeably with gene, although the division between genes is less clear-cut than the division between the pages of a book¹⁴.

В данном примере автор сознательно вводит метафору для объяснения такого сложного научного явления, как ДНК, и неоднократно в ходе повествования обращается к ней.

Отдельно следует отметить то, что одной из функций метафоры, реализуемой в научном стиле, является пополнение научного языка новой терминологией. Примеры реализации данной функции также можно встретить в исследуемом тексте:

Processes analogous to these must have given rise to the 'primeval soup' which biologists and chemists believe constituted the seas¹⁵.

Другим, гораздо менее используемым, стилистическим средством, входящим в центр системы лексико-фразеологических средств экспрессивности, является перифраз. Как известно, перифраз, представляя собой свободное словосочетание или целое предложение, может использоваться вместо определенного явления, выделяя при этом одну из его черт, которая в данном конкретном случае представляется наиболее существенной¹⁶. Перифраз употребляется лишь в двух собранных примерах:

From this, of course, it does not follow that you can explain the existence of entities as complex as man by exactly the same principles on their own. It is no good taking the right number of atoms and shaking them together with some external energy till they happen to fall into the right pattern, and out drops Adam!¹⁷

Основная его функция, как следует из определения, заключается в том, чтобы дать наименование явлению и его косвенную характеристику, оценку или описание. Таким образом, высказыванию придается некоторая образность и возвышенность.

Периферия, прилегающая к центру, составлена из следующих стилистических средств: эпитет, сравнение, градация, гиперболо.

Эпитет, образное определение, дающее художественную характеристику описываемому явлению, в достаточной мере распространен в исследуемом произведении – нами было обнаружено 8 примеров использования данного стилистического средства.

I shall argue that a predominant quality to be expected in a successful gene is ruthless selfishness¹⁸.

Автор использует эпитеты с целью придания образности и выразительности тому или иному высказыванию, привлечения внимания читателя к характеризованному им явлению.

Кроме того, в исследуемом произведении были выявлены такие средства выражения экспрессивности, как градация и гиперболо. Следует напомнить, что градация является фигурой речи, которая включает в себе ряд слов, каждое из которых усиливает значение предыдущего слова; гиперболой называется художественный прием преувеличения. Каждое из этих стилистических средств было использовано лишь единожды. В данных примерах гиперболо и градация выполняют схожую функцию: усиление впечатления, производимого на читателя.

In the lifetime of a man, things that are that improbable can be treated for practical purposes as impossible. That is why you will never win a big prize on the football pools. But in our human estimates of what is probable and what is not, we are not used to dealing in hundreds of millions of years. If you filled in pools coupons every week for a hundred million years you would very likely win several jackpots¹⁹.

Наконец, к удаленной от центра периферийной области относятся усилительные конструкции и устойчивые выражения. Исследуемое произведение изобилует усилительными словами и словосочетаниями. Такие конструкции содержатся в 14 примерах:

The individual-selectionist would admit that groups do indeed the out, and that whether or not a group goes extinct may be influenced by the behaviour of the individuals in that group²⁰.

A DNA molecule is too small to be seen, but its exact shape has been ingeniously worked out by indirect means²¹.

Усилительные конструкции акцентируют внимание читателя на описываемом явлении, выделяя тот или иной член предложения и усиливая его.

Автор также активно использует различные устойчивые выражения. Нами было найдено 9 примеров их употребления в исследуемом тексте. Данное средство выразительности помогает сделать рассматриваемый отрезок речи более экспрессивно окрашенным и эмоциональным, более понятным и «живым», что позволяет установить контакт с читателем и оказать воздействие на него. Предлагаем следующую классификацию средств выражения экспрессивности (таблица):

Классификация средств выражения экспрессивности

Синтаксические стилистические средства	Центр поля	<ul style="list-style-type: none"> ● восклицательное предложение
	Периферия (примыкающая к центру)	<ul style="list-style-type: none"> ● риторический вопрос ● антитеза
	Периферия (удаленная от центра)	<ul style="list-style-type: none"> ● повтор ● анафора ● эпифора ● анадиплозис ● лексический повтор ● корневой повтор ● соединение разных видов повторов и др. ● присоединение
Лексико-фразеологические стилистические средства	Центр поля	<ul style="list-style-type: none"> ● метафора ● перифраз
	Периферия (прилегающая к центру)	<ul style="list-style-type: none"> ● эпитет ● сравнение ● градация ● гипербола
	Периферия (удаленная от центра)	<ul style="list-style-type: none"> ● усилительная конструкция ● устойчивое выражение

Таким образом, экспрессия далеко не чужда научной речи. Экспрессивные средства способствуют усилению аргументированности, убедительности высказывания, они облегчают восприятие научного знания, а также участвуют в создании научной терминологии. Именно поэтому все большее число авторов, изучая роль средств выразительности в научной речи, рассматривают экспрессивность как одну из характеристик научно-популярного функционального стиля.

Примечания

1 Кухаренко В. Интерпретация текста. М., 1988. С. 42.
 2 См.: Морова О., Харитонова В. Прагматический потенциал речевого воздействия // Язык. Социум. Культура : сб. науч. ст. Саратов, 2017. С. 33.
 3 Арнольд И. Стилистика. Современный английский язык. М., 2002. С. 100.
 4 Мичурина Ю., Харитонова В. Функционально-стилевые особенности искусствоведческого текста декоративно-прикладного искусства // Язык и мир изучаемого языка : сб. науч. ст. Вып. 7. Саратов, 2016. С. 241.

5 См.: Dawkins R. The Selfish Gene. Oxford, 2006.
 6 Ibid. P. 1.
 7 Ibid. P. 4.
 8 Ibid. P. 24.
 9 Ibid. P. 2.
 10 Ibid. P. 7.
 11 Ibid. P. 2.
 12 Ibid. P. 3.
 13 Ibid. P. 6.
 14 Ibid. P. 22.
 15 Ibid. P. 14–15.
 16 См.: Гальперин И. Стилистика английского языка. М., 2014.
 17 См.: Dawkins R. Op. cit. P. 13–14.
 18 Ibid. P. 2.
 19 Ibid. P. 15.
 20 Ibid. P. 8.
 21 Ibid. P. 22.

Образец для цитирования:

Зарайский А. А., Морова О. Л., Полякова (Харитонова) В. Ю. Специфика экспрессивности научно-популярного текста в аспекте прагмалингвистики // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 257–260. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-257-260>

Cite this article as:

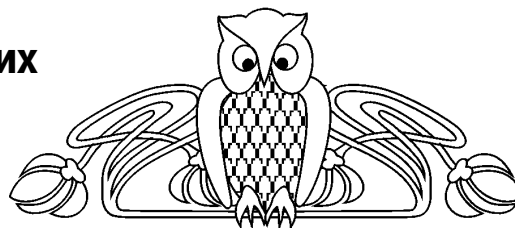
Zaraiskiy A. A., Morova O. L., Polyakova (Kharitonova) V. Yu. Specific Nature of a Popular Science Text’s Expressiveness from the Point of View of Pragmalinguistics. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 257–260 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-257-260>

УДК 811.161.1'373.611

Структурные характеристики русских графо-лексических аббревиатур

М. А. Ярмашевич

Ярмашевич Марина Аркадьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры «Иностранные языки и культура речи», Саратовский государственный аграрный университет имени Н. И. Вавилова, mayarm@yandex.ru

Статья раскрывает содержание термина «графо-лексическая аббревиатура» и ее соотношение с лексической единицей; рассматривает вопрос о ее корреляции с иконическими знаками диаграммного характера; анализирует возможность ее перехода в полный языковой знак. Графо-лексические аббревиатуры аккумулируют свойства лексических и графических аббревиатур, что проявляется в особенностях их образования и употребления в письменной и устной речи. Графо-лексические аббревиатуры могут заимствоваться, главным образом, из английского.

Ключевые слова: графо-лексическая аббревиатура, мета-знак, иконические знаки диаграммного характера, алфаветизм, акроним.

Structural Characteristics of Russian Graphic-Lexical Abbreviations

M. A. Yarmashevich

Marina A. Yarmashevich, <https://orcid.org/0000-0003-0175-5512>, Saratov State Agrarian University named after N. I. Vavilov, 1 Theatre Sq., Saratov 410012, Russia, mayarm@yandex.ru

The article reveals the content of the term "graphic-lexical abbreviation" and its relationship with the lexical unit; considers the question of its correlation with the iconic signs of the diagram character; analyzes the possibility of its transition to the full linguistic sign. Graphic-lexical abbreviations accumulate properties of the lexical and graphic abbreviations which are manifested in the peculiarities of their formation and usage in writing and speaking. The graphic-lexical abbreviations may be drawn mainly from English.

Keywords: graphic-lexical abbreviation, metasign, iconic signs of the diagrammatic character, alphabetism, acronym.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-261-267>

Аббревиация входит в разряд способов сокращенной, интегрированной передачи информации, однако по сравнению со знаками других кодовых типов аббревиатура представляет собой знак особого рода¹. Во-первых, результатом аббревиации могут являться знаки разных типов: условные знаки, знаки переходного типа, языковые знаки (последние представляют собой аббревиатурные слова, т. е. единицы, характеризующиеся признаками слова). Во-вторых, аббревиатурное слово характеризуется особым соотношением означающего и означаемого. Своеобразие заключается в том, что у аббревиатурного слова нет собственно-

го означаемого, его означаемым является означаемое полного прототипа, а точнее, неразложимый комплекс «прототип в единстве означающего и означаемого». В этом смысле аббревиатура – это «знак знака», мета-знак, который соотносится не с понятием, а с «полным словом». Особый характер означаемого позволяет отнести аббревиатуру к иконическим знакам диаграммного характера, т. е. к таким, в которых отражается отношение между частями означаемого². Однако в дальнейшем, по мере того как аббревиатура становится узуальной, она превращается из мета-знака, из «намек» на знак в особый знак, непосредственно соотносящийся с понятием. Аббревиатура – это мета-знак, стремящийся стать знаком.

Поскольку не все типы аббревиатур одинаково полно наделены свойствами знаменательных слов (фонетической оформленности, грамматической цельнооформленности, непроницаемости, изолируемости, фразеологичности значения, номинативности), особое значение приобретает выявление признаков вхождения аббревиатуры в языковую систему и факторов, способствующих превращению ее в полноценный языковой знак (номинативная способность, вступление в формально-структурные, мотивационные, парадигматические и синтагматические отношения, возможность семантического развития, формирование семантических категорий и субкатегорий, способность на диахронном срезе изменять лексическое значение и варьировать свою формальную организацию, употребление во всех типах дискурса, участие в деривационных процессах, соответствие фонетической структуры фонетическим и орфоэпическим нормам языка, возникающее в результате приспособления к фонетическим критериям произношения обычного слова).

Графо-лексические сокращения (далее – ГЛС) аккумулируют свойства лексических и графических аббревиатур, создаются с учетом их возможной звуковой реализации, что проявляется в особенностях их образования и употребления в письменной и устной речи. В той или иной степени графо-лексические аббревиатуры сближаются с лексическими (по произнесению) и способны к переходу в этот разряд. Тем не менее, подобный переход условен и реализуется с возрастанием частоты использования ГЛС по сравнению с их прототипами. Точно так же все знают, что подразумевается под аббревиатурой *США*, и только очень педантичный человек стал

бы думать об упразднении таких аббревиатур в пользу их прототипов – словосочетаний.

Однако основным фактором становления графо-лексического сокращения в качестве полнозначного слова является его звуковая реализация, отвечающая требованиям звукового оформления слова, т. е. ГЛС становится словом только тогда, когда начинает произноситься как слово в соответствии с общепринятыми фонетическими нормами. Поэтому эквивалентность коммуникативно-дискурсивной сферы воспроизведения аббревиатур задается степенью адекватности фонетической реализации нормам орфоэпии, и когда ГЛС приобретает произносительные характеристики обычного полнозначного слова, можно говорить о возможности его полного вхождения в языковую систему. Структурно-семантический тип ГЛС включает в себя аббревиатуры, стремящиеся принимать форму и выполнять функцию полнозначных слов. По характеру произношения основными подтипами графо-лексических сокращений являются акронимы (произносимые по составляющим их звукам) и алфавитизмы (произносимые по названиям образующих их букв)³.

Алфавитическое (побуквенное) прочтение графо-лексических аббревиатур может быть обусловлено следующими обстоятельствами: 1) наличием труднопроизносимых сочетаний звуков; 2) невозможности существования в языке данного фонетического типа, ср.: *ВЦСПС*, *КПЗ*, *КПП*, *КПРФ*, *ЛДПР*; 3) тяготением к сохранению информационно значимых компонентов.

Стремление сохранить информативную значимость компонентов оказывается настолько сильным, что именно этот фактор определяет сравнительно небольшое количество акронимов: даже когда графо-лексическое сокращение вполне можно прочитать по акронимическому типу, его прочтение идет по алфавитическому. Тем не менее, причина данного явления лежит не в информационных закономерностях, а в структурно-языковых, т. е. в несоответствии общих фонологических и просодических тенденций языка оформлению ГЛС. Вместе с тем проявляется еще одна причина (четвертая) – омонимическое оттапливание, поскольку аббревиатура в ряде случаев является источником создания омонимов: *АС* [аэс] < *атомная станция* и *ас* 'первоклассный летчик; мастер своего дела' (перен.).

В русских алфавитизмах наблюдается специфика системы фонем и их сочетаемости, которая проявляется в ряде факторов. Во-первых, в ограниченной возможности нахождения тех или иных фонем в определенных позициях, которая может быть связана либо с ограничениями, налагаемыми системой языка (например, отсутствие или уникальность нахождения двух гласных подряд в русских аббревиатурах – *ОАГ* [оагэ]), либо со стремлением к побуквенному произнесению аббревиатур, сокращающим возможно-

сти сочетания двух или более согласных фонем (*ФСБ*: возникшее сочетание трех согласных разрушается при побуквенном прочтении [эфэсбэ]). Во-вторых, в ослаблении противопоставления сильных и слабых позиций фонем, поскольку ослабевает централизирующая роль ударения за счет стремления сохранить информативную значимость компонентов, что отражается на произношении согласных в алфавитизмах: встречаясь перед гласным при алфавитном прочтении аббревиатуры, согласный всегда находится в сильной позиции. В-третьих, в ограниченной представленности гласных фонем в позициях после согласных (это только [э] и – реже – [а]). При рассмотрении системы гласных фонем приходится учитывать наличие или отсутствие того или иного гласного в позиции после того или иного конкретного согласного, что связано с особенностями алфавитного прочтения согласных букв с гласными [э] ([е]) и [а], стоящими, как правило, после согласных и лишь в более редких случаях – перед ними (ср.: *ДВР* [дэвэр], *КПП* [капэпэ], *КПРФ* [капээрэф]).

Подобное алфавитическое прочтение приводит к характерному для многих инициальных аббревиатур господству открытых слогов, ср.: *КПЗ* [капэзэ], *ЖД* [жэдэ], *БДТ* [бэдэтэ]. Однако существуют и *ЛСД* [элэсдэ], *РФ* [эрэф]. Наблюдается тенденция, нередко проявляющаяся в устной речи (причем не только разговорной) и заключающаяся в том, что первый, кодифицировано закрытый слог превращается в открытый, ср.: *ФРГ* [фээрэгэ] вместо [эфэргэ], *ФСБ* [фээсбэ] вместо [эфэсбэ], *США* [сэшэа] вместо [эсшаа]. В последнем случае наблюдается также замена гласного [а] во втором слоге на более частый для русских алфавитизмов [э], который позволяет избежать соседства двух одинаковых гласных [а], что не характерно для русского языка. В отдельных случаях в речи происходит замена на открытый слог не только первого закрытого слога, но и последующих: *РСФСР* [рэсэфэсэр] вместо [эрэсэфэсэр]. Нередко в книжной речи появляется новое прочтение и написание алфавитизмов, ср.: *Чем еще украсишь мировую атмосферу: мы покажем крупный кукиш Сэ-ШэА и эСеСеРу* (Высоцкий В. С. Поэзия и проза. М., 1989. С. 69).

Акронимическое (звуковое) прочтение инициальных сокращений наблюдается в тех случаях, когда фонетическая структура ГЛС не противоречит закономерностям строения слова, ср.: *СЭС* < *санэпидстанция*, *ВАК* < *Высшая аттестационная комиссия*, *ОВИР* < *отдел виз и регистраций*.

Соответствие фонетической структуры акронимов фонетическим и орфоэпическим нормам языка, возникающее в результате приспособления к фонетическим критериям произношения обычного слова (объединение слогов в единый звуковой комплекс, наличие единого

ударения и др.), значительно отличает их от алфabetизмов, ср.: *КАТЭК* < *Канско-Ачинский теплоэнергетический комплекс* [кАтэк], а не [каатээка], *КамАЗ* < *Камский автомобильный завод* [кАмас], а не [кааэмазэ], *ТОЗ* < *Тулский оружейный завод* [тос], а не [тэозэ], *ТАСС* [тас], а не [тээсэс]. В этих случаях произношение инициальных аббревиатур подчиняется нормам фонетической организации полнозначных слов, что часто приводит к появлению омонимии акронимов обычным словам, ср.: *МИГ* и *миг*. Общим условием образования акронимов является соответствие их строения существующему в языке структурному типу слова⁴. За последние десятилетия в русском языке произошло значительное увеличение удельного веса акронимов (62%) и некоторое снижение показателей количества образования и частоты употребления алфabetизмов (38%). Данный процесс нашел отражение в создании специального термина «акронимания»⁵. Вероятно, причиной его возникновения и развития является стремление носителей языка оперировать языковыми единицами, максимально приближенными по своим характеристикам к традиционно выделяемым, в данном случае – к обычным знаменательным словам. Фонетическое оформление акронимов, не отличающееся от фонетического оформления обычных слов, и способность выражать грамматические значения регулярными для языка способами становятся, по-видимому, основными факторами в возрастании продуктивности данной модели.

Вместе с тем алфabetизмы по-прежнему продолжают оставаться высокочастотными единицами. Наряду с этим количество новых алфabetизмов, особенно сложных, состоящих из четырех и более элементов (типа *КПРФ*, *ЛДПР*, *ВГТРК*), уступает количеству новых акронимов. Иногда в русском языке отмечаются случаи произнесения алфabetизмов по акронимическому типу, если это позволяет фонетическая структура сокращения. Так, *США*, кроме двух уже упомянутых вариантов алфавитного чтения, имеет (в разговорной речи) и акронимический: [ш:а], а не [сша:]. Ср. также: *АППК* < *Ассоциация работников революционной кинематографии* [арк], *ВДОЛК* < *Всесоюзное добровольное общество любителей книги* [вдолк], *РОКК* < *Российское общество Красного креста* [рок], возникшие в 20-е гг. XX в.

Другая тенденция, связанная с основными изменениями строя русского языка (рост аналитизма и черт агглютинативности в структуре производного слова⁶), ярко проявляется в ослаблении чередований на морфемном шве, поддерживаемом явлением интерфиксации: производство новых слов, не сопровождаемое никакими изменениями на границе морфем, приводит к прозрачности морфемного шва. В последние годы нередко граница морфем изо-

бражается даже графически: аббревиатура пишется прописными буквами, а интерфикс, суффикс и окончание (если оно есть) – строчными, однако прежнее написание также остается. Ср.: *фээсбэшиник*, *эспээсовец*, *энтэвэшиник*, *НТВшники*, *ГАИшники*, *гаишники*, *ЛДПРовцы*, *ТЭРовский*, *СПИДа*, *СПИДом*; *гулаговский*, *ГУЛАГовский*. ...*Куба будет производить пиратские лекарства против СПИДа без всяких лицензий – это обстоятельство заставит власти уделять больше внимания борьбе со СПИДом* (АиФ. 2010. № 34).

Основным подтипом алфabetизмов являются собственно алфabetизмы (85% случаев образования при 95% употреблении), читаемые по алфавитным названиям букв, ср.: *МФФО* < *Международная федерация философских обществ* [эмэфэфо]. Другой вид алфabetизмов – комбинаторно-смешанный – встречается реже (3,4% случаев образования при 3,9% употреблении), но при этом образует несколько подвидов. Чаще других встречается сочетание алфabetизм + акроним (соединение алфавитного и звукового типов): *ЦСКА* < *Центральный спортивный клуб армии* [цээска], *МГОС* < *Московское городское общество слепых* [эмгэос], или обратное построение акроним + алфabetизм: *АСУТП* < *автоматизированная система управления технологическим процессом* [асутэпэ], *ГИБДД* < *Государственная инспекция безопасности дорожного движения* [гибэдэдэ]. Тем не менее, регистрируются еще более сложные образования: акроним + алфabetизм + акроним (*ИФТ-ПЭ* < *институт физико-технических проблем энергетики* [ифтэпэ]), усечение + алфabetизм (*КазГУ* < *Казанский государственный университет*). Сочетания аббревиатур (3,4% случаев образования при 0,5% употреблении) типа *ХДС/ХСС* < *Христианско-демократический союз – христианско-социальный союз*, *ПДД-ДИК* < *Португальское демократическое движение – Демократические избирательные комиссии* малочисленны в русском языке. В некоторых случаях подтип алфabetизма остался невыясненным (8,2% случаев образования при 0,6% употреблении) и объясняется тем, что словари опаздывают с регистрацией новой лексики. В самом же тексте аббревиатура расшифровывается не всегда, иногда приводится лишь значение алфabetизма, ср.: *СТТК* ‘Центральный союз организаций технических служащих’.

Графо-лексические аббревиатуры, в том числе алфabetизмы, могут заимствоваться русским языком из других языков, чаще всего – из английского, причем в некоторых русских аббревиатурах звуковое прочтение алфabetизмов передается графически (ср.: *Би-би-си* < *BBC* < *British Broadcasting Corporation*, *эм-ти-ви* < *MTV* < *Music Television*). В русских газетных текстах, например, аббревиатуры все чаще появляются в своем оригинальном виде (*BBC*, *MTV*), что отра-

жает общую тенденцию к интернационализации лексики, свойственную развитию современных языков. Заимствование иноязычных алфаветизмов русским языком может осуществляться двумя способами: во-первых, возникнув в языке оригинала, аббревиатура переходит в русский язык в готовом виде и существует как заимствованный элемент лексики, ср.: МПЛА < MPLA < *Movimiento Popular de Libertacio de Angola* (исп.); во-вторых, образование своей аббревиатуры на базе перевода исходного названия, ср.: ПТНР < *профсоюз транспортных и неквалифицированных рабочих* < *TGWU* < *Transport & General Workers' Union* (англ.). При заимствовании алфаветизмов русский язык чаще идет по второму пути, что на первый взгляд входит в противоречие с отмеченной выше тенденцией. Однако эти направления параллельны.

Так, стремление к интернационализации затрагивает только общеупотребительные и высокочастотные иноязычные аббревиатуры различных структурно-семантических типов. Поэтому аутентичные единицы, особенно частотные и привычные для слуха, с легкостью заимствуются в максимально приближенном к оригиналу виде. Вместе с тем заимствование аббревиатур в силу экстралингвистических причин, мало знакомых носителям русского языка, воспринималось бы как создание излишних с прагматической точки зрения варваризмов. Кроме того, вследствие специфики алфаветизмов и известной доли условности этих единиц прямая транслитерация иноязычных аббревиатур еще более затруднила бы их понимание.

В последнее время наметилось появление третьего способа. При заимствовании графолексические сокращения нередко претерпевают лексикализацию, появляясь в другом языке в форме полнозначного слова. Например, *PR* < *public relations, personal rating* приобрел помимо лексикализации и видоизмененную семантику за счет прибавления негативно-оценочного компонента смысла: слово *пиар* используется в выборных технологиях в значении нечестной политической рекламы, ср.: *пиарить, пиаровская возня, прожженный пиарщик, пиаровская акция, надутые пиароносцы*. Ср.: *В пиаровском плане (В. В. Путину) надо было вернуться в Москву* (ТВ-6. Сегодня. 2012.); *Многие пиар-компании заинтересованы в том, чтобы выборы проходили чаще* (ТВЦ. Ночной полет. 2012.).

Вступая в синтагматические отношения, в предложении алфаветизмы и их производные могут выполнять практически все синтаксические функции, ср.: *НТВ – самый популярный канал в среде интеллигенции* (КП. 2009. 19 окт.) – подлежащее. *Возможно, эта штука и в самом деле была НЛО, а может быть, она была массовой галлюцинацией или миражом, сродни тем, что бывают в пустынях...* (Пути в незнание. 1977. Вып. 12) – именная часть составно-

го именного сказуемого. *Метрах в пятидесяти от блиндажа Горюнов увидел своего энса [НС < начальник связи] и бросился к нему, на ходу вытаскивая пакет...* (Бондарев 1988: 81) – прямое дополнение, выраженное производным от аббревиатурным существительным. *Сигнал ХН [< химического нападения] подается немедленно, за ним следует команда «Газы!»* (ИГО. 1979. 12 дек.) – несогласованное определение. *Её простенькая хэбэшинная блузочка почему-то навсегда осталась в моей памяти...* (Нагибин Ю. Повести и рассказы. М, 1973. С. 198.) – согласованное определение, выраженное производным от аббревиатурным прилагательным. *Французское изобретение применяется и в США* (КП. 2008. 12 июня) – обстоятельство места.

Таким образом, алфаветизмы, как и обычные слова, вступают в синтагматические отношения и употребляются во всех типах дискурса. В ряде случаев алфаветизмы в речи способны к словоизменению по общезыковым правилам, а также могут служить мотивирующей основой для создания производных слов. Следовательно, для алфаветизмов характерно стремление приблизиться к слову при сохранении существенных отличий от обычной для языка фонетической и графической структуры единицы. Поскольку вхождению алфаветизмов в языковую систему в качестве полноценных языковых единиц нередко препятствует специфика их звуковой реализации, не соответствующая фонологическим нормам построения слова языка, для них характерно стремление приблизиться к слову при сохранении существенных отличий от обычной для данного языка фонетической структуры. ГЛС являются условными знаками, стремящимися к переходу в языковые. В русском языке наметившаяся орфоэпическая тенденция побуквенного произношения алфаветизмов с образованием на основе единого ударения единого звукового комплекса предоставляет возможность их перехода в обычные полнозначные слова. Таким образом, строй языка в большей или меньшей степени определяют не только типичность аббревиатуры, но и направления ее дальнейшего развития.

Приближение к характеристикам и параметрам полнозначного слова наиболее полно и всесторонне проявляется в другом типе ГЛС – акронимах. В русском языке количество акронимов, фонетическая структура которых соответствует фонетической структуре обычных слов, значительно возросло за последние десятилетия и продолжает увеличиваться в настоящее время, повысилась и частотность их употребления. Как правило, в качестве реальной единицы коммуникации в таких случаях выступает сокращенная единица, в то время как полная служит только мотивирующей основой. Многие акронимы образованы как краткие имена для государственных учреждений, между-

народных организаций, ср.: *ООН, НАТО, ЕЭС, ФИФА, СЭВ, КОНС*.

В некоторых случаях полное официальное название по своему фонетическому облику полностью повторяет слова, существующие в языке, ср.: *АЛЖИР* (< Актюбинский лагерь жен изменников Родины), *БУК* (< боевой устав конницы). В некоторых случаях, когда усечение мотивирующего словосочетания проходит не по графо-лексическому, а по лексическому типу, готовая единица приобретает вид акронима, ср.: *АСНОВА* < *Ассоциация новых архитекторов* (омофон слова «основа»). В ходе употребления в состав акронима могут включаться неинформативные служебные слова, обычно, как правило, опускаемые (ср.: *КЗОТ* [гзот] < *Кодекс законов о труде*). Таким образом, при образовании и создании акронимов очень четко просматривается тенденция сближения акронимов с обычными словами.

По способам заимствования в алфавитизмах и акронимах прослеживается аналогичность тенденций: как и алфавитизмы, акронимы могут возникать в результате заимствования или транслитерации исходной единицы, т. е. либо иноязычная единица заимствуется целиком, ср.: *АВАКС* < *AWACS* < *Airborne Warning and Control System*, *ФИАТ* < *FIAT* < *Fabrica Italiana Automobile Torino*, либо происходит перевод слов-компонентов оригинальной единицы, в результате возникает новый акроним, который образован уже за счет усечения прототипической основы языка-реципиента, ср.: *ЕЭС* < *Европейское экономическое сообщество* < *ЕЕС* < *European Economic Community* (англ. яз.), *ТОРС* < *тяжелый острый респираторный синдром* < *SARS* < *Severe Acute Respiratory Syndrome*, *ВИЧ* < *вирус иммунодефицита человека* < *HTV* < *Human Immune Virus* (англ. яз.) – в данном случае перевод английского алфавитизма привел к появлению русского акронима *СПИД* < *синдром приобретенного иммунодефицита* < *Aids* < *Acquired Immune Deficiency Syndrome*.

Поскольку наиболее интенсивно аббревиатуры входят в язык именно для пополнения лексики новых, стремительно развивающихся отраслей науки и техники, акронимы часто образуются и употребляются для наименования особых специальных понятий и в основном получили широкое распространение в номенклатурных системах различных областей науки и техники⁷. Акронимы достаточно полно удовлетворяют требованиям данных систем, поскольку обычно лишены многозначности (так как обозначают конкретное понятие или предмет) и легко запоминаются (так как фонетически ничем не отличаются от обычных слов), ср.: *ГУН* < *генератор, управляемый напряжением*, *ТУЗ* < *течеискатель ультразвуковой*, *КИМ* < *кодowo-импульсная модуляция*, *ПАД* < *полевой аккумулятор давления*.

В соответствии со структурой акронима его можно отнести к тому или иному подтипу. Так,

ведущим подтипом акронимов рассматриваемых языков является буквенный (64,5% случаев образования при 93,8% употребления), ср.: *МОК* < *Международный олимпийский комитет*, *БАД* < *авиационная бомбардировочная дивизия*, *ПЭЦ* < *приливная электроцентральный*.

Другой подтип акронимов (фрагментарный) представлен менее широко (4,7% случаев образования при 1,1% употребления), ср.: *МОСКОМОНЕС* < *Московская комиссия по делам несовершеннолетних*, *ПЕТРИН* < *Петрографический институт* (рус. яз.) и по способу образования примыкает к лексическому типу, тем не менее, графическое и фонетическое оформление данных единиц позволяет причислить их к акронимам.

Единицы комбинированного подтипа образуются в русском языке в 18,6% случаев и употребляются в 3,7% случаев. Подтип не получил широкого распространения, но по данной модели достаточно часто образуются единицы, обозначающие названия различных организаций, ср.: *Гипрококс* < *Государственный институт по проектированию предприятий коксохимической промышленности* (представлены не все компоненты исходного словосочетания). Данную модель можно соотнести с моделями сращения и приклеивания. Результирующие единицы могут строиться по следующей схеме: фрагмент + буква + фрагмент, буква + фрагмент + ... *n*, буква + слово и т. д. Ср.: *Гипронимаш* < *Государственный проектный научно-исследовательский институт машиностроения*, *МОСГОРДЭТС* < *Московская городская детская экскурсионно-туристская станция*. Подобные аббревиатуры, очевидно, могут появляться только в русском языке, поскольку для него вообще характерны многосложные слова.

Акронимы, как и графо-лексические аббревиатуры вообще, практически всегда являются существительными и могут использоваться атрибутивно, как любое другое существительное, находящееся в препозиции по отношению к определяемому им слову. Акронимы всегда сохраняют валентность прототипической основы; они нередко получают лексическое и грамматическое значения полнозначного слова в зависимости от характера языка, могут служить основой для производных слов и легко сочетаться с деривационными суффиксами. Данные процессы начинаются с письменной речи, а потом входят в сферу употребления устной.

Можно установить факторы, способствующие развитию функциональной значимости акронимов и их становлению в качестве полноценных средств коммуникации. Так, уже переход от прописного к строчному написанию может свидетельствовать об усвоении языком аббревиатуры как целостной единицы, ср.: *ВУЗ* > *вуз*, *ВТУЗ* > *втуз*, *РОНО* > *роно*. От строчного написания наблюдается широкое образование но-

вых форм, которые, в свою очередь, образуют производные уже от единиц (алфабетизмов или акронимов), оформленных как прописными буквами, так и строчными (ср.: *рафовский, рафовец, рафик; вазовский, вазовец; вузовский, межвузовский, послевузовский, вузовец; натовский, пронатовский, натовец; бич (бича, бичи, бичей), бичевать (бичую, бичевал), бичевка; бомж, бомжевать, бомжатник; тэнтэшиник (и), энтэвэшиник (и)*). Е. А. Земская даже выделяет последний тип производных в особую морфологическую модель «имена лиц на *-(ш) ник*» с интерфиксом *-ш-* и базовой основой, представленной аббревиатурным несклоняемым существительным или прилагательным с «исходом на гласный»⁸ и относит подобные производные к «словам, имеющим ярко выраженный сниженный характер». Однако позднее ученый говорит уже об активном перемещении подобных единиц из периферийных сфер языка в центр системы как одной из основных черт современного дискурса и в качестве многочисленных причин этого процесса главными считает события общественной жизни, изменение условий функционирования социума, расширение сфер протекания коммуникации и т. д.⁹, поскольку при словообразовании наиболее благоприятным условием для создания слов по аналогии является наличие деривационной модели, обладающей каким-то четким значением¹⁰. Являясь максимально приближенными к слову языковыми единицами, акронимы вступают в синтагматические отношения, выполняя в предложении любую синтаксическую функцию, присущую существительным.

Таким образом, звуковое прочтение инициальных сокращений наблюдается в тех случаях, когда фонетическая структура ГЛС не противоречит закономерностям строения и нормам фонетической организации слов соответствующих языков. Большинство ГЛС являются двух-, трехкомпонентными единицами. Графо-лексические аббревиатуры могут заимствоваться русским языком из других, чаще всего из английского. Вместе с тем количество незаимствованных акронимов непрерывно увеличивается. Основным подтипом алфабетизмов являются собственно алфабетизмы, т. е. аббревиатуры, образованные сокращением слов до их начальных букв и читаемые по алфавитным названиям этих букв.

Как алфабетизмы, так и акронимы имеют лексическое значение, системы их словоизменения и их дистрибуция в предложении стремятся к полному соответствию с аналогичными системами и дистрибуцией полных слов. При этом для алфабетизмов характерно стремление приблизиться к слову при сохранении существенных отличий от обычной для языка фонетической структуры слова. Максимальное приближение графо-лексической аббревиатуры к слову достигается посредством акронимизации. Общим условием образования акронимов является со-

ответствие их строения существующему в языке структурному типу слова и фонетическим нормам языка. Ведущим подтипом акронимов является буквенный. Фрагментарный тип представлен не столь широко, как буквенный, и по способу образования примыкает к лексическим аббревиатурам. К комбинированному подтипу относятся единицы, в состав которых вошли не все компоненты мотивирующей основы. При общей регулярности акронимов буквенного подтипа особенностью русского языка являются комбинированные, объединяющие модель акронимии с моделями образования слогоморфемных и сложносокращенных единиц, что объясняется влиянием структурно-семантических характеристик языка, которые совместно с информационными факторами снимают определенные ограничения на переход сокращения из разряда конвенциональных знаков-символов в число языковых.

Все типы и подтипы графо-лексических аббревиатур всегда сохраняют валентность, получают значения и окончания числа и падежа при наличии их формального выражения, могут использоваться атрибутивно, служить основой для производных слов и легко сочетаться с деривационными суффиксами.

Таким образом, графо-лексические сокращения являются знаками переходного типа, т. е. конвенциональными знаками, вбирающими в себя все характеристики языковых и обнаруживающими тенденции перехода в полнозначное слово, который может быть осуществим только в случае вступления ГЛС в формально-структурные, мотивационные, парадигматические, деривационные, семантические, дискурсивные и другие связи и отношения, а также при соответствии их фонетической структуры фонетическим и орфоэпическим нормам языка, возникающем в результате приспособления к фонетическим критериям произношения обычного слова (объединение слогов в единый звуковой комплекс, наличие единого ударения и др.). Несмотря на то что в целом структурно-семантические характеристики русского языка влияют на специфику образования, выделения типов и подтипов и употребление графо-лексических аббревиатур, т. е. на их регулярность и продуктивность, сами структурно-семантические и функциональные характеристики ГЛС в значительной мере зависят от коммуникативно-дискурсивных тенденций развития социума.

Примечания

- 1 См.: *Могилевский Р.* Аббревиация как лингвистическое явление : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1966.
- 2 См.: *Якобсон Р.* Избранные работы. М., 1985.
- 3 См.: *Поливанов Е.* Революция и литературные языки

- Союза ССР // Поливанов Е. Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 56–70.
- ⁴ См.: *Bauer L.* English word-formation. Cambridge, 1983.
- ⁵ См.: *Заботкина В.* Новая лексика современного английского языка. М., 1989.
- ⁶ См.: *Земская Е.* Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
- ⁷ См.: *Даниленко В.* Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977.
- ⁸ См.: *Земская Е.* Словообразование как деятельность. М., 1992.
- ⁹ См.: *Земская Е.* Активные процессы современного словопроизводства. М., 2000.
- ¹⁰ См.: *Блумфилд Л.* Язык. М., 1968.

Образец для цитирования:

Ярмашевич М. А. Структурные характеристики русских графо-лексических аббревиатур // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 261–267. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-261-267>

Cite this article as:

Yarmashevich M. A. Structural Characteristics of Russian Graphic-Lexical Abbreviations. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology: Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 261–267 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-261-267>

УДК 811.161.1'366+811.411.21'366

К вопросу о внутренней флексии корней в арабском и русском языках (флективный анализ структуры корня)

Р. А. Аль-Фоади, В. Н. Зарытовская

Аль-Фоади Рахим Али, доктор филологических наук, доцент, Багдадский университет, Республика Ирак, raheem_3friend@yahoo.com

Зарытовская Виктория Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, widaad@yandex.ru

В статье посредством структурно-флективного анализа арабских и русских корней устанавливаются регулярные элементы, участвующие во внутренней флексии и устанавливающие правила, которыми управляется внутренняя флексия в семитских и индоевропейских языках. Авторами выявляются научно обоснованные закономерности, имеющие перспективу составить основу разнообразных типологических работ.

Ключевые слова: русский и арабский языки, корень, внутренняя флексия, гласная модификация, целостность слова.

To the Question of Internal Inflection of the Roots in Arabic and Russian (Inflected Analysis of the Root Structure)

R. A. Al-Foadi, V. N. Zarytovskaya

Raheem A. Al-Foadi, <https://orcid.org/0000-0001-8699-9596>, University of Baghdad, Bab-Al-Muaddam, Baghdad 10047, Republic of Iraq, raheem_3friend@yahoo.com

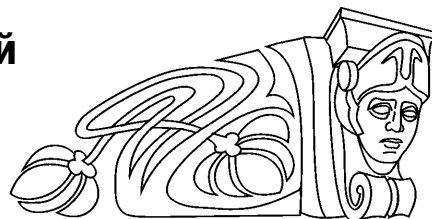
Victoria N. Zarytovskaya, <https://orcid.org/0000-0001-9910-7913>, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia, widaad@yandex.ru

The article defines the regular elements participating in the internal flexion and establishing the rules by which the internal flexion is controlled in the Semitic and Indo-European languages, based on the structural-inflectional analysis of the Arabic and Russian roots. The authors identify the scientifically proved patterns with the prospect of forming the basis of a variety of typological works.

Keywords: Russian and Arabic languages, root, internal inflection, vowel modification, integrity of the word.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-268-275>

Общепринятая дефиниция внутренней флексии (ВФ) как «способа выражения определенных значений только посредством изменения самого корня»¹, несомненно, является важной попыткой раскрыть сущность этой категории. Однако внутренняя флексия в семитских и индоевропейских языках, как будет показано ниже, представляет собой более сложное, многоуровневое явление, которое невозможно ограничить изменением корня, исключив из рассмотрения прочие элементы его структуры. Обращение к данному явлению обязывает нас не только анализировать корень с фор-

мальной точки зрения, но и выделять те языковые факторы, с помощью которых ВФ выражается, такие как гласная модификация звукового состава, правила, которыми управляется ВФ, и фонетические законы, служащие систематизирующей основой данного явления.

Начнем с того, что определение ВФ как изменения корня противоречит неопровержимым фактам классического арабского языка – представителя семитской языковой семьи и русского – представителя индоевропейской. Многовековой научный постулат о том, что семитские корни являются неизменными элементами языка, и устоявшееся в русской грамматической традиции утверждение, что «корень – носитель вещественного, лексического значения слова, центральная его часть, оставшаяся неизменной в результате морфологической деривации; выражает идею тождества слова самому себе...»² входят в противоречие с определением ВФ как изменением корня. Однако встает и другой вопрос: если ВФ обусловлена изменением корня, то невозможным станет общепринятое допущение, суть которого заключается в том, что слово представляет собой целостность при модификации его грамматической формы исключительно с помощью звука флексии³. Поскольку в данной работе учитывается не только морфологическая целостность слова, но и фонетическая, семантическая, лексическая и маркировочная, возникает следующая дилемма:

1) либо утверждать, что корень не изменяется при ВФ, а весь его звуковой состав модифицируется, чтобы не нарушалась целостность слова, его неизменность и вещественное, лексическое значение;

2) либо признать ВФ изменением корня, и тогда придется отказаться от целостности слова, неизменности корня и модификации его звукового состава.

Из данной дилеммы следует, что суждение о ВФ непосредственно зависит от четырех языковых категорий: *корня и его неизменности, модификации его звукового состава, целостности слова и вещественного, лексического значения*, которые требуют тщательного анализа, чтобы четко установить систематические правила ВФ.

1. Изменяется ли корень при внутренней флексии?

Вопрос ВФ тесно связан с конкретной языковой единицей – корнем, выделение состава кото-

рого однозначно раскрывает суть данного явления в арабском и русском языках. Зависимость ВФ от того, что корень представляет собой, неотложно обязывает лингвистов выделить его составные элементы, что поможет установить процессы, которым корень может подвергаться при ВФ.

В арабском языке корень является «основными элементами»⁴, «неделимым остатком морфологического членения в синхронном плане, безотносительным к какой бы то ни было форме слов, и в нём выделяются отдельные значимые элементы (выделено нами. – Авт.)»⁵, представленные согласными, с которыми связывается вещественное значение слова⁶. При этом выделение значимых элементов арабского корня основывается на признанной весьма последовательной, сложившейся в арабском языкознании теории звукоподражания. Данная теория применяется как к основным элементам, выделенным Ибн Джинии, так и к фонемам, на которые указывал Л. В. Щерба и которые могут выступать основой новых слов, являясь носителями семантических различий⁷. Звукоподражательная особенность арабского корня точно раскрывает его сущность, поскольку в ней играет роль порядок следования элементов, выражающий в большинстве случаев процесс, осуществленный тремя последовательными действиями. Каждое действие процесса относится к одному из трех системных элементов, что определяет, уточняет и конкретизирует состав трехслогового арабского корня⁸. Анализируя мнение Ибн Джинии об арабской звукоподражательной теории, современный лингвист Хасан Аббас объясняет механизм порядка следования элементов корня тем, что арабы создавали свои слова, соотнося звуки с признаками смысла и желаемой цели, располагая звуки по действиям процесса, т. е. первый звук подражает началу действия, второй его середине, а третий его концу⁹.

Первый элемент арабского корня выражает начальное действие процесса и в силу своей физиологической функции отражает звукоподражание, как, например, /f/, означающий отделение. Второй элемент корня, безусловно, выражает второе действие процесса, например, /r/ – повторение, а третий – заключительное действие процесса, уточняет и конкретизирует общий смысл корня. Ср.: *farada* – ‘отделять по одному, делать зарубки на дереве’, *fağaza* – ‘отделять по сортам, сортировать’, *fağaqā* – ‘разъединять’. Первые два согласных звука выражают основной смысл, а третий уточняет его. Таким образом, порядок расположения согласных корня демонстрирует систему действий, из которых состоит процесс. При этом, где бы ни располагался значимый элемент корня, он выражает одно и то же звукоподражательное значение. Так, звук /q/ выражает разрезание/отрыв как конечное действие процесса разъединения в глаголе *fağaqā* ‘разъединять’. А поскольку для разъединения необходимо от-

делить части какого-то материала, повторить отделение и разорвать связи между отделенными друг от друга частями, звукоподражательный порядок следования элементов корня *fağaqā* выражается следующим образом: /f/ – отделение, /r/ – повторение и /q/ – разрезание.

Теория Ибн Джинии о трех действиях процесса представляется нам логичной, поскольку разъединение – это не только отделение некоторых частей чего-то, но и повторение отделения этих частей, и обрыв связей между ними. Еще убедительнее данная теория становится, когда все элементы сохраняют свое звукоподражательное значение в разных местах по порядку следования в различных корнях. Так, звук /q/ означает разрезание/отрыв не только, когда он выступает в качестве последнего по порядку элемента типа *fağaqā* ‘разъединить’, но и когда он следует в качестве второго элемента. Так, *fağaqā* ‘параграфировать’ имеет одни и те же звуки, что и *fağaqā* ‘разъединить’, но действия процесса организованы в другом порядке: /f/ – отделение, /q/ – резание и /r/ – повторение, поскольку для параграфирования нужно сначала отделить параграфы друг от друга, разорвать письменную связь между ними и повторить отделение параграфов. Другими словами, отделение параграфов друг от друга и разрыв письменной связи между ними необходимо повторить, чтобы состоялся текст с несколькими параграфами. Когда же звук /q/ в слове *fağaqā* ‘разъединить’ выступает в качестве последнего элемента корня, он означает разрыв как последнее действие процесса после отделения, выраженного звуком /f/, и повторения отделения, которое выражает звук /r/. Таким образом, еще раз повторим, элементы арабского корня значимы и сохраняют свое звукоподражательное значение, где бы они ни располагались в составе одного и того же корня. Ср.:

1) /ʕr/ с общим смыслом ‘давить, жать’ – *ağara* ‘давить, сжать’, *ğaraʕa* ‘сдавливать’, *rağara* ‘испытывать сдавливающую боль’¹⁰;

2) /fqr/ с общей идеей разъединения – *fağaqā* ‘разъединить’, *fağaqā* ‘параграфировать’;

3) /kml/ есть ‘сила, могущество’: *kamala* ‘совершенствовать’, *kalama* ‘ранить’, *lamaka* ‘шевелить челюстями при речи, жевании’, *lakama* ‘бить кулаком, боксировать’¹¹;

4) /qṭr/ с общим смыслом оборванности, полностью оформленное повторное действие или явление – *qaṭara* ‘капать’, *qaṭaṭa* ‘сделать пятнистым’, *ṭağara* ‘стучать’.

Из последнего примера видно, что звук /q/ означает отрыв, поскольку капли отрываются от какой-либо жидкости, чтобы приобрели свою капельную форму, и это действие повторяется, так как его невозможно представить без повторения (/q/ – отрыв, /ṭ/ – приобретение формы, /r/ – повторение). *qaṭaṭa* ‘сделать пятнистым’ и *ṭağara* ‘стучать’ имеют одни и те же действия процесса, но порядок их осуществления зависит от поряд-

ка следования элементов корня, которые подражают действиям самого процесса. Так, процесс образования пятен требует повторения пятен, отрыва форменных связей между пятнами и приобретения отдельной формы для каждого пятна. Тагага же 'стучать, ковать', безусловно, означает полностью оформленные, оторванные друг от друга повторяющиеся звуки, в результате которых стуканье формируется как процесс. Таким образом, звуки qṭg сохраняют свое звукоподражательное значение в разных корнях арабского языка, а арабский корень представляет собой сочетание значимых элементов, порядок следования которых подражает трем системным действиям процесса. Именно с этими элементами связывается вещественное, неграмматическое, лексическое значение арабского слова.

Перейдем к русскому корню для рассмотрения предполагаемой возможности его изменения при ВФ. В русском языке «корни составляют обычно неизменяемую часть серии словоформ и производных, входят в обширные и легко увеличивающиеся ряды, образуя нередко «вершину» словообразовательного гнезда»¹², поэтому извлечение корня зависит от устранения словообразовательных и словоизменительных элементов с выделением неизменяемой части в однокоренных словах. Несомненно, что такие слова, как *убирать, убрать* и *убор*, являются однокоренными. В них принято выделять разные корни -бир-, -бр-, -бор-. Но если считать внутренней флексию словообразовательным средством, то нельзя признать звук /и/ (бир-) элементом неизменяемой части и следует считать только (-бр-), поскольку (-бр-) является единственной частью, которая остается после устранения словообразовательных элементов, в том числе и ВФ. Данное утверждение подкрепляется также тем, что: 1) краткие гласные никак не могут быть элементами неизменяемой части, поскольку они постоянно меняются в результате гласных чередований; 2) вещественное, лексическое значение не может быть связано с переменными элементами.

Таким образом, для арабского корня, представляющего собой элементы, с которыми связывается вещественное, лексическое значение, и русского корня, составляющего неизменяемую часть серии словоформ и производных, значительную роль играет ВФ. Но необходимо установить, изменяются ли корни этих языков при наличии ВФ. Неизменность корня проверяется двумя языковыми правилами: 1) строгим порядком следования его элементов; 2) лексическим значением корня, связанным с постоянными элементами. Если один из них изменяется, то можно считать, что корень в обоих языках изменяется, а если нет, то тогда можно подтвердить, что арабский и русский постулат о неизменности корня еще в силе. На примере арабских слов типа *daḡasa* 'изучать' → *dāris* 'изучающий', *dars* 'урок' → *durūs* 'уроки'; *kataba* 'писать' → *kātib* 'писатель'

→ *kuṭāb* 'писатели' и русских слов моросить → морось; рябой → рябь; зевать → зов видно, что порядок следования элементов корня и вещественное, лексическое значение не изменились. Просто произошло чередование гласных, которые постоянно подвергаются изменениям. Арабские элементы и русская неизменяемая часть не подверглись изменениям в результате ВФ и в силу того что с ними связывается то же значение. Если бы изменился порядок следования арабских элементов, представляющих собой корень, нарушилось бы его звукоподражательное значение, поскольку, как мы указывали выше, с каждым элементом связывается определенное действие процесса. А если бы изменилась русская неизменяемая часть, с которой связывается вещественное значение в русском языке, то данное значение было бы также утрачено. Таким образом, арабский и русский корни не изменяются при ВФ, поскольку элементы, выделяемые в арабском языке в качестве корня, не устойчивы, а часть слова, выделенная в русском языке как корень, сохранилась. Строгий порядок следования арабских элементов и русской неизменяемой части доказывает, что *как бы ни категоризовался корень, он остается неизменным*, например, араб. *daḡasa* 'изучать' → *durisa* 'был изучен' → *dāris* 'изучающийся', *dars* 'урок' → *durūs* 'уроки'; *kataba* 'писать' → *kātib* 'писатель' → *kuṭāb* 'писатели'; рус. *убирать* → *убрать* → *убор* → *убери*; *моросить* → *морось*, *зевать* → *зов*. В данных примерах выделяются в арабском *drs* с общей идеей 'учёба' и *ktb* с общим смыслом 'письмо' и в русском -бр- с общей идеей 'убрать', -мрс- с общим значением «морось» и -зв- со значением 'зевоты', именно они являются единственными элементами, которые никак не подвергаются изменениям при языковой категоризации.

Далее возникает вопрос: если арабские и русские корни не изменяются в этих языках, то тогда чем выражается семантическая, морфологическая и лексическая категоризация корней в данных языках? Самое очевидное изменение, которое можно выделить при ВФ, – это чередование гласных. Но может ли данное изменение повлиять на согласный состав корня? Этот вопрос выясняется при анализе гласного состава корня (гласной модификации) в обоих языках, поскольку корень категоризируется семантически, морфологически и лексически.

2. Гласная модификация при внутренней флексии

Неизменность арабских и русских корней обязывает нас выделить другое средство, которым созданные ВФ производные слова должны отличаться от их производящих корней. Новые слова, в том числе и те, что образованы ВФ, возникают в любом языке по определенным правилам, действующим в нем¹³. В производных словах однозначно выделяются форманты типа

учить – учитель, читать – читатель, писать – писатель, являющиеся обязательным отличием от их мотивирующих корней. Невозможность выделения форманта или выделение нулевого форманта не решают проблемы слов, образованных ВФ. В словах типа араб. *darb* ‘дорога – сущ. м.р. ед.ч. им.п.’ → *duḡūb* ‘дороги – сущ. м.р. мн.ч. им.п.’, *qalb* ‘сердце – сущ. м.р. ед.ч. им.п.’ → *qulūb* ‘сердца – сущ. м.р. мн.ч. им.п.’; *ḥaraṭa* ‘пахать – неопр. ф. гл.’ → *ḥārīt* ‘пахарь – сущ. м.р. ед.ч. им.п.’ и рус. убирать – убрать, уносить – унести, моросить – морось, рябой – рябь нет аффикса, который можно выделить в качестве форманта. Семантические, морфологические и лексические значения в них выразились *одним категориальным процессом*. В результате данной категоризации производные слова приобрели реальные языковые значения, которые нельзя выразить чем-то нулевым. К тому же вещественное, лексическое значение имеет устойчивый языковой характер, не передающийся измененными гласными. Гласные изменяются в результате чередования, а неустойчивыми элементами невозможно выразить что-то постоянное. Если гласные были бы средством выражения каких-то значений, лексические и семантические значения разных корней, обладающих одним и тем же гласным составом, имели бы общие семантические составляющие¹⁴, например, араб. *ḥalaqa* ‘творить, создать’, *ḥarasa* ‘охранять’, *darasa* ‘изучать’, *kataba* ‘писать’ и другие и рус. убирать, убивать, утешать; сечь, печь, течь, жечь; читать, чикать, чихать и др.

Более того, выделение гласных как отдельных звуков на письме в арабском отрицается при определении деривационного форманта ВФ, и гласные, которые часто подвергаются чередованию, принято считать неотделимой частью согласных. Так, Ибн Джинии установил, что согласный и «оживляющий» его, согласно арабской терминологии, гласный в слоге произносятся как один звук. Он основал свою теорию на том, что произношение звука /м/ без гласного приводит к тому, что данный звук произносится только через нос. Но если мы «оживляем» его гласным звуком /а/, то он произносится с большей долей естественности как /ма/¹⁵. Мнение арабского средневекового лингвиста Ибн Джинии было подтверждено русским языковедом Ф. И. Буслаевым, установившим, что «гласные текучи, согласные тверды. Согласные можно назвать костью и плотью языка, гласные же – тем, что орошает и живит твердые части кровью и дыханием»¹⁶. Данный научный постулат о невозможности отделения гласных от согласных, установленный Ибн Джинии и утверченный Ф. И. Буслаевым, подробно был описан немецким ученым В. фон Гумбольдтом, четко доказавшим, что гласные не отделяются от согласных. Первые способствуют *модификации* вторых тем, что «в действительности согласный и гласный взаимно определяют друг друга таким образом, что воспринимаются

слухом в неразрывном единстве. Для того чтобы на письме обозначать эту естественную связь, было бы правильнее изображать гласные не как отдельные буквы, а лишь как модификации согласных, как это принято в целом ряде азиатских алфавитов»¹⁷. Следовательно, нельзя выделить чистые гласные чередования как средство выражения определенных значений при ВФ, поскольку невозможно отделить их от модифицированных ими согласных.

Если корень в русском и арабском языках не изменяется и чередование гласных не может быть средством выражения определенных значений, то тогда чем выражаются *языковые значения* русских и арабских корней, категоризованных посредством ВФ? Ключ к решению этого вопроса находим в теории Ибн Джинии, доказавшего, что гласный является средством «оживления» согласного. Долгота/краткость согласного, которая изменяется в результате чередования модифицирующих их гласных, приводит к количественному, а не качественному изменению позиционно устойчивого согласного. В то же время долгота/краткость всех гласных в слове зависит от ударного гласного, в результате чередования которого вся гласная сила корня изменяется, например, араб. *darasa* ‘изучать’ → *dāris* ‘изучающий’, *dars* ‘урок’ → *duḡūs* ‘уроки’, *kataba* ‘писать’ → *kātib* ‘писатель’ → *kutāb* ‘писатели’; рус. моросить → морось, рябой → рябь, зевать → зов. Очевидно, что долгота/краткость гласных изменилась в результате чередования, что привело к количественному изменению модифицированных ими согласных. Таким образом, происходит изменение гласного состава, влекущего за собой количественное изменение согласных корня, «оживленных» гласными. Так, согласный звук /р/ вместе со своим оживляющим гласным /я/ в мотивирующем слове *рябой* произносится короче самого себя в мотивированном слове *рябь*, а согласный /б/ во втором слог мотивированного *рябь* утратил вторую гласную долготу в пользу первого слога. То есть согласные в мотивирующем слове количественно отличаются от самих себя в мотивированных словах в результате ВФ. И это отличие обосновывается тем, что «согласные звуки необходимо сопровождаются движением воздуха, который по отверстию, где проходит, и по месту, где образует звук, определяет *различные согласные звуки* (выделено нами. – Авт.)»¹⁸. Поэтому слова одного и того же корня с одними и теми же согласными могут обладать количественно измененным значением в рамках общего смысла, типа согласных (с-л-в), с которыми связывается общая идея того, что слушается и распространяется, например, рус. слушать и слышать; араб. *sāmaḥa* ‘простить’ и *samaḥa* ‘разрешить’, *salama* ‘здороваться’ и *sālama* ‘помириться’.

Итак, в результате чередования гласные могут полностью измениться, а согласные – только

количественно, что приводит к возникновению языкового явления, которое мы называем *гласной модификацией*. Под этим явлением понимается изменение взаимосвязанного гласного состава корня, зависящего от ударного слога, которое причиняет количественное изменение позиционно устойчивого согласного состава, что приводит к модификации всего звукового количества слова.

Гласные зависят друг от друга, и долгота/краткость каждого из них подчиняется изменению гласной силы ударного слога, в то время как модифицированные гласными согласные составляют *звуковое единство корня*. При данном единстве согласные и гласные элементы представляют собой единое звуковое целое, с которым связываются семантические, морфологические и лексические значения, например, араб. *kātib* 'писатель' – м.р. ед.ч. им.п., *raǧul* 'мужчина' – сущ. м.р. ед.ч. им.п.; рус. дом, рябой, берег; англ. *foot* 'нога', *mouse* 'мышь', *understand* 'понять', *tooth* 'зуб'.

Общая количественная модификация звукового единства корня, причиненная чередованием гласных, при котором гласные могут чередоваться с другими гласными, а согласные изменяются количественно в результате изменения модифицирующих их гласных, приводит к полной языковой категоризации корней в арабском и русском языках. Данную модификацию (звучание) мы выделяем в качестве форманта-средства выражения ВФ, ср. *kātib* 'писатель' – м.р., ед.ч., им.п. → *kutāb* 'писатели' – м.р. мн.ч. им.п., *raǧul* 'мужчина' – сущ. м.р. ед.ч. им.п. → *raǧāl* 'мужчины' – м.р. мн.ч. им.п.; рус. рябой → рябь, убирать → убрать, берег → берега; англ. *foot* 'нога' → *feet* 'ноги', *mouse* 'мышь' → *mice* 'мыши', *understand* 'понять' → *understood* 'понял(ла)(ли)', *tooth* 'зуб' → *teeth* 'зубы'.

Еще арабские лингвисты Средневековья четко установили ритмичную систему морфологических моделей для фонетического изменения звучания корней, по которым производные слова образуются по определенному ритму:

1) модель /fā'il/, которой по ритму соответствуют производные слова со словообразовательным значением сущ. или прич. действ. залога м.р. ед.ч. им.п., типа *darasa* 'изучать' → *dāris* 'изучающий, ученик', *kataba* 'писать' → *kātib* 'писатель', *fahama* 'понять' → *fāhim* 'понимающий', *ḥarasa* 'охранять' → *ḥāris* 'охранник, охраняющий';

2) модель /fa'ala/, которая выражает неопределенную форму глагола пр. вр. м.р. ед.ч. Этой модели соответствуют все трехсогласные арабские глаголы: *'amala* 'работать, работал', *ḥalaqa* 'творить, творил', *kataba* 'писать, писал', *ḥamala* 'носить, носил', *'alama* 'знать, знал', *ḥarasa* 'охранять, охранял';

3) модель /fu'ila/, которой должны соответствовать все глаголы страд. залога м.р., ед.ч., им.п. арабского языка типа *kataba* 'написать' → *kutiba* 'был написан', *darasa* 'изучать' → *durisa* 'был изучен', *ḥalaqa* 'творить' → *ḥuliqa* 'был сотворен';

4) модель /fu'ul/, которой соответствует некоторые слова арабского ломаного мн.ч. м.р. им.п., типа *dars* 'урок' → *durūs* 'уроки', *jild* 'кожа' → *juḷūd* 'кожи', *ḥarf* 'буква' → *ḥurūf* 'буквы' и др.

Арабский корень может категоризоваться по всем этим моделям, приобретая все их словообразовательные значения, но никогда не изменяется при ВФ, сохраняя свое вещественное, лексическое значение, связанное с согласным составом. Например: *fa'ala* – *darasa* 'изучать' → /fā'il/ – *dāris* 'изучающий, ученик' → /fu'ila/ *durisa* 'был изучен', /fu'ul/ – *dars* 'урок' → *durūs* 'уроки'.

Способность арабского корня так точно категоризоваться и рифмоваться по слогам и звуковым единствам разных моделей показывает, что все согласные фонемы, «орошенные» чередующимися гласными, количественно модифицируются. Совокупность слоговых модификаций, составляющих звуковое единство, образованное по определенной модели, есть новое звучание, которое мы выделяем в качестве *средства выражения ВФ* в русском и арабском языках. В силу того что каждый согласный звук может дольше или короче произноситься в зависимости от того гласного звука, произносительная сила которого изменяется в результате чередований, все гласные и согласные арабских и русских корней модифицируются. Данная модификация приводит к разному звучанию одного и того же согласного состава корня, которые невозможно четко обозначить на письме, но созвучие слов одной словообразовательной модели друг с другом легко устанавливается, например: *qarn* 'век' → *qirūn* 'века', *qadaḥ* 'кожа' → *aqadaḥ* 'стаканы'.

В арабском письме все звуковые изменения, происходящие с гласными в результате ВФ, четко фиксируются, так как вызывают разные звучания, отличающиеся друг от друга звуковыми единствами неизменного арабского корня. Однако в арабском краткие гласные не пишутся как отдельные буквы, а обозначаются надстрочными/подстрочными знаками, которые формально и оцутимо изменяются при ВФ.

В русском языке краткие гласные пишутся в строке, поэтому в нем трудно маркировать количественные произносительные изменения согласного состава на письме. Несмотря на то что русские краткие гласные подчиняются одному и тому же фонетическому правилу, причиняющему не только изменение звучания одного слога как элемента звукового единства корня, но и изменение звучания всех элементов звукового единства, они имеют одну и ту же письменную форму при флективной категоризации. В словах типа рябой – рябь, моросить – морось все согласные элементы мотивирующей базы (рябой и моросить) количественно изменились в результате чередования модифицирующих гласных, но все звуки сохранили свою письменную форму, хотя звучания производных основ (рябь и морось) отличаются от звучаний мотивирующих их слов.

Данные изменения звучания, не отраженные формально выраженными средствами, являются единственным способом выражения языковых значений. При этом некорректно выделять нулевой аффикс, поскольку есть ощутимые, хотя формально не отраженные изменения звучания, с которыми связываются морфологические, семантические и лексические значения слов.

Отказ от нулевого форманта и признание отличного звучания, причиненного гласной модификацией, средством выражения значений свидетельствует о том, что звуковые количественные изменения, не отраженные формально при ВФ, есть формант, который остается после сравнения производящих слов с производными. Это обосновано тем, что «значение производного слова, главным образом, опирается на значение производящего, в основе которого можно выделить два компонента: мотивирующую основу (ту часть, которая в формальном отношении тождественна или наиболее близка к основе мотивирующего слова) и оставшуюся часть – формант»¹⁹.

Итак, в арабском языке корень четко выделяется и очевидными оказываются его неизменность и изменение звучания, выражающее языковые значения. Что касается русского языка, то гласная модификация в нем осуществляется не менее ощутимо, поскольку при произношении русских слов, образованных ВФ, ясно определяется изменение звучания, причиненное чередованием гласных.

3. Целостность слова и законы, которыми управляется внутренняя флексия

Неизменность корня и гласная модификация дополняются третьим законом ВФ – целостностью слова, так как грамматическая форма слова, модифицированная исключительно с помощью звука флексии, представляет собой целостность. Целостность вообще рассматривается как *целое, система, единство*, что объясняет точную организацию законов ВФ, систематизированных поэтапно по прогрессивно развивающейся системе. Неизменность корня есть основной скелет, с которым связывается вещественное, лексическое значение, а гласная модификация не нарушает состава корня, она лишь его обрабатывает, чтобы корень категорировался без нарушения лексического значения. Данная модификация гарантирует звуковое единство корня, которое является основой целостности слова как единого грамматического слышимого состава.

Целостность как единство можно трактовать и как «зависимость каждого элемента и его свойств от его места внутри целого»²⁰. При этом вызывает интерес, что данный постулат о зависимости элементов корня друг от друга ярко отражается в арабском и русском языках. Три действия процесса, связанные с тремя элементами арабско-

го корня типа *faraqa* ‘разъединить’ (/f/ – отделение, /t/ – повторение и /q/ – разрезание), очень четко демонстрируют зависимость элементов корня друг от друга, их свойства уточняют друг друга. Сохраняя данную зависимость, они подвергаются гласной модификации, в результате которой приобретают свои морфологические маркеры – *fariqa* ‘был разъединён’. Порядок расположения элементов корня раскрывает их зависимость как комплиментарные действия одного процесса. Они напоминают компоненты бимотивации, которые определяют, дополняют и конкретизируют общий смысл посредством взаимозависимости²¹. Кроме того, данная зависимость элементов арабского корня есть некое семантическое единство, обладающее фоносемантическим характером²². Элементы русского корня тоже зависимы друг от друга и составляют семантическое единство, способное на морфологическую категоризацию, при которой оно сохраняется. В русских словах типа слушать, слух, слова общая идея корня связывается с двумя первыми элементами (сл-) и далее конкретизируется третьим элементом – слыть, слово, слушать. Русский корень может проявлять и другое свойство определения элементов друг другом, где первый элемент семантического единства представляется основным и дальше уточняется вторым элементом – дар, дань. Наряду с этими признаками целостности слова можно выделить и третий ее признак, когда «объект представляет целостность, если в нем реализован определенный способ членения на элементы»²³.

В силу того что русский и арабский корни представляют семантическое единство, их элементы находятся во взаимной зависимости друг от друга и четко выделяются, они могут обладать следующими языковыми целостностями, которые сохраняются при ВФ.

Фонетическая целостность корня объясняется звуковым единством, при котором гласный является модификатором согласного. Все согласные зависят от «оживляющих» их гласных, а долгота/краткость гласных зависит от места ударного гласного. При этом любое изменение, произведенное в результате чередования гласных, не может нарушить эту фонетическую целостность, так как нельзя произнести согласный звук без оживляющего его гласного, иначе при нарушении данной связи утрачивается звуковая гармония слова. Поэтому элементы данного звукового единства зависят друг от друга, и долгота/краткость каждого элемента имеет значение, что способствует сохранению фонетической целостности корня при внутренней флексии по трем критериям: 1) единству или системе, которую элементы составляют; 2) зависимости каждого элемента от другого; 3) четкому выделению каждого элемента. Например, араб. ‘aīn ‘глаз’ – ‘uīn ‘глаза’, dam‘a ‘слеза’ – dumī ‘слезы’, qalb ‘сердце’ – qulūb ‘сердца’, ‘aqs ‘погода’ – ‘uqūs ‘погоды’ и др.; рус. дом – дома, век – века, берег – берега и др.

Семантическая целостность корня при внутренней флексии сохраняется благодаря тому, что лексическое значение корня, связанное с его элементами, не нарушается. Устойчивость порядка расположения элементов корня гарантирует прогрессивное действие этой системы, элементы которой зависят друг от друга (см. выше о значимом порядке корня) и четко выделяются. Например, араб. *darasa* 'изучать' → *durisa* 'был изучен' → *dāris* 'изучающий', *dars* 'урок' → *durūs* 'уроки'; *kataba* 'писать' → *kātib* 'писатель' → *kutāb* 'писатели'; рус. убирать, убрать, убор, убер; моросить → морось, зевать → зов. Из примеров видно, что фонетические изменения внутренней флексии не смогли нарушить порядка значимых элементов корня при флективной категоризации, также сохранилась общая идея корня, связанная с ними.

Морфонологическая целостность определяется тем, что при ней сохраняется фонетическая и семантическая целостность. Она образуется по морфонологическим моделям, представляющим собой систему звучания, в которой элементы корня ритмично и гармонично зависят друг от друга и легко выделяются, образуя единое звучание для всех корней одного и того же словообразовательного типа. Сохранение же семантической целостности при морфонологической осуществляется путем недопустимости присоединения к корню лишних языковых средств, которые могут нарушить его семантику. В свою очередь, фонетическая целостность оберегается посредством систематической гласной модификации. Таким образом, образуются разные модели, с которыми рифмуются все производные слова одного и того же деривационного типа между собой. Например, араб. 1) модель (*āfāl*), которой соответствуют дериваты, обозначающие ломаное множественное число мужского рода типа *faraḥ* 'радость' → *āfrah* 'радости', *taraḥ* 'грусть' → *ātrah* 'грусти', *ṭifl* 'ребёнок' → *āṭfal* 'дети' и др.; 2) модель (*fī'āl*), по образцу которой образуется ломаное множественное число типа *balad* 'страна' → *bilād* 'страны', *ṭamara* 'ягода' → *ṭimār* 'ягоды', *ra-jul* 'мужчина' → *rijal* 'мужчины' и др.; рус. 1) убирать → убрать, забирать → забрать, выбирать → выбрать; 2) берег → берега, дом → дома, век → века; 3) увозить → увезти, уносить → унести; течь → тёк, влечь → влёл, печь → пёк и др.

Маркировочная целостность слов, образованных внутренней флексией, заключается в том, что весь звуковой состав корня является грамматическим маркером. Поскольку все элементы корня модифицируются в результате гласной модификации, то невозможно вычленив отдельный модифицированный звук в качестве маркера какого-то значения, так как модификация элементов корня есть взаимосвязанный процесс, в котором все элементы зависят друг от друга.

Процесс флективной категоризации приводит к модификации всех языковых значений

– семантических, морфологических, лексических, поэтому нельзя выделить какой-то звук как маркер определенного значения. Маркировочная целостность четко определяется по трем законам целостности слова.

1. Звуковая материя корня реализуется в системе, где каждая модель определяет построение звуковой ткани и только с целым строением связывается определенный маркер. Например, араб. *fā'il* – модель, обозначающая сущ. и прич. м.р. ед.ч. им.п.: *gābiḥ* 'выигрывающий', *ḥāfiḍ* 'сберегающий, хранитель' и т. д. При сравнении производного слова с его производящей основой сразу бросается в глаза, что весь звуковой состав корня модифицировался. Поэтому нельзя выделить один звук в качестве маркера указанного значения. Ср.: *sabaḥa* 'купаться' → *sābiḥ* 'купающийся', *fahama* 'понять' → *fāhim* 'понимающий'; рус. зажигать → зажёл, поджигать → поджог.

2. Все элементы модифицированных корней зависят друг от друга, т. е. вся звуковая материя взаимосвязана, так как качество гласных зависит от ударения, а каждый согласный модифицируется гласным. Следовательно, все звучание корня выделяется как грамматический маркер и выделение одного звука корня в качестве маркера в силу модификации всех звуков корня не позволительно. Только модификация в целом является формантом, которым производные слова отличаются от производных.

3. При маркировочной целостности четко вычлениваются элементы структуры корня и легко выделяется механизм модификации, которому они подвергаются. Модель, по которой они формируются, показывает, как модифицируется каждый элемент и как он отделяется от другого элемента, поскольку весь процесс слоговой модификации четок и систематичен.

Кроме того, маркировочная целостность корня выражается еще тем, что только элементы корня могут участвовать в процессе приобретения грамматического маркера. Другими словами, грамматический маркер не образуется процессами присоединения к корню лишнего элемента.

Итак, в данной работе на материале русского и арабского языков, исходя из критического отношения к определению ВФ как изменению состава корня, мы проанализировали сложное явление внутренней флексии, принимая во внимание аксиому не только морфологической целостности слова, но и фонетической, семантической, лексической и маркировочной его целостности. Нами было еще раз подтверждено, что элементы, составляющие арабский корень, неизменны, сохраняют свою звукоподражательную характеристику в разных корнях арабского языка, при этом порядок их следования в корне подражает трем системным действиям процесса и именно с этими элементами связывается вещественное, неграмматическое, лексическое значение арабского слова. В русском языке мы также отверг-

ли возможность изменения корня при ВФ, приняв во внимание то, что краткие гласные никак не могут быть элементами неизменяемой части, поскольку они постоянно меняются в результате гласных чередований. Нами было установлено, как при неизменности корня в обоих языках выражается семантическая, морфологическая и лексическая его категоризация. Отвергнув выделение нулевого аффикса по ряду причин как некорректное, а чередование гласных как явление непостоянное, единственным способом выражения языкового значения, отличающим мотивирующую основу от производного, нами была признана, как в русском, так и в арабском языках, количественная модификация согласного звука. При этом, как оказалось, в русском языке, в отличие от арабского, осязаемые изменения звучания при количественной модификации согласного не отражены формально выраженными средствами. Совокупность слоговых модификаций, составляющих звуковое единство, образованное по определенной модели, есть новое звучание, которое мы выделили в качестве средства выражения ВФ в русском и арабском языках. Также была доказана фонетическая, морфонологическая и маркировочная целостности слова при ВФ.

Примечания

- ¹ Мельчук И. О «внутренней флексии» в индоевропейских и семитских языках // *Вопр. языкознания*. 1963. № 4. С. 27.
- ² БЭС – Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М., 1998. С. 242.
- ³ См.: Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 343.
- ⁴ *Ibn Jini Abu al'fatih Osman*. Al'taşrîf Al'maluki [Translation form Arabic : Ibn Jini Abu al'fatih Osman. Morphology. Cairo, 1950. P. 2].
- ⁵ Белкин В. Арабская лексикология. М., 1975. С. 60.
- ⁶ См.: Гранде Б. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1961. С. 11.
- ⁷ См.: Щерба Л. Языковая система как деятельность. М., 2004. С. 150.
- ⁸ См.: Аль-Фоади Р. Один ключ от двери в бескрайний

мир арабского языка : основные показатели флективности. Берлин, 2014.

- ⁹ См.: *Abbas H. Ḥaşa'ş al'ḥurūf Al'arabia ua ma'ānihā* [Translation form Arabic: Hasan A. The Features of Arabic letters and their meaning. Damascus, 1998. P. 17].
- ¹⁰ См.: Аль-Фоади Р. Принципы фонограмматики в приложении к прогрессивной языковой категоризации арабских и русских корней // *Филологические науки. Языкознание. Научные доклады высшей школы*. 2016. № 6. С. 20–26.
- ¹¹ См.: *Ibn Jini Abu al'fatih Osman*. Khasais. tahqiq Mohamed Ali Alnajjar [Translation form Arabic: Ibn Jini Abu al'fatih Osman. Features. Baghdad, 1990. P. 8].
- ¹² БЭС – Большой энциклопедический словарь. Языкознание. С. 242.
- ¹³ См.: Карам Р. Межморфемные мотивационные отношения зоокомпозигов // *Филологос*. 2009. Вып. 5 (1–2). С. 70–75.
- ¹⁴ См.: Аль-Фоади Р. Принципы фонограмматики в приложении к прогрессивной языковой категоризации арабских и русских корней.
- ¹⁵ См.: *Ibn Jini Abu al'fatih Osman*. Al'Khasais [Translation form Arabic: Ibn Jini Abu al'fatih Osman. Features. Cairo, 2012. P. 23–25].
- ¹⁶ Буслаев Ф. Преподавание отечественного языка. М., 1992. С. 199.
- ¹⁷ Гумбольдт В. Указ. соч. С. 86–87.
- ¹⁸ Буслаев Ф. Указ. соч. С. 199.
- ¹⁹ Карам Р. Метафорическая деривация сложных дериватов в русском языке // *Тест – дискурс – картина мира : межвуз. сб. науч. тр.* 2011. Вып. 7. Воронеж, 2011. С. 64.
- ²⁰ Резник Ю. Введение в социальную теорию : Социальная системология. М., 2003. С. 508.
- ²¹ См.: Карам Р. Словообразовательная модель как словообразовательная единица и сопровождающие её явления в зоокомпозигах // *Европейские языки : историография, теория, история : межвуз. сб. науч. тр.* Вып. 7. Елец, 2009. С. 23–31.
- ²² См.: Аль-Фоади Р. Прогрессивная семантическая фонограмматика : принципы арабской фоноструктуры // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 5 (47). С. 13–23.
- ²³ Смирнов Г. К определению целостного идеального объекта. Системные исследования. М., 1997. С. 67.

Образец для цитирования:

Аль-Фоади Р. А., Зарытовская В. Н. К вопросу о внутренней флексии корней в арабском и русском языках (флективный анализ структуры корня) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика*. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 268–275. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-268-275>

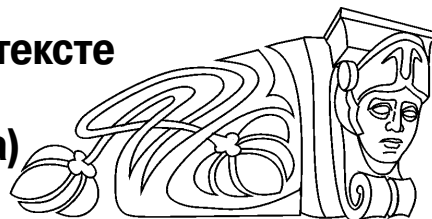
Cite this article as:

Al-Foadi R. A., Zarytovskaya V. N. To the Question of Internal Inflection of the Roots in Arabic and Russian (Inflected Analysis of the Root Structure). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 268–275 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-268-275>

УДК [81:1]+929 Витгенштейн

Аналитическая философия языка в контексте исследований обыденного языка (на примере наследия Л. Витгенштейна)

Махмуд Гази Чаллюб Аль-Кадими

Аль-Кадими Махмуд Гази Чаллюб, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Багдадский университет, Республика Ирак, mahmoodgazi00@gmail.com

В статье рассмотрены философия языка, а также специфика ее межпредметной роли в процессе лингвистических и философских исследований. Репрезентирована специфика функционирования последней на фоне особенностей функционирования упомянутых наук. Акцентируется внимание на специфике актуализации наследия Л. Витгенштейна в лингвистических и философских исследованиях.

Ключевые слова: философия языка, смысл, языковая прагматика.

Analytical Philosophy of Language in the Context of Studying the Objective Language (Case Study of L. Wittgenstein's Heritage)

Mahmoud Ghazi Challiub Al-Qadimi

Mahmoud Ghazi Challiub Al-Qadimi, <https://orcid.org/0000-0002-2327-3998>, University of Baghdad, Bab-Al-Muaddam, Baghdad 10047, Republic of Iraq, mahmoodgazi00@gmail.com

The article deals with the philosophy of language, as well as the specific nature of its interdisciplinary role in the process of linguistic and philosophical research. The specific character of the functioning of the latter is presented in the context of the peculiarities of how the mentioned sciences function. The article focuses on the specific character of L. Wittgenstein's heritage being actualized in linguistic and philosophical studies.

Keywords: language philosophy, sense, language pragmatics.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-276-281>

Аналитическая философия является одним из наиболее значительных философских направлений современности. Сегодня она стала международным феноменом и ассоциируется не только с англосаксонской традицией. Последнее связано с фундаментальным значением философии языка. Так, Р. Рорти, анализируя состояние философии XX столетия, указывает на так называемый лингвистический переворот, сравнивая его с другими революциями, происходившими в философии. Интересно, что именно в начале XX в. некоторые философы стали пропагандировать взгляд, согласно которому философия представляет собой не что иное, как исследования языка. Таким образом, все философские проблемы, независимо от того, к какому предмету они принадлежат, необходимо анализировать с точки зрения языковых исследований.

Исследователь аналитической философии П. Штемер по этому поводу отмечает, что упомянутый подход породил появление широкого философского течения XX столетия, называемого «аналитической философией языка» (англ. «linguistic philosophy»)!. Речь идет о том, что философские проблемы могут быть решены (или элиминированы) посредством либо реформирования актуального языка (в частности языка науки), либо путем более адекватного понимания, устранения путаницы.

На этом основании ряд исследователей делают вывод о том, что, в отличие от логического анализа языка, задача философа-аналитика с точки зрения лингвистической философии (прежде всего, начиная от позднего Л. Витгенштейна) заключается не в том, чтобы реформировать язык в соответствии с некоторой логической нормой, а в детальном анализе реального употребления естественного разговорного языка для того, чтобы устранить недоразумения, возникающие вследствие неправильного ее применения.

Некоторые критики лингвистической философии (Г. Бейкер, Р. Харри, М. Козлова, А. Богомоллов) выделяют понятие «лингвистический анализ» как тип анализа, произведенный в лингвистической философии и противопоставленный «логическому анализу». Однако, по мнению С. Никоненко, эта позиция имеет некоторые сложности в обосновании, поскольку понятия «лингвистический анализ» и «анализ обыденного языка» не тождественны, потому как первое касается всей языковой системы, а не только обыденного ее слоя². Исследователь делает вывод, что лингвистического анализа не существует; существует аналитический метод, который применяется к обыденному языку и приобретает характерные черты, вызванные спецификой объекта исследования. Таким образом, оригинальность лингвистической философии репрезентируется в предмете, но не в методе, а тогда следует употреблять термины «обыденная речь», «анализ обыденного языка» и «лингвистическая философия».

Целью статьи является рассмотрение философии языка, а также ее межпредметная роль в процессе лингвистических исследований, предметом – специфика функционирования последней на фоне особенностей бытований лингвистической и философской наук.

Согласно лингвистической философии, вышеизложенный анализ приводит к выявлению

причин постановки философских проблем, якобы возникающих в результате неправомерного расширения повседневного словоупотребления. Возражая против любых проявлений техницизма в философии, связанного с использованием специального понятийного аппарата, и отстаивая чистоту употребления естественного языка, лингвистическая философия противопоставляет себя сциентизму в философии, в частности, сциентизму логического позитивизма.

Характерная особенность философии XX в. заключается в том, что все философские дисциплины организуются по типу вроде иерархической пирамиды, основой которой выступает философия языка. В силу этого обстоятельства исследователи отмечают как весомую черту именно аналитической философии в лингвистическом повороте, суть которого заключается в повороте философии от наивно-реалистических стремлений к пониманию мира в его сущностных измерениях к исследованию того, как мы говорим о мире в качестве коммуникативных существ. Таким образом, можно постулировать, что приоритет языка как объекта исследования характеризует аналитическую философию в целом.

Требование адекватности к построению соответствующих теорий выражается в том, что исследование языка чаще всего приобретает автономный характер и, на первый взгляд, не имеет явной связи с философскими проблемами, скорее, ассоциируются с лингвистикой. Одна из характерных черт современной аналитической философии, действительно, заключается в интенсивном применении разработанных в логике средств и методов анализа языка. Вместе с тем, акцентируя внимание на логических исследованиях языка как важном элементе лингвистической доктрины аналитической философии, не следует забывать о существенной мировоззренческой составляющей данной доктрины. Поэтому целесообразно интерпретировать лингвистическую доктрину аналитической философии не как часть науки о языке, а как часть философии, что, конечно же, является спорным решением.

Лингвистический поворот выступает не просто источником изменения предмета исследования философии, но и череды ее функций. В силу этой тенденции лингвистическую философию иногда трактуют как часть философии культуры (в частности, А. Золкин). Союз философии языка и философии культуры обязан фундаментальному обстоятельству: то, что на самом деле интересует, и та, и другая называют содержанием, определяя те критерии, на основании которых мы выносим вердикт сознания. Говорить о содержании языковых выражений значит говорить о том или ином фрагменте, явлении, событии мира. Вопрос о содержании применяемых нами языковых выражений – это вопрос о нашей жизни во всем многообразии его форм и

ситуаций, во всей его повседневности, потому что наша языковая деятельность неотделима от нашей деятельности вообще, от нашего присутствия и участия в мире.

Лингвистическая философия возникает в Англии в 1950-е гг. под влиянием идей «позднего» Л. Витгенштейна, идентифицируется как трансформированная форма аналитической философии. Лингвистическая философия – оригинальное философское направление, поскольку главный объект ее анализа – не логический язык, как у логических аналитиков, а будничная речь и обыденное словоупотребление. Если у логических аналитиков главным предметом философии выступают идеальный язык логики и проблематика естественных наук, то внимание лингвистических философов сосредоточивается на повседневно применяемых формах языка. Оба типа аналитической философии имеют как общий предмет в виде языка, так и общие методы, характерные для аналитической философии в целом. Однако с развитием лингвистической философии имели место споры о ее принадлежности к аналитической философии. Последние были вызваны спецификой объекта философского исследования, характерного только для этой философской традиции.

Признание лингвистической философии относительно независимым направлением имеет свои дискурсивные границы и категориальный аппарат, есть основания согласиться с мнением историков аналитической философии А. Грязновым и С. Никоненко, постулирующих, что лингвистическая философия – это часть аналитической философии, а также определенный период ее развития. В частности, С. Никоненко, исследуя онтологические и гносеологические основания аналитической философии, выделяет три парадигмы в пределах ее развития. Первая парадигма – парадигма реальности – охватывает период с 1903 по 1935 г. и формируется в борьбе между абсолютным идеализмом и неореализмом. В этот период эпистемология занимает первые позиции и реализм становится онтологической основой аналитической мысли.

Вторая парадигма – парадигма языка – охватывает период с 1935 по 1937 г. и проходит в бурной полемике сторонников «расселовского» и «витгенштейновского» подходов к языку, сторонников философии логического анализа и лингвистической философии. В этот период аналитики, по мнению С. Никоненко, постепенно отходят от эпистемологического реализма и переходят на позиции лингвистического идеализма.

Третья парадигма – парадигма плюрализма – начинается примерно в 1970 г., после распада лингвистической философии. С тех пор практически все английские философы приходят к идее мирного сосуществования философских систем, в основе которых лежат различные языковые и логические структуры. Таким образом, лингви-

стическая философия – форма аналитической философии, принадлежит к парадигме языка наряду с теорией логического анализа, антиреалистическими и неопрагматической теориями. Также следует отметить, что лингвистическая философия царила на арене аналитической философии в 1950–1970-е гг., распространяя весьма оригинальные идеи и подходы к решению традиционных и новейших философских проблем, равноправно вступая в дискуссии с другими направлениями современной философии, хотя так и не стала единственным направлением аналитической философии.

В основе лингвистической философии лежит убеждение, что аналитические философы, делая предметом философии опыт, мышление и логический язык, не увидели истинной основы всех представлений о человеке, обществе, мире и познания – обыденного языка. Э. Геллнер считает, что в основу идей этого направления заложена претензия или надежда на то, что осознание языка или некоторых его особенностей, которые ранее игнорировались, полностью изменят нашу точку зрения³. И действительно, лингвистическая философия обогатила общий смысл аналитической философии как новыми проблемами, так и новыми категориями. И при этом следует отметить, что истинная слава лингвистической философии состоит не в надуманном ореоле радикальной новизны и откازه от старого, а в новом и оригинальном подходе к ранее поставленным проблемам.

В лингвистической философии, в отличие от других течений аналитической традиции, отсутствует тесное идейное единство. Будучи единомышленниками в общих вопросах, лингвистические философы не имеют ни оформления в виде группы, ни категориального единства в своих концепциях (следует отметить, что такая тенденция является характерной для возникновения постмодерна вообще).

Как уже отмечалось, начало развития лингвистической философии связывают с учением «позднего» Витгенштейна, который рассматривал язык как деятельность, переплетающуюся с другими – нелингвистическими – видами человеческой деятельности. Как отмечает А. Грязнов, подход к языку, разработанный в «Трактате», постепенно начинает казаться Витгенштейну односторонним и недостаточным. И если раньше он подчеркивал, что естественный язык скрывает мысли и свою структуру, то сейчас он все больше убеждался в том, что именно нестрогость и неоднозначность слов и выражений повседневного языка и составляют отличительную особенность языка в целом⁴.

Оставив задачу выявления априорной структуры языка и его логической формы, общего языка и мира, Витгенштейн обратился к коммуникативному аспекту языка. В этом смысле анализ в его поздних текстах выступает как

описание функциональной роли слов и выражений, что придает им значения. Он иначе, чем Фреге и Рассел, видел специфику философского и собственно лингвистического подхода к языку. Витгенштейн различал «поверхностную» и «глубинную» грамматику. В первом случае речь идет об обычном грамматическом синтаксисе, во втором – об уровне так называемых языковых игр. Эти игры предстают в качестве разнообразия употребления языковых форм, лежащих на поверхности, притом таких, которые способен описать аналитик. Поэтому «глубинная» грамматика Витгенштейна не указывает на скрытые внутренние структуры, имеющие формально-логическую природу. Языковые игры являются тут взаимопереплетением различных форм человеческой активности, для человека они возникают как формы жизни, в которые он погружен, и правила, которых он придерживается.

Ключевым словом поздневитгенштейновского типа анализа исследователи считают «использование». Как известно, философы-аналитики стремились лишить философские вопросы фактуального содержания и объявить их чисто языковыми вопросами. В результате этого они были вынуждены рассматривать некоторые семантические понятия, которые требуют сопоставления языка с действительностью, не выходя за сферу собственно языковых исследований, стараясь не вспоминать о соотношении высказываний с фактами. Исследование подобного соотношения уже носило бы характер фактуального и напоминало традиционные философские размышления. Однако речь соотносится не только с действительностью: начиная с «Философских исследований» Витгенштейна, язык рассматривается в его взаимодействии с реакциями на языковые высказывания, с поведением говорящих на нем людей⁵.

В лингвистической философии при рассмотрении взаимоотношений языка с поведением говорящих наблюдается такая же тенденция, что и при анализе семантических понятий. Исследователи пытаются акцентироваться на тех моментах, когда речь пересекается с поведением людей, опять же не выходя за пределы собственно языковых исследований.

Так, при рассмотрении семантических понятий утверждалось, что соотношение высказываний устанавливается в процессе употребления языка. При исследовании соотношения языка и действия также утверждается, что выражения в ряде случаев используются таким образом, что становятся действиями, и, соответственно, изучение употребления высказываний является вместе с тем и изучением действий, связанных с языком. В «Философских исследованиях» Витгенштейн выдвинул идею о том, что существует много видов использования языка, которые независимы и не сводятся друг к другу, и дескриптивное использование является одним из них.

Основываясь на различии дескриптивного и недескриптивного употребления высказываний, Дж. Остин сформулировал свое учение о «высказывании-действии». То есть метод аналитического исследования способов, с помощью которых слова фактически используются в различных случаях и разных контекстах, предложенный Витгенштейном, избегает всех тех трудностей, которые обременяли практику логико-аналитического метода, начиная от Мура и Рассела и заканчивая ранней философией Витгенштейна. Философский анализ сначала был предложен как средство четкого выявления того, что мы на самом деле имеем в виду, когда выражаем различные утверждения, истинность которых является общепринятой.

Новый тип анализа лингвистической философии, по мнению М. Корнфорта⁶, избегает этих осложнений, поскольку он и не пытается сказать ничего такого, чего бы мы не знали. Он признает обычную речь в качестве достаточно адекватного инструмента человеческого общения, то, что обычно мы хорошо знаем, что мы имеем в виду в наших высказываниях, без всякой помощи со стороны философов. Напротив, исследуя имеющиеся способы употребления языка, этот анализ стремится снять те, собственно, философские осложнения, которые возникают из-за неправильного понимания этих способов.

В связи с этим лингвистическая философия продолжает разрабатывать важную идею о языковых формах как потенциальном источнике ошибок. Предложения, подобные по языковой форме, в разных контекстах используются для различных целей общения. У философов есть возможность попасть в путаницу в том случае, если не будет постулировано сходство словесной формы, способное скрывать различия значений. В поисках выхода из этой ситуации Л. Витгенштейн предпринял радикальную критику всей традиционной философской концепции слов. Так, если философия отрицает или игнорирует очевидное, она приходит к абсурду, однако если она, установив положенное, выводит из него не совсем очевидное следствие, она становится поучительной. Ученый, безусловно, вывел ряд обучающих последствий по той очевидной истине, что язык является средством человеческого общения.

Традиционная точка зрения, приравнивающая «означаемое» к «обозначаемому», приводит к различным неопределенностям и к своеобразному метафизическому накоплению обозначаемых словами независимых сущностей, природа и статус которых остаются нечеткими. При этом все эти осложнения были характерны для аналитической философии. М. Корнфорт считает заслугой Л. Витгенштейна то, что он «разрубил этот древний клубок неопределенностей и спекулирующий с помощью простой формулы, которая приравнивает значение к использованию»⁷.

Эта критика традиционного понимания значения была направлена в основном против идеи, согласно которой каждому высказыванию соответствует несколько иное, определенный неразрывно связанный с ним двойник – его значение. Но знать значение высказывания не значит открыть нечто другое, что соответствует высказыванию в его употреблении; это значит просто знать его употребление.

Важным следствием отождествления значения и употребления была демонстрация того факта, что высказывание имеет значение только в контексте своего употребления, так, что в разных контекстах одни и те же высказывания могут иметь разные значения, потому что они используются по-разному. Соответственно, отождествляя значения с использованием (откуда следует, что значение зависит от контекста), лингвистические философы пришли к выводу, что для большинства высказываний разъяснение их значений заключается не в выявлении какой-либо одной вещи, которую они обозначают, а в выявлении семейства значений. Все это очень существенно для практики логического анализа, поскольку вместо попыток выразить точное значение различных слов, фраз и предложений, анализ должен, по мнению лингвистических философов, решать задачи описания и различия многочисленных фактических словоупотреблений в различных контекстах.

Лингвистическая философия выступает против построения общей теории того, к чему должны относиться все высказывания, чтобы потом все высказывания толковать в свете этой теории. Л. Витгенштейн отмечает, что вместо выявления чего-то общего для всех явлений, которые мы называем языком, следует понять, что эти явления не имеют между собой ничего общего. Это заявление имеет фундаментальное значение для лингвистической философии. Важно остановиться на вопросе связи аналитической философии (особенно лингвистической философии) с другими направлениями, проанализировать ее место в системе философского знания XX в. Отметим, что исследователи аналитической философии довольно часто акцентируют внимание на ее взаимоотношении с континентальной философией. Так, С. Никоненко отмечает, что в континентальной Европе аналитическая традиция была отклонена в связи с тем, что она не стала «трансцендентальным» направлением, т. е. не исследовала условий возможности познания, сущность, бытие и проч.⁸

По Расселу⁹, аналитики отказываются верить в существование некоего «высшего» способа познания, с помощью которого мы можем открывать истины, скрытые от науки и разума. Таким образом, из-за своих методологических особенностей аналитическая философия является практически закрытой для большинства философских идей континентальной философии.

Однако просматривается родство проблематики герменевтики и лингвистической философии. Следует отметить тот интерес к проблеме понимания других культур, который возникает в аналитической философии под влиянием позднего учения Витгенштейна.

В пределах континентальной философии само понятие понимания признается центральным объектом теоретического исследования философской герменевтики. Развиваясь практически в полной изоляции от традиции англо-американской философской мысли, отмечает А. Грязнов, герменевтика, тем не менее, в последние годы выявила некоторые ключевые пункты, которые лежат на очевидном для многих пересечении двух традиций. И, по мнению ученого, своеобразным посредником между ними была признана философия Л. Витгенштейна¹⁰. Этим вопросом интересовался К.-О. Апель, который, довольно основательно овладев герменевтическим и аналитическим подходами, стал автором сравнительных исследований. В своих публикациях он не только фиксирует общие моменты двух традиций, но и доказывает, что их синтез приведет к прогрессу философского знания.

В позднем учении Витгенштейна о лингвистическом использовании речь идет не просто о включенности слов в конкретную языковую игру, но и о психических явлениях и разнообразных действиях, которые бы пересекались с собственно лингвистическими ходами. Таким образом, в этом учении говорится практически обо всех видах человеческого поведения, включая способность понимания значения. Данная позиция и создает основу для сопоставления поздних взглядов Л. Витгенштейна с герменевтикой.

Однако существуют исследователи (например М. Кукарцева), которые отмечают, что в отличие от герменевтики лингвистическая философия ориентирована не только на понимание другого «Я», но и на понимание общественного поведения. Отсюда и интерес лингвистической философии к теории действия, которая составляет одну из ее главных особенностей. Так, центральным объектом исследования гуманитарных дисциплин становится действие и его детерминанты. Предполагается, что существует внутренняя связь между описанными как предложения ментальными состояниями, которые детерминируют действия, и объектами, отождествляемыми с результатами интенционального действия. Согласно В. Дрею¹¹, общие законы, возможно, существуют, но, объясняя определенное явление, исследователь должен отказаться от использования модели объяснения через закон и перейти к модели объяснения через действия людей.

Суть данного подхода в том, что объяснить некоторое событие – показать, что оно было обусловлено некоторой релевантной рациональной интенцией. Дрей сделал акцент на рациональности действия, что, по мнению М. Кукарцевой, привело

аналитическую философию к дискуссии о статусе принципа рациональности в гуманитарном знании¹². Дрей и Врист разрабатывали теорию действия в качестве интенциональной теории.

Следует отметить также труд Е. Енскомб «Интенции», в котором акцент в данной проблематике был сделан уже не на действиях и их рациональности, а на собственно интенциональности человеческого действия. Стоит вспомнить и Д. Дэвидсона, который, исследуя рациональность человеческого поведения, предложил «единую теорию значения и действия»¹³, которую еще называют теорией рационального деятеля. Суть его позиции в этом вопросе такова: рационально объяснить действие, а на его основе – социальные события, можно только тогда, когда рациональность объявляется причиной этих действий. Таким образом, объяснение может быть только в том случае, если антиценденты описаны в полном соответствии с языком причинности события.

В 1958 г., практически одновременно с появлением концепции Дрея, выходит книга П. Уинча «Идея социальной науки», которая продолжает движение к синтезу лингвистической философии и герменевтики¹⁴. Позиция Уинча формировалась под влиянием интерпретационной парадигмы и идей позднего Витгенштейна, особенно понятия «следования правилу». Для него один из важнейших вопросов, возникающих при описании коммуникативной деятельности, является вопрос понимания. Действие становится коммуникативным, поскольку понятно другому в процессе взаимодействия.

Таким образом, вышеупомянутая «понятность» (осмысленность) основывается на правиле уместности. Следует отметить, что это понятие становится достаточно весомым в категориальном аппарате лингвистической философии. Так, после П. Уинча большое внимание исследованию этого понятия уделял С. Крипке. Лингвистический поворот стал определяющим явлением XX в., он предоставил новое дыхание англосаксонской философии. Как следствие, возникает лингвистическая философия с ее новым усовершенствованным видением предмета и функций философии. Немалую роль в становлении этого феномена сыграл Л. Витгенштейн, который, переосмыслив принципы своего раннего учения в «Философских исследованиях», не только заложил фундамент для нового направления аналитической философии, раскрыв новые горизонты философских поисков, но и создал условия для диалога с континентальной философией.

Примечания

¹ См.: Штекер П. Аналитическая философия языка // Классики философии от Платона до Ноама Хомского. М., 2008.

- ² См.: *Никоненко С.* Аналитическая философия : основные концепции. СПб., 2007.
- ³ См.: *Геллиер Э.* Слова и вещи. М., 1962.
- ⁴ См.: *Грязнов А.* Аналитическая философия. М., 2006.
- ⁵ См.: *Витгенштейн Л.* Философские исследования. М., 1995.
- ⁶ См.: *Корнфорт М.* Марксизм и лингвистическая философия. М., 1968.
- ⁷ Там же.
- ⁸ См.: *Никоненко С.* Указ. соч.
- ⁹ См.: *Рассел Б.* История западной философии. СПб., 2001.
- ¹⁰ См.: *Грязнов А.* Указ. соч.
- ¹¹ См.: *Dray W.* Laws and Explanation in History. L., 1957. P. 124.
- ¹² См.: *Кукарцева М.* Современная философия истории США. Иваново, 1998.
- ¹³ См.: *Davidson D.* Essays on Actions and Events. Oxford, 1980.
- ¹⁴ См.: *Уинч П.* Идея социальной науки и ее отношение к философии. М., 1996.

Образец для цитирования:

Аль-Кадими Махмуд Гази Чаллюб. Аналитическая философия языка в контексте исследований обыденного языка (на примере наследия Л. Витгенштейна) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 276–281. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-276-281>

Cite this article as:

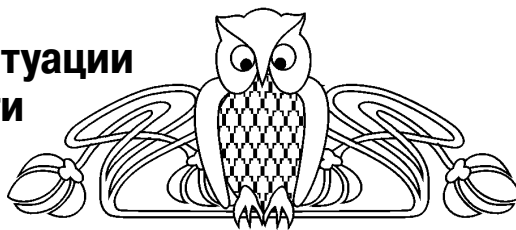
Al-Qadimi Mahmoud Ghazi Challiub. Analytical Philosophy of Language in the Context of Studying the Objective Language (Case Study of L. Wittgenstein's Heritage). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 276–281 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-276-281>

УДК 811.111'27'282(410.111)

О современной лингвистической ситуации в Англии. К проблеме вариативности английского языка в Лондоне

Г. В. Лашкова, А. И. Матяшевская

Лашкова Галина Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, gvlashkova@yandex.ru

Матяшевская Ангелина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, angelinacaribe@gmail.com

Статья посвящена описанию современной лингвистической ситуации в Англии, в частности, проблеме вариативности английского языка в Лондоне. Анализ современных социолингвистических исследований зарубежных ученых показал, что в настоящее время в Лондоне, в районе Ист-Энд, традиционно известном как место проживания носителей диалекта кокни, сформировалось новое мультикультурное пространство, вызвавшее появление мультиэтнолектов.

Ключевые слова: вариативность, социолингвистика, диалект кокни, мультикультурное пространство, мультиэтнолект.

About the Present Linguistic Situation in England. On the Problem of the English Language Variability in London

G. V. Lashkova, A. I. Matyashevskaya

Galina V. Lashkova, <https://orcid.org/0000-0003-4845-4696>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, gvlashkova@yandex.ru

Angelina I. Matyashevskaya, <https://orcid.org/0000-0003-4465-2089>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, angelinacaribe@gmail.com

The article studies the linguistic situation in England and focuses on the problem of variability of the English language in London. The analysis of recent foreign sociolinguistic studies proves the fact that at present there has emerged a new multicultural environment which caused the formation of the so-called multiethnolects in the East-End London, traditionally known as the place of cockney people.

Keywords: variability, sociolinguistics, cockney dialect, multicultural environment, multiethnolects.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-282-287>

В настоящее время всестороннее исследование английского языка на территории Англии продолжает оставаться актуальным как для теории языка в целом, так и для социолингвистики в частности. Лингвистическая ситуация

в Англии является чрезвычайно интересной для исследования в связи с высокой степенью диалектной вариативности, отражающей многообразие процессов, происходивших в ходе формирования современного английского языка. Английские диалектологи традиционно выделяют несколько территориально обусловленных диалектных зон, каждая из которых обладает лингвистическим своеобразием: северная (территория между реками Tweed и Humble), западная, средняя, восточная (территория между реками Humber и Thames), южная (территория, прилегающая к южной части Thames)¹.

Как известно, языковая вариативность объясняется тем, что язык постоянно претерпевает изменения, вызванные новыми условиями и формами общения. Последние, в свою очередь, обусловлены тем, что язык функционирует в реальной повседневной практике коммуникантов, относящихся к различным территориальным, социальным слоям и профессиональным сферам. В настоящее время представляется особенно продуктивной традиционная классификация диалектов на территориальные и социальные, когда даже внутри отдельно взятой диалектной зоны выделяются определенные социальные диалекты. В этом отношении обширная территория Лондона и его ближайших пригородов, которые объединены общим понятием Greater London (так называемый «Большой Лондон»), является ареалом функционирования многочисленных «вариаций» английского языка, сформировавшихся под влиянием целого ряда экстралингвистических и собственно лингвистических факторов.

С середины XX в. Лондон стал одним из центров «притяжения» эмигрантов из бывших британских колоний, что в настоящее время привело к необычному лингвистическому разнообразию не только в столице, но и по всей стране. Уже в конце 70-х гг. XX в. учителя британских школ столкнулись с проблемой обучения детей стандартному английскому (известному как RP – received pronunciation) независимо от их этнической принадлежности. Государственная политика расовой и этнической терпимости привела к тому, что семьи, в которых говорили на местных диалектах английского, начали отстаивать право своих детей сохранять свойственные им особенности речи, что, в свою очередь, вызвало «оживление» местных диалектов и вариантов английского языка.

По утверждению британских исследователей², в настоящее время лишь небольшая часть населения говорит или пишет на том варианте языка, который признан стандартным английским. Несмотря на то что образовательные стандарты требуют использования RP при обучении детей в школах, желаемый результат не всегда достижим³. Однако в ходе реализации данного положения британской системой образования не принимается во внимание тот факт, что социальные и территориальные особенности речи школьников очень часто воспринимаются негативно, что, в свою очередь, может стать причиной их дискриминации в решающих жизненных ситуациях, таких как сдача устных экзаменов, собеседование при приеме на работу, решение спорных правовых вопросов и др. Сложившаяся ситуация усугубляется еще и тем, что в последнее время отмечается включение мультиэтнолектов в ранее сформировавшиеся английские социолекты, на которых говорит многоязычное городское население, постоянно увеличивающееся за счет иммиграции. В результате наблюдается как количественное увеличение социолектов, так и расширение их лингвистического многообразия.

Исследователями предлагается ряд рекомендаций, основанных на изучении развивающихся мультиэтнолектов в Великобритании⁴. Подчеркивается необходимость увеличения доли стандартного английского в школе, которая при этом не упраздняет использования нестандартных форм английского в определенных коммуникативных ситуациях. Кроме того, школьным учителям предлагается создать определенные фонетические и грамматические нормативы с учетом местных диалектных особенностей английского языка. Им рекомендуется адаптировать Национальный учебный план, включив особенности нестандартных разновидностей данного территориального варианта английского языка. Министрству образования, в свою очередь, предлагается всячески поддерживать включение той или иной территориальной разновидности английского языка в государственную политику обучения родному языку на территории Великобритании. Только при соблюдении указанных условий возможно обеспечить правовое равенство и сохранить этнокультурные особенности различных групп населения.

Для того чтобы полнее представить себе современную языковую ситуацию на данной территории, необходимо рассмотреть историю возникновения и развития известного лондонского диалекта кокни, исследование которого показало, что под влиянием различных социальных факторов известный район Лондона Ист-Энд в настоящее время расширил свои границы в связи с изменением его этнического состава, что привело к появлению в нем нового района, получившего название Хэкни (Hackney)⁵.

В XVII в. термин «кокни» стал использоваться для обозначения особого класса жителей, населявших район Ист-Энда в Лондоне. Этот диалект зародился как «язык» низших слоев лондонского общества, а также стал типичным произносительным вариантом лондонского рабочего класса. Одной из важных проблем в изучении кокни является тот факт, что диалект существует преимущественно в устной форме, поэтому сохранилось очень мало его записей. Кроме того, на тот момент кокни являлся секретным шифром – кодом, который широко использовался торговцами, ворами и другими криминальными элементами, поэтому ученым было очень сложно понять и описать значение некоторых фраз в том случае, когда это был к тому же рифмованный сленг. Анализ материала показал, что в рифмованном сленге кокни текст становится кодом, происходит осложнение означаемого языкового знака⁶. *He's Right Said Fred* (dead – мертвый); *Me Trouble and Strife's at home with the Bin Lids*, *It's just a Trouble and me at home* (wife and kids – жена и дети); *We've got to talk a La Mode round by the dustbins* (code – код, секретный язык); *Up the Apples and Pears to Bedfordshire* (stairs – лестница). Для большего усложнения кода в речи кокни второй элемент, обычно составляющий рифму в обороте сленга, как правило, опускается: *I like me glass of Pig's* (Pig's ear – beer – пиво); *'as the linen come yet?* (Linen Draper – бумага, газета); *Lend 'im a quid – 'e's 'arts* (Hearts of Oak – broke – без денег, разорен).

Как показывают исследования, лишь в XVIII в. английскими лингвистами были сделаны первые попытки выработки стандартов, подкрепленные определенными грамматическими нормами. Только в середине столетия появилась возможность систематизировать и описать характерные черты этого лондонского просторечия (например, в грамматике использование двойного отрицания, в фонетике – опущение звука [h] в инициальной позиции: *him* [im], *heart* [a:t]; и замена дифтонга [ai] на дифтонг [ei]: *day* [dei] – [dai] и др. Наряду с процессом описания некоторых стандартных форм диалекта кокни началось и изучение его социального статуса. Так, Питер Райт в своей работе указывает на то, как статус кокни представлен в структуре английских диалектов: кокни оценивается как «более приятный» диалект, чем скаус (Scouse), на котором говорят в Ливерпуле и Бирмингеме, но он же является менее привлекательным, чем диалекты Бристоля и Эксетера⁷. Джон Хони разделяет точку зрения Райта: «С угнетающей регулярностью эти четыре произносительных варианта соревнуются за свое самое низкое место в рейтинге: Лондон (кокни), Ливерпуль (скаус), произносительный вариант, типичный для жителей Глазго, а также диалект, распространенный в Бирмингеме и его пригородах»⁸ (перевод здесь и далее наш. – Авт.).

Характеризуя диалект кокни, другой английский лингвист, Уильям Мэттьюз, описывает его следующим образом: «Из всех нестандартных форм английского диалект кокни обычно является наиболее презируемым и попраным»⁹. Подобное утверждение может показаться несколько эмоциональным, но, как пишет сам Мэттьюз, выросший в районе Ист-Энда, в школьные годы ему пришлось испытать большое давление со стороны учителей, чтобы он избавился от особенностей диалекта кокни в своей устной речи: «Кокни, как нас учили преподаватели и общество, был грубым, тем, от чего нужно было избавиться в пользу английской стандартной речи»¹⁰. Как далее отмечает в своей работе Уильям Мэттьюз, еще в конце XVIII в. Джон Уокер ставил вопрос о том, «...почему же диалект кокни оказывается наиболее презируемым среди других диалектов?», и сам же отвечал на него в своем словаре произношения: «...в то время как другие диалекты и варианты были распространены в различных регионах за пределами Лондона и даже самые образованные люди на этих территориях говорили на своих диалектах, носители кокни проживали в Лондоне по соседству с представителями лондонского высшего общества, образованными людьми, которые владели уже стандартным английским, и поэтому отличия в устной речи были особенно заметными»¹¹.

Яркая социальная обусловленность диалекта кокни явилась поводом для создания некоторых литературных персонажей в произведениях таких писателей, как Шекспир, задолго до того, как лингвисты начали проявлять к этому диалекту свой профессиональный интерес. Например, героиня шекспировской исторической пьесы «Генрих IV» хозяйка трактира в Истчипе мистрис Квикли, которая является наиболее ярким персонажем, говорящим на кокни, в дальнейшем послужила прототипом для героев других его произведений (например, «Генрих V», «Сон в летнюю ночь», «Юлий Цезарь», «Гамлет», а также «Ромео и Джульетта», в которой няня Джульетты является носителем кокни).

В XIX и XX вв. три наиболее известных писателя, работы которых являются очень значительными для британской литературы, включают в свои произведения персонажей – носителей кокни. Так, в знаменитом произведении Чарльза Диккенса «Записки Пиквикского клуба» появляется слуга мистера Пиквика по имени Сэмюэл Уэллер, речь которого является – особенно на фонетическом уровне – типичной для диалекта кокни: например, смешение звуков [w] и [v]. Уильям Теккерей также воссоздал у одного из персонажей произношение кокни в книге «Из Записок Желтоплоша». Но, безусловно, самым знаменитым персонажем кокни в литературе является Элиза Дулиттл – главная героиня знаменитой пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион». В этом произведении очень точно предстает со-

циальное восприятие носителей диалекта кокни, которое четко сформулировал другой герой этой же пьесы – профессор фонетики Хиггинс: «Взгляните на эту девчонку! Вы слышите, на каком английском она говорит? Этот английский навсегда оставит ее прозябать в канаве»¹². Эта цитата показывает, с одной стороны, важность правильного произношения, а с другой стороны, степень презрения по отношению к носителям кокни в то время. Бернард Шоу также использует фонетическую орфографию, чтобы наиболее точно передать особенности речи Элизы, однако затем он прекращает делать это и, извиняясь перед читателями, пишет: «Прошу извинения, но попытка воспроизвести ее отчаянный диалект без фонетической транскрипции неосуществима за пределами Лондона»¹³. Последнее высказывание свидетельствует о четкой стратификации английского общества того времени, и особенности акцента кокни, наряду с другими, являлись неким социальным маркером, определявшим общественное положение его носителя.

С середины XX в. началось формирование более терпимого отношения к носителям различных территориальных диалектов, в том числе и кокни. Одним из способствующих этому факторов, в частности, явилось проникновение местных диалектов на телевидение, что повышало интерес к региональным диалектам как среди лингвистов, так и населения в целом. В современном компьютеризированном мире можно легко найти в Интернете любой произносительный вариант или диалект, сопровождаемый полным его описанием, а также рекомендациями, как правильно на нем говорить. В настоящее время, как показало проведенное исследование, персонажи – носители кокни являются весьма частыми на телеэкране (например, сериал BBC «EastEnders», который демонстрируется с 1985 г.). Диалект кокни звучит и в некоторых музыкальных произведениях (например, песни в альбоме Деймона Албарна «Parklife»). По данным социологических исследований, шотландцы, особенно подростки из Глазго, проводят три часа в день за просмотром программ, которые имеют условное название *media cockney programes*, при этом особой популярностью пользуется вышеупомянутый сериал «EastEnders». Хотя большинство ученых традиционно отрицают значительное влияние популярного телевидения на произношение¹⁴, исследования социолингвистов показывают, что регулярный просмотр подобных сериалов может оказывать определенное влияние, но весьма незначительное, на английский зрительско-подростков: многие информанты отмечают, что медиа-кокни несколько отличается от их собственного произношения, а некоторые из них даже могут имитировать отдельные черты данного диалекта¹⁵.

Довольно много носителей кокни и среди современных знаменитостей. В связи с этим интересна история всемирно известного английского

футболиста Дэвида Бэкхема, которого считают современным представителем кокни не столько по социальному положению, сколько по особенностям его речи. Исследуя устную речь футболиста на протяжении 20 лет, лингвисты обнаружили некоторые типичные для диалекта кокни особенности в его произношении¹⁶, например [t] с твердым приступом и опущение согласного [h]. Ученые ожидали, что в связи с изменением социального статуса Бэкхема его речь станет более правильной: действительно, ими был отмечен значительный прогресс в правильном произношении данных звуков, обусловленный не только повышением социально-экономического статуса известного футболиста, но и целым рядом других факторов: географическая мобильность (переезд в Калифорнию) и возрастной фактор, а также высокая степень публичности из-за большого количества интервью, которые Бэкхем дает СМИ. Изучение речи Дэвида Бэкхема показывает наметившуюся тенденцию к овладению основными нормами RP в связи с изменением его положения в обществе.

В то же время в лондонском английском наблюдается противоположный процесс, обусловленный все большей демократизацией британского общества: новый произносительный стандарт становится привлекательным для высших слоев общества, особенно молодежной его части, которая все чаще переходит на *Estuary English*¹⁷. В своих многочисленных работах знаменитый британский лингвист Дэвид Кристалл отмечает, что лишь 7% всего населения Англии говорит на RP (стандартное английское произношение)¹⁸. Многие лингвисты указывают на формирование нового произносительного варианта, получившего название *Estuary English*, который, по их определению, является своеобразным смешением английского кокни и английского RP, что дает представителям низших классов населения шанс почувствовать себя принадлежащими к более высокому классу¹⁹. Наглядным примером может служить речь британских принцев Уильяма и, особенно, Гарри, которые, как считают некоторые лингвисты, в определенной ситуации могут переключаться (имеет место переключение кодов) на кокни или *Mockney*²⁰. Стоит отметить, что *Mocking cockney* (так называемый фальшивый акцент кокни) используется актерами, которые родом не из Лондона и поэтому в своей речи намеренно утрируют произношение, заменяя дифтонг [ei] на дифтонг [ai] (например, персонажи сериала «EastEnders»).

В речи принца Гарри наблюдается явление диглоссии, которое обусловлено особенностями конкретной коммуникативной ситуации: например, в интервью журналисту BBC его речь грамотна и фонетически соответствует всем нормам RP, а в ситуации общения с сослуживцами в Афганистане он переходит на акцент, об-

ладающий отдельными чертами кокни²¹. Так, известный американский лингвист Уильям Лабов утверждает, что разнообразное влияние произносительных норм низших классов постепенно меняет престижность общепринятых стандартов английского произношения²² и приводит к формированию определенных фонетических особенностей нового произносительного варианта – *Estuary English*.

Как уже упоминалось выше, кокни возник и сформировался в Ист-Энде Лондона не только благодаря собственно английскому населению, но и иммигрантам, прибывавшим туда в период индустриализации. Это было преимущественно рабочее население, представленное выходцами из Ирландии, Китая и небольшим количеством африканцев. В конце XIX в. в этот район переселились русские, а также польские евреи, за ними последовали выходцы из Пакистана и Бенгалии. Все эти иммигранты вместе с местным британским населением и создали отличную основу для формирования и дальнейшего развития кокни, в связи с чем английские лингвисты Роберт Балтроп и Джим Волверидж писали, что «кокни – это язык языков»²³.

Анализ современных работ, посвященных возникновению мультиэтнологов на территории Лондона, особенно ярко демонстрирует мультиэтническое и мультикультурное разнообразие в уже упомянутом районе Хэрни, разное население которого представляет различные регионы всего мира: это выходцы из стран Карибского региона, государств Африки, Бангладеш, Индии, Китая, Португалии, стран Ближнего Востока, а также коренные представители кокни. В результате английский, на котором говорят дети из этих семей, очень разнообразен, и поскольку истинные носители кокни оказываются в меньшинстве, существовавшие модели английского кокни менее доступны для них из-за полиэтнического и мультилингвистического окружения. В связи с этим английский, который дети слышат в школе друг от друга, оказывается весьма вариативным. Это означает, что дети имеют возможность выбирать тот вариант английского языка, который им нравится и который они чаще всего используют в общении с другими детьми своей возрастной группы. Сформировавшийся в результате английский неизбежно оказывается крайне изменчивым, а языковые нормы – весьма гибкими, потому что в указанной ситуации самым важным является возможность общения друг с другом. По мере того как дети взрослеют, их английский становится более нормативным, что приводит к появлению нового лингвистического феномена – MLE (Multicultural London English) – Лондонский Мультикультурный Английский: новый вариант английского, который, несмотря на свою вариативность, уже сформировал ряд постоянных фонетических, грамматических и лексических особенностей²⁴.

Приведем лишь некоторые традиционно отмечаемые британскими исследователями примеры MLE. Так, наряду с личными местоимениями *I, you, he, she, it, they* в нем появилось новое местоимение *man*, которое используется говорящими как эмоционально-экспрессивное средство при выражении собственного мнения, например: *I don't care what my girl looks like, it's her personality man's looking at*. В данном высказывании лексическая единица *man* выполняет ту же функцию, что и личное местоимение *I*. Кроме того, появилась новая грамматическая модель *this is + speaker* – во время рассказа о чем-то таком выражение вводит прямую речь другого говорящего, например: *This is my mom's boyfriend (he says – нормативный вариант) "put that in your pocket now"*. Исследователями также отмечается замена относительного местоимения *who* на союзное слово *that*, например: *She's the woman who/that bought my house*. Кроме того, проживающие в Хэрни молодые люди используют лексическую единицу *innit* в особой дискурсивной функции: фраза *the girl innit* указывает на то, что названное существительное станет важным элементом последующего сюжетного развития рассказа. Пополнение словарного состава происходит в основном благодаря заимствованиям из английского Ямайки, среди них такие лексемы, как *blood u bredren* (в значении *friend* – друг), *ends (neighbourhood* – соседство, окрестности), *tief (steal* – красть), *whagwan (what's up* – что случилось). Особый интерес представляет использование неопределенного артикля *a* и *an* в вариантах MLE: лингвистами отмечается тенденция к использованию в речи только варианта *a* как перед существительными, начинающимися с согласных: *a banana*; так и с инициальной гласной: *a apple* (вместо *an apple*). Как показывают приведенные примеры, изучение MLE представляется важным, поскольку позволяет выявить некоторые тенденции в формировании нового варианта, характеризующегося определенными особенностями на всех языковых уровнях.

Таким образом, представленный фрагмент исследования позволяет утверждать, что наблюдается высокая степень вариативности английского языка не только на глобальном уровне, что в свое время позволило социолингвистам выделить наряду с пятью основными вариантами: американский, канадский, австралийский, новозеландский и южноафриканский, многочисленные территориальные и социальные варианты (как, например, тexasский территориальный вариант и социолект Black English и другие в США), но и этнолекты, которые успешно развиваются и функционируют на территории современного Ист-Энда в Лондоне. Изучение последних представляется чрезвычайно актуальным и продуктивным как собственно для теории английского языка, так и других мировых языков.

Примечания

- 1 См.: Маковский М. Английская диалектология : современные английские территориальные диалекты Великобритании : учеб. пособие. М., 2005.
- 2 См.: Drummond R. (Mis)interpreting urban youth language : white kids sounding black? // Journal of Youth Studies. 2017. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/13676261.2016.1260692> (дата обращения: 02.03.2019).
- 3 См.: Snell J., Andrews R. To what extent does a regional dialect and accent impact on the development of reading and writing skills? // Cambridge Journal of Education. 2016. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/0305764X.2016.1159660> (дата обращения: 02.03.2019).
- 4 См.: Cheshire J., Hall D., Adger D. Multicultural London English and social and educational policies // Languages, Society & Policy. 2017. URL: <https://www.repository.cam.ac.uk/handle/1810/264338> (дата обращения: 02.03.2019).
- 5 См.: Лашкова Г., Матяшевская А. О тематике и структуре единиц рифмованного сленга кокни, содержащих имена нарицательные (на материале словарей) // Языковые и культурные контакты в контексте развития гуманитарного образования в Саратовском государственном университете (лингвистический и лингводидактический аспекты) : по материалам Междунар. конф. в рамках Междунар. науч. симпозиума, посвященного 100-летию гуманитарного образования в СГУ : сб. науч. ст. Саратов, 2017. С. 57–62.
- 6 См.: Лашкова Г., Матяшевская А. Собственные имена и их роль в диалекте кокни (на материале словарей) // Язык и мир изучаемого языка. 2016. № 7. С. 63–66.
- 7 См.: Wright P. Cockney Dialect and Slang. L., 1981. P. 144.
- 8 Honey J. Does Accent Matter? The Pygmalion Factor. L., 1989. P. 59.
- 9 Matthews W. Cockney Past and Present : A Short History of the Dialect of London. L., 1972. P. XI.
- 10 Ibid. P. VII.
- 11 Cit. by: Matthews W. Op. cit. P. XII.
- 12 Шоу Б. Пигмалион. URL: http://lib.ru/INPROZ/SHOU/pigmalio.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 02.03.2019).
- 13 Там же.
- 14 См.: Milroy J., Milroy L. Authority in language : Investigating standard English. L., 2012.
- 15 См.: Stuart-Smith J., Pryce G., Timmins C., Gunter B. Television can also be a factor in language change : evidence from an urban dialect // Language. 2013. Vol. 89, № 3. P. 501–536.
- 16 См.: Dahou S., Hamlin J. 'Ow Cockney is Beckham Twenty Years On? An Investigation into H-dropping and T-glottaling // Lifespans and Styles. 2006. № 2. URL: http://journals.ed.ac.uk/lifespansstyles/article/view/1610/pdf_8 (дата обращения: 02.03.2019).
- 17 См.: Лашкова Г. Тенденции к формированию нового произносительного стандарта британского английского : RP vs EE // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации : материалы докладов VII Междунар. конф. (Саратов, 25–27 февраля 2015 г.). Саратов, 2015. С. 74–80.

- ¹⁸ См.: *Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge, UK, 1995.
- ¹⁹ См.: *Hughes A., Trudgill P., Watt D.* English Accents & Dialects. 2012. URL: <https://bbaenglish.files.wordpress.com/2016/01/english-accent-and-dialects-trudgill.pdf> (дата обращения: 02.03.2019).
- ²⁰ См.: *Viernes G.* Do the Princes of England speak Cockney? Current changes in RP. URL: https://www.academia.edu/11224278/Do_the_Princes_of_England_speak_Cockney_Current_changes_in_RP_English (дата обращения: 02.03.2019).
- ²¹ См.: *Лашкова Г.* Указ. соч. С. 79.
- ²² См.: *Labov W.* Transmission and Diffusion // *Language*. 2007. Vol. 83, № 2. P. 344–387.
- ²³ *Barltrop R., Wolveridge J.* The Muvver Tongue. L., 1980. P. 1.
- ²⁴ См.: *Cheshire J., Fox S., Kerswill P. [et al.]*. Language contact and language change in the multicultural metropolis // *Revue française de linguistique appliquée*. 2013. Vol. XVIII. P. 63–76. URL: <https://www.cairn.info/revue-francaise-de-linguistique-appliquee-2013-2-page-63.htm> (дата обращения: 02.03.2019).

Образец для цитирования:

Лашкова Г. В., Матяшевская А. И. О современной лингвистической ситуации в Англии. К проблеме вариативности английского языка в Лондоне // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика*. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 282–287. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-282-287>

Cite this article as:

Lashkova G. V., Matyashevskaya A. I. About the Present Linguistic Situation in England. On the Problem of the English Language Variability in London. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 282–287 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-282-287>

УДК 811.111'373.2

Системный подход к изучению метаимен поступков (на материале английского языка)

Л. А. Бушуева

Бушуева Людмила Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной лингвистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, sebeleva@yandex.ru

В работе показано, каким образом системный подход, заключающийся в использовании разных методологических приемов для исследования сложных объектов, может способствовать изучению лексики со значением поступка, в частности метаимен поступков. Исследование проводится на примере метаимени «gesture».

Ключевые слова: имя поступка, лексико-семантический анализ, семантические роли, контекстуальный анализ, вербальные ассоциации.

A Multifaceted Approach to the Study of Words With the General Meaning of "Action" (In the English Language)

L. A. Bushuyeva

Lyudmila A. Bushuyeva, <https://orcid.org/0000-0001-9077-252X>, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin avenue), Nizhny Novgorod 603950, Russia, sebeleva@yandex.ru

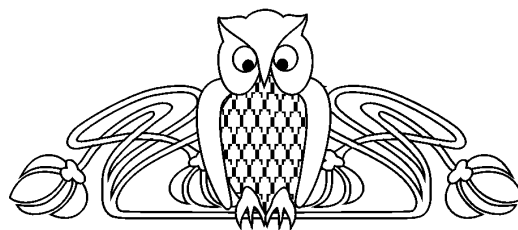
The article shows how a multifaceted approach, which involves the use of different methodological techniques in studying complex phenomena, can facilitate the study of lexemes with the general meaning of human action, in particular, the meta-names of actions. It is applied to the study of an example of a meta-name "gesture".

Keywords: a name of action, lexico-semantic analysis, semantic roles, discourse analysis, verbal associations.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-288-292>

Поступок является значимым фрагментом языковой картины мира и представляет собой результат взаимодействия системы ценностей индивида с жизненными целями и поведенческими установками. С опорой на взгляды исследователей в области философии, психологии, педагогики, лингвистики можно дать следующее определение поступка: это целенаправленное, контролируемое действие человека, получающее внешнюю оценку и приводящее к тому или иному результату¹.

Ключевым признаком, позволяющим отграничить поступок от смежных понятий, в частности действия, является оценка. Поступок получает оценку с точки зрения того, чем он является для того, на кого направлен. Некоторые поступки

характеризуются вполне определенной оценкой, и она в этом случае вводится в словарные толкования «misdeed – a bad or evil act»²; «kindness – a kind act»³. Другие поступки не имеют устойчивого оценочного знака, например, в толковании лексемы *eccentricity* определено лишь понятийное содержание без оценки: «eccentricity – an unusual act or habit»⁴.

Среди имен поступков английского языка выделяется группа наиболее общих единиц или метаимен, таких как *act*, *action*, *deed*, *thing*, *step*, *gesture*. В одном из своих значений они соответствуют определению поступка: «a particular thing that someone does»⁵; «thing – a fact, an event, a situation or an action»⁶. Основаниями для выделения данных языковых единиц в группу метаимен являются: 1) семантическая диффузность данных слов, что означает их способность указывать на широкий класс объектов не только в рамках категории поступков: *act* обозначает не только поступок, но и часть театрального представления, а также указ, постановление; *thing* – любой предмет, объект действительности; 2) то, что частные признаки референтных ситуаций, в том числе оценка, находятся вне зоны внимания, и данные «концептуальные пустоты» заполняются близлежащим контекстом: *kind act / evil act; good thing / bad thing*.

Целью данного исследования является показать эффективность системного подхода в исследовании сложных объектов, таких как метаимена поступков. В основе такой точки зрения лежат представления современных исследователей, которые подчеркивают важность использования принципа интегральности лингвистических описаний, который позволяет увидеть новые грани и свойства языковых единиц, неуловимые вне рамок интегрального описания. По словам Ю. Д. Апресяна, «реконструкция каждого фрагмента картины мира считается мотивированной тогда, когда реконструированный фрагмент подтверждается не разрозненными данными, а большой совокупностью фактов, позволяющих построить цельный и непротиворечивый образ объекта»⁷.

Объектом нашего исследования является английское метаимя поступка *gesture*. Для исследования данной лексической единицы были использованы следующие методологические приемы: 1) лексико-семантический анализ; 2) анализ синонимических отношений; 3) анализ

сочетаемых свойств; 4) анализ контекстуальных значений изучаемой единицы; 5) анализ семантических ролей, которые выражает сама лексема, а также ее актанты в высказывании; 6) ассоциативный анализ. В рамках данного исследования был впервые проведен полный анализ типовой ситуации, для названия которой используется слово *gesture*, складывающийся из перечисления свойств, действий ее участников и описания связывающих их отношений.

Выбор данных методов исследования объясняется следующим: 1) лексические значения слов, их синонимические связи позволяют выявить основные элементы структуры изучаемого понятия; 2) контекстуальный анализ единицы позволяет верифицировать результаты предшествующего анализа, уточнить смысловые признаки рассматриваемых единиц, выделить прототипические признаки их содержания. В основе выделения прототипических значений лежит количественная оценка элементов содержания, которые актуализированы в речи посредством единиц, репрезентирующих конкретную ситуацию. Прототип рассматривается в данном исследовании как наилучший образец своего класса, как обозначение типичности⁸; 3) из лексического значения слова вытекают семантические валентности, характеризующие данное слово как конкретную, отличную от других лексическую единицу. Приписываемые им содержания, или роли (термин Ч. Филмора⁹), – части этого лексического значения. По словам Ю. Д. Апресяна, необходимо поставить в соответствие каждому толкованию лексического значения лексической единицы определенную глубинно-синтаксическую структуру¹⁰.

Как справедливо отмечает И. В. Шерстяных, «в распоряжении читателя лексикографических изданий находится богатейшая разнообразная информация о слове, но эта информация рассеяна по различным словарям»¹¹. Это справедливо и по отношению к лексеме *gesture*. Во всех английских лексикографических источниках лексема *gesture* в первую очередь толкуется как телодвижение, имеющее какое-либо значение. Значение, семантически связанное с поступком, представлено во вторую или третью очередь в зависимости от источника: “symbolic act: an action that you take which expresses your feelings or intentions, although it might have little practical effect. *The Government donated £50000 as a gesture of goodwill*”¹²; “something you do or say to show a particular feeling or intention. *It was a nice gesture (= it was kind) to invite his wife too*”¹³; “something said or done by way of formality or courtesy as a symbol or token, or for its effect on the attitudes of others”¹⁴; “something that you say or do in order to express your attitude or intentions, often something that you know will not have much effect”¹⁵. В некоторых источниках содержание понятия «gesture»

представляется более узко, как проявление хороших манер: “an act or utterance that is a customary show of good manners. *Sent a handwritten thank-you note as a gesture of his gratitude*”¹⁶.

В качестве наиболее близких синонимов лексеме *gesture* в значении «поступок» в толковых словарях представлены существительные *action, deed, act, move*¹⁷. Значимым признаком, позволяющим отграничить «gesture» от смежных понятий, является то, что через поступок, обозначаемый лексемой *gesture*, агент поступка хочет выразить некую идею. Таким образом, лексико-семантический анализ позволил определить структуру ситуации «gesture», в которой выделяются следующие участники: агент поступка, мотив поступка (*expresses feelings or emotions / for its effect on the attitudes of others*), объект поступка (*the attitudes of others*), действие, лежащее в основе поступка (*something you do*), результат поступка (*it might have little practical effect / will not have much effect*). Существенно, что данный поступок имеет символическое значение, т. е. является условным обозначением какой-то идеи, мысли.

Контекстуальный анализ лексемы *gesture* позволил выявить, во-первых, наиболее типичные конструкции, в которых она употребляется, во-вторых, содержательные прототипические признаки выделенных элементов ситуации, обозначаемой данной лексемой. Источником контекстуального материала послужили тексты British National Corpus¹⁸.

Проведенный анализ показал, что лексема *gesture* регулярно представлена в составе сочетаний следующих типов: 1) *a gesture of + существительное*, при этом существительное актуализирует или мотив поступка (*gesture of recompense, gesture of thanks, gesture of reconciliation*), или чувство, которое испытывает агент поступка вообще или по отношению к объекту поступка (*gesture of despair, gesture of faith, gesture of revolt, gesture of spite, gesture of friendship, gesture of loyalty*); 2) *прилагательное + gesture*, при этом прилагательное выражает оценку поступка (*defiant gesture*) или его мотив (*conciliatory gesture, give-away gesture*).

Сквозь призму семантико-ролевого анализа ситуация поступка «gesture» наиболее регулярно представляется через экспликацию следующих ролей:

– агент, который получает выражение через существительное или местоимение (Common / Possessive case): *She never repeated the goodwill gesture* (Jane’s journey, UK: South, 1985–1993);

– пациенс, эксплицируемый, как правило, в конструкции «*a gesture + towards / to + Пациенс*»: *Political honours are either an almost contemptuous gesture towards those who have kept silent when their consciences might have told them to vote against a government bill* (Friends in high places, UK: South, 1985–1993); *The appointment*

of the mufti was applauded as a bold gesture of reconciliation to the Muslim community (The Guardian, UK: South, 1985–1993);

– тема, которая в основном эксплицируется в форме простого или сложного предложения, при этом основными показателями наличия роли в тексте являются конструкции с глаголами состояния в позиции составного именного сказуемого: *It was a contentious gesture. Many were shocked and surprised at the interference of the bishops in the parliamentary process* (The tragedy of belief, UK and Ireland, 1985–1993);

– причина, регулярно получающая выражение в контекстах, описывающих психологическое состояние человека в результате совершенного поступка: *I was presented with a gold wristwatch in a cobalt-blue presentation case – a wonderfully absurd gesture which nearly had me in tears* (Part of the furniture, UK and Ireland, 1985–1993);

– содержание мысли, получающее выражение с помощью ментальных глаголов, которые выступают в качестве сказуемого или компонента сложного сказуемого, при этом данную роль актуализирует имя поступка: *The liberals regarded sending telegrams of condolence as a polite gesture. The conservatives was it as just another step in a “Romeward” march, and every such step had to be protested* (God save Ulster!, UK: South, 1985–1993);

– содержание высказывания, как правило, актуализировано в структуре предложения в виде прямой речи: *Guitarist Stephen explains: “It’s a nice gesture, but we’ve recorded the single enough times and now wanna move on to the next one”* (The Face, UK: South, 1985–1993).

Контекстуальный анализ показал, что в речи регулярно актуализированы все структурные элементы ситуации «gesture», представленные на системно-языковом уровне: «мотив поступка», «действие, лежащее в основе поступка», «результат поступка», в незначительной степени эксплицированы «агент поступка» и «объект поступка», а также актуализирована «оценка поступка», которая не конкретизирована в словарных описаниях лексемы.

Мотивы поступка «gesture» разнообразны и варьируются от невинных желаний до серьезных решений в личной жизни или профессиональной деятельности, от благих идей до корыстных побуждений: *Suicide for this reason – to free mankind of the consoling yet imprisoning fictions of religion – is the highest expression of self-will, a perfectly free action, a divine gesture* (Dostoevsky, UK: South, 1975–1984); *There was one constant factor in the careers of these rich men priding themselves on their hard-headedness, they were eventually prepared to take on a poor commercial risk, or found a college as a pure give-away gesture, in order to win a richer prize* (The fifties: portrait of an age, UK: South, 1975–1984).

Мотив поступка – значимый элемент, так как «gesture» – это поступок, который имеет символическое значение, является условным обозначением какой-то идеи. Выражение определенной идеи и выступает мотивом поступка, обозначаемого лексемой *gesture*, при этом данная идея может быть прямо выражена в контексте, скрыта от читателя или представлена имплицитно. Ср.: *Paul being shrewd enough to guess the motive behind Fritz’s philanthropic gesture* (Bury the dead, UK: South, 1985–1993) – мотивы филантропического жеста скрыты от наблюдателя; *He regarded posterity as the only afterlife worth contemplating and, to show his contempt for the resurrection of the body, he left his to be dissected – a bold gesture that his contemporaries were slow to follow – and his reconstituted skeleton was exhibited in University College, London* (The masks of death, UK: South, 1985–1993) – мотив эксплицирован; *Anticipating the harsh lighting in our room, Leslie had brought with him some candles, and I was touched by the romantic tenderness of the gesture* (Enigma variations, UK: North, 1985–1993) – один из мотивов агента поступка актуализирован в высказывании, при этом другие мотивы домысливаются читателем с опорой на контекст.

В дискурсе в минимальной степени эксплицированы признаки агента и объекта поступка «gesture». Очевидно, данные элементы не являются ядерными в структуре понятия «gesture»: любой поступок, имеющий символический подтекст, вне зависимости от того, кто его совершает и на кого он направлен, может получить имя *gesture*. Элемент «объект поступка» является факультативным в структуре ситуации «gesture», так как поступок, обозначаемый именем *gesture*, может быть направлен или не направлен на конкретный объект.

Действие, в результате оцениваемое как *gesture*, напротив, широко представлено в контекстах BNC. Общим признаком для всего разнообразия актуализированных действий, лежащих в основе поступка «gesture», является публичность, т. е. жест – это поступок, всегда совершаемый намеренно открыто. Этим также объясняется способность лексемы *gesture* сочетаться с прилагательными *dramatic, spectacular*. Например: *The Protestants could hope but by no means be certain of what she would do, though they could take comfort from her dramatic gesture on Christmas Day 1558, when she ordered the bishop celebrating Mass in her chapel not to elevate the host, walking out when he refused, and her even more spectacular gesture on 25 January 1559 when, at the opening of parliament, she told the abbot and monks of Westminster, processing with tapers burning, ‘Away with these torchers!’* (Mary Queen of Scots, UK: South, 1985–1993); *He started in political life as he meant to go on, sympathizing with ‘Action Francaise’ and making his first political gesture at the age of*

26 as one of the threatening, right-wing mob who were driven back by police gunfire when they tried to storm the Chamber of Deputies in February 1934 (Independent, UK: South, 1985–1993).

Существенно, что поступок совершается открыто, при этом его реальное содержание, мотив агента поступка, могут оставаться скрытыми: *He imagined himself walking up to her and presenting her with a single red rose. But that was not possible, not in this place, and not with his resources. He could hardly limp across the room and offer her a plastic spoon, especially as it had already been used. Even so, those with grace always know how to be graceful and she would probably understand the true meaning of the **gesture*** (Hide and seek, UK: South, 1985–1993).

В дискурсе также регулярно актуализирован результат, к которому приводит поступок, характеризуемый как «gesture», что не соотносится с тем представлением, которое зафиксировано в словарных определениях. Из контекстов BNC очевидно, что результат поступка значим: *Though Macao's small population made it easier for Portugal to make a grand **gesture**, it triggered renewed bitterness in Hong Kong* (Independent, UK: South, 1985–1993); *There were later rumours that the **gesture**, however sincere, cost Toshack the Liverpool management when Bob Paisley retired* (Independent, UK: South, 1985–1993); *It was a contentious **gesture**. Many were shocked and surprised at the interference of the bishops in the parliamentary process* (The tragedy of belief, UK and Ireland, 1985–1993).

Другим отличием дискурсивного представления поступка «gesture» от его лексикографической репрезентации является то, что в речи широко представлена оценка поступка, которая выражается с помощью отрицательнооценочных и положительнооценочных прилагательных (далее прилагательные представлены в порядке убывания от более частотных к менее частотным): *defiant / bold / philanthropic / contentious / tactless / absurd / divine / appreciated / nice / contemptuous / humanitarian*.

Ассоциативный анализ, проведенный на материале Edinburgh Associative Thesaurus¹⁹, позволил определить, какие характеристики поступка «gesture» находятся в большем или меньшем фокусе внимания говорящих на английском языке. Во-первых, анализ показал, что лексема *gesture* соотносится с понятием «поступок»: *act 5, action 1, attempt 1, give 1 → gesture*. Во-вторых, ассоциативные данные свидетельствуют о том, что «gesture» в большей степени соотносится с отрицательным поступком. Ср. количество положительнооценочных и отрицательнооценочных ассоциатов: *gesture → insane 1, irrelevant 1, hopeful 1; rude 2, violent 1, flamboyant 1, friendly 1 → gesture*. Вероятно, стимулы *kindness 1, love 1*, породившие реакцию *gesture*, актуализируют мотив поступка. Реакция *dramatically 2* на стимул

gesture также указывает на признак, выявленный в ходе контекстуального анализа, а именно то, что «gesture» – это поступок, рассчитанный на эффект.

Таким образом, проведенное исследование показало эффективность использования системного подхода для изучения лексем, репрезентирующих поступки человека. Применение разных методических приемов для анализа данных разных уровней вербализации знаний позволило: 1) определить то, что представления о поступке «gesture» концептуализируются в английском языке в виде ситуации, состоящей из элементов «мотив поступка», «агент поступка», «действие, лежащее в основе поступка», «оценка поступка», «результат поступка», «объект поступка» (факкультативный элемент); 2) определить глубинно-синтаксическую структуру ситуации «gesture» посредством анализа наиболее регулярно выражаемых семантических ролей в высказываниях с именем поступка, а также способов их выражения; 3) выявить семантические компоненты, которые не выражены в толкованиях лексических значений слова *gesture*, а раскрываются только в дискурсе: действие, лежащее в основе поступка «gesture», предполагает определенную степень демонстрации и нацелено на выражение закодированного смысла; значимый результат поступка; положительная/отрицательная оценка поступка.

Примечания

- 1 См.: Бушуева Л. Поступки и их имена : на материале русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.
- 2 Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford, 2015. P. 990.
- 3 Ibid. P. 860.
- 4 Ibid. P. 486.
- 5 Ibid. P. 13.
- 6 Ibid. P. 1626.
- 7 Апресян Ю. Избранные труды : в 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 37.
- 8 См.: Rosch E. Principles of Categorization // Cognition and Categorization / Rosch E., Lloyd B. B. (eds.). Hillsdale, N. J., 1978. P. 27–48.
- 9 См.: Fillmore Ch. The Case for Case // Universals in Linguistic Theory / ed. by E. Bach, R. T. Harms. N. Y., 1968. P. 1–88.
- 10 См.: Апресян Ю. Указ. соч. Т. 2.
- 11 Шерстяных И. Лексикографическое портретирование слова (на примере интегрального описания слова «жизнь») // Вестн. ИГЛУ. Сер. Филология. 2011. № 2 (14). С. 62.
- 12 Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge, 2008. P. 600.
- 13 Oxford Advanced Learner's Dictionary. P. 655.

- ¹⁴ Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 30.01.2019).
- ¹⁵ Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 01.02.2019).
- ¹⁶ Merriam-Webster Dictionary.
- ¹⁷ Oxford Dictionary. URL: <https://www.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 27.01.2019).
- ¹⁸ См.: British National Corpus. URL: <http://bncweb.lancs.ac.uk> (дата обращения: 04.02.2019). Здесь и далее цитаты приводятся с сайта Британского национального корпуса.
- ¹⁹ См.: Edinburgh Associative Thesaurus. URL: <http://rali.iro.umontreal.ca> (дата обращения: 01.02.2019).

Образец для цитирования:

Бушуйева Л. А. Системный подход к изучению метаимен поступков (на материале английского языка) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 288–292. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-288-292>

Cite this article as:

Bushuyeva L. A. A Multifaceted Approach to the Study of Words With the General Meaning of “Action” (In the English Language). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 288–292 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-288-292>

УДК 811.11'373.2

Лексико-семантическая группа цветообозначений в современных германских языках

О. В. Матасова, О. А. Уфимцева

Матасова Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации, Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ имени Г. В. Плеханова, oxana.matasova@yandex.ru

Уфимцева Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации, Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ имени Г. В. Плеханова, olgaufimceva@inbox.ru

В статье рассматривается семантическое поле цветообозначений в германских языках: его строение, особенности формирования базовой части и периферии, тенденции развития. На материале лексико-семантических групп цветообозначающих прилагательных английского и немецкого языков авторами установлены общие и специфические черты в словообразовательных и семантических процессах в исследуемом семантическом поле.
Ключевые слова: колоратив, цветообозначение, германские языки, семантика, словообразование.

Lexical and Semantic Group of Color Terms in Modern Germanic Languages

O. V. Matasova, O. A. Ufimceva

Oksana V. Matasova, <https://orcid.org/0000-0001-6052-7726>, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics, 89 Radischeva St., Saratov 410003, Russia, oxana.matasova@yandex.ru

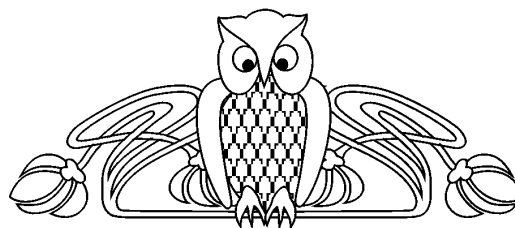
Olga A. Ufimceva, <https://orcid.org/0000-0001-7664-1793>, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics, 89 Radischeva St., Saratov 410003, Russia, olgaufimceva@inbox.ru

The article reviews the semantic field of color terms in Germanic languages: its structure, characteristic features of the basic part and periphery formation, development trends. Based on lexical and semantic groups of color term adjectives of the English and German languages, the authors determine general and specific features in word formation and semantic processes in the semantic field under research.

Keywords: color word, color term, Germanic languages, semantics, word formation.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-293-297>

С прошлого столетия в языкознании активно исследуются различные тематические группировки слов. Лексико-семантическая группа (далее – ЛСГ) цветообозначений не является исключением. Так, проблема цветовой номинации изучалась в работах Б. Берлина¹, А. Вежбицкой²,

П. Кэя³, Х. Е. Рош⁴, а состав цветообозначающей лексики подвергся анализу в работах Н. Б. Бахилиной⁵, Л. Виттгенштайна⁶ и Р. М. Фрумкиной⁷. Известны работы по ЛСГ цветообозначений в семиотическом аспекте (С. Кулинская⁸, Е. Семухина⁹) Кроме того, исследовались стилистические функции цветообозначений¹⁰ и их семантическая структура по языкам (Е. Кожемякова¹¹, Б. Мусуков¹², Ю. Норманская¹³). На материале германских языков наиболее значимы работы В. Й. Йонеса¹⁴, А. Ляйтпольд¹⁵, Е. Оксаара¹⁶, А. П. Василевича¹⁷, В. А. Московича¹⁸. Весьма многообещающими представляются компаративные исследования данной ЛСГ, так как цветообозначения несут лингвокультурную информацию, принимая участие в этноспецифической концептуализации языковой картины мира нации.

Формирование исследуемой ЛСГ цветообозначений относится к концу неолита, когда выделилась германская языковая общность. Так, германские языки унаследовали индогерманскую лексему **reudh-*, обозначающую красный цвет: англ. *red*, нем. *rot*, швед. *Röd*¹⁹. Общегерманскими лексемами, восходящими к индогерманскому корню **ghrē-*, являются обозначения зеленого: англ. *green*, нем. *grün*, нидерл. *groen*, швед. *Grön*²⁰. Обозначения синего (англ. *blue*, нем. *blau*, нидерл. *blauw*, швед. *blå*), белого (англ. *white*, нем. *weiß*, швед. *vit*), желтого (англ. *yellow*, нем. *gelb*, нидерл. *geel*, швед. *gul*), серого (англ. *gray*, нем. *grau*, нидерл. *grauw*, швед. *grå*) и коричневого (англ. *brown*, нем. *braun*, нидерл. *bruin*, швед. *brun*) цветов в германских языках также восходят к общим индогерманским корням. Таким образом, большинство базовых цветообозначений в германских языках представлено близкородственной лексикой, у которой отсутствует понятная современному носителю языка мотивированность. Внутреннюю форму данных прилагательных можно выяснить только путем этимологического исследования, которое покажет нам, например, что германские прилагательные, называющие белый цвет, восходят к индогерманскому корню **kuei-* со значением «сверкающий, блестящий», родственному русскому слову *свет*²¹.

С тех пор состав группы колоративов в германских языках постоянно пополнялся. Так, по данным исследования, проведенного А. П. Василевичем, в английском языке в настоящий момент зафиксировано более 3,5 тысячи прилагательных цвета, хотя в состав активного словаря

входит 254 цветообозначения²². Согласно исследованию Б. Берлина и П. Кэя, к наиболее часто встречающимся именам цвета в английском языке относятся кроме наименований базовой палитры *white, red, black, blue, green, grey, brown, yellow* еще лексемы *pink* и *purple*. Эта лексика составляет более 70% всех случаев употребления прилагательных со значением цвета в тексте²³. В немецком языке наряду с цветообозначениями базовой палитры активно функционируют заимствования *beige, orange, rosa, lila*²⁴.

Колоративы можно классифицировать по самым разнообразным критериям. Чаще всего по структурному признаку наименования цвета можно подразделить на простые (англ. *white, green, yellow*; нем. *weiß, grün, gelb*) и сложные (англ. *sky-coloured, caramel-colored*; нем. *tintenblau, lachsrot, lachsfarben*).

Динамичность расширения семантического поля цветообозначений в современных германских языках представляет собой, по-видимому, универсальный феномен. Универсальными для германских языков являются и некоторые семантические и словообразовательные модели. Одной из продуктивных моделей выступает образование двусложного композита, в котором первый компонент представлен наименованием предмета характерного цвета, а второй – цветообозначающим прилагательным, например: англ. *melon-pink, oil-black*, нем. *rostbraun, schneeweiß*. Номинация осуществляется на основе сравнения: черный как нефть, белый как снег и т. п. Не менее продуктивна модель словосложения с указанием предмета характерного цвета в качестве начального компонента, в то время как второй компонент представлен абстрактными корнями со значением «цвет»: англ. – *colored (straw-colored, off-color)*, нем. – *farben (zahnfarben, eisenfarben)*, – *farbig (rosenfarbig, orangefarbig)*²⁵. В английском языке весьма продуктивным способом образования цветообозначений является перенесение наименования предмета характерного цвета на сам цвет. Данный процесс может осуществляться как в рамках конверсии (*honey adj., the colour of honey*), так и в рамках деривации (*milky adj., the colour of milk*)²⁶. В немецком языке такой перенос возможен на основе деривации с суффиксами *-ig (aschig, feurig, kalkig, käsig, milchig, rauchig)*, *-en (amethysten, smaragden)* и *-ern (strohern)*. Случаи конверсии в немецком языке редки, например: *flieder, mango, tabak, sand*²⁷, *ultramarine, türkis, sepia*²⁸.

Таким образом, большинство прилагательных периферии семантического поля цветообозначений имеют понятную говорящему внутреннюю форму и обладают ясной семантической мотивированностью. Их можно группировать согласно областям, к которым относятся предметы, чьи наименования входят в состав колоратива. Так, можно выделить наименования цвета на основе сравнения с цветом объектов живой приро-

ды: фауны (англ. *camel, dove, canary yellow*; нем. *kanariengelb, schwanenweiß, fuchsrot, fuchsig*) и флоры. При этом в качестве мотива номинации цветообозначений могут выступать объекты дикорастущей флоры (англ. *foliage green, moss green*; нем. *grasgrün, moosgrün, minzgrün, waldgrün, kiefergrün, laubgrün, tannengrün*), цветы (англ. *old rose, hyacinth*; нем. *malvenfarben, malvenfarbig, rosafarben, vergissmeinnichtblau, mohnrot*), а также плоды и овощи, используемые человеком в пищу (англ. *lime green, carrot, olive*; нем. *olivgrün, mirabellfarben, tomatenrot, pfirsichfarben, himbeerrot, erdbeerrot, kirschrot*). Значительную группу образуют цветковые прилагательные, образованные на основе сравнения с цветом пищевых продуктов (англ. *coffee brown, milky, bordeaux, honey*; нем. *kaffeebraun, milchweiß, bordeaux, bordeauxrot, weinrot, honigfarben, honiggelb, schokoladig*). Кроме того, выделим группы цветообозначений на основе сравнения с объектами неживой природы (англ. *sky-blue, ash-grey*; нем. *feuerrot, himmelblau, aschgrau, meergrün*), драгоценными камнями и металлами (англ. *golden, ruby red, pearl*; нем. *perlweiß, kupferrot, rubinrot, stahlblau, türkisblau, saphirblau, amethystfarben*), продуктами человеческой деятельности (англ. *bottle green, brick red, slate*; нем. *cremefarben, ziegelrot, ziegelfarben, signalgrün*). В основе номинации некоторых периферийных цветообозначений-прилагательных лежат наименования натуральных красителей: англ. *indigo, carmine*; нем. *indigofarben, carminrot, sepiabraun*. Периферийную, но весьма интересную в лингвокультурном отношении группу составляют цветообозначения, в основе номинации которых лежат некие факты культуры, искусства, литературы, например: англ. *Sistine, Oxford blue, Rome purple*; нем. *havanna*²⁹, *tizianrot, tizianblond, donaublau, sienafarben, sienafarbig, caesarenpurpur*³⁰.

Одной из особенностей немецкого языка является способность образовывать целые синонимические ряды цветковых прилагательных, состоящие из производных лексем с различным суффиксами и композитов с синонимичными компонентами, например: *rosig, rosenrot, rosenfarben, rosenfarbig; fleischfarben, fleischfarbig; lachsfarben, lachsfarbig; rehbraun, rehfarben, rehfarbig; zitronengelb, zitronenfarben, zitronenfarbig; golden, goldfarben, goldfarbig; silbern, silberfarben, silbrig, silberfarbig; schieferfarben, schieferen, schieferig, schiefbrig, schieferfarbig; veilchenfarben, veilchenfarbig*.

Для периферии семантического поля цветообозначений в германских языках весьма продуктивно использование модификаторов. В английском языке в качестве модификаторов функционируют *bright, dark, deep, dirty, dull, light, mat, moderate, pale, pastel, shocking, soft, virulent, vivid*. Выбор модели «модификатор + цветообозначение» определяется двумя факторами: во-

первых, некоторые модификаторы имеют узкую сочетаемость, например, *shocking* сочетается только с *pink*; *virulent* – только с *red*; во-вторых, модификаторы в 90% случаев сочетаются с цветообозначениями, входящими в группу базовых. Перечисленные выше модификаторы не исчерпывают весь перечень, помимо них в качестве модификатора окказионально могут использоваться другие прилагательные или причастия с самой разнообразной семантикой (например, *dusky pink*, *lively red*, *smiling yellow*, *delicate red*, *glossy green*). В немецком языке данной модели соответствует словосложение, где в качестве первого компонента используются модификаторы *hell*, *dunkel*, *tief*, *zart*, *licht*, *pastel*, *bläss*, например: *hellblau*, *dunkelrot*, *tiefrot*, *zartrosa*, *zartlila*, *lichtblau*, *pastelgrün*, *blässrosa*³¹ и т. п. Возможны также окказиональные образования: *elektrischviolett*, *panikattakenrot* и т. п.³²

Колоративы в германских языках обладают разной стилистической окраской. Конечно, большинство из них может быть причислено к словам с нейтральной окраской, например, вся базовая палитра в английском и немецком языках. Однако ряд цветообозначений входит в поэтическую лексику (англ. *cerise*), другие – в просторечие (англ. *brick*).

Семантическое поле цветообозначений германских языков активно пополняется за счет заимствований. Так, в состав активного словаря германских языков вошли заимствованные из французского языка англ./нем. *beige*, *bordeaux*, англ. *violet*, *turquoise*, *mauve*, нем. *violett*, *orange*, *lila*. Примечательно, что данные цветообозначения принадлежат к первой сотне цветообозначений корпуса английского языка. Активно функционирует в германских языках заимствованное из индийского цветообозначение англ. *khaki*/нем. *kaki*. В немецком языке заимствованные прилагательные цвета, как правило, остаются неизменяемыми (*eine kaki Tasche*, *ein rosa/siena Kleid*), хотя могут со временем ассимилироваться и получить парадигму склонения (*ein beiges/oranges/lilanes/türkises Kleid*)³³.

Специфика систем цветообозначений в разных языках отражает этнографические, исторические и психологические особенности их культуры. Базовая цветовая палитра может даже изменяться в зависимости от исторической эпохи. Широко известен тот факт, что в русском и некоторых других языках для обозначения синего цвета существует два цветообозначения – *синий* и *голубой*. Следовательно, если в других индоевропейских языках группа основных цветообозначений включает 11 слов, то в русском языке она состоит из 12 компонентов. В отличие от русского языка, в германских языках синий и голубой цвета разграничиваются модификаторами: англ. *dark blue* и *sky blue*, нем. *dunkelblau* и *hellblau*. Появление в русском языке прилагательного *голубой*, которое этимологически вос-

ходит к слову *голубь*, обусловлено рядом культурно-исторических факторов. Прилагательное *синий* долгое время сохраняло в основном отрицательную коннотацию, а положительную окраску имели слова, обозначающие светло-синий оттенок. В современном русском языке прослеживается обратная тенденция: согласно Национальному корпусу русского языка, растет частотность употребления прилагательного *синий*, а прилагательное *голубой* постепенно приобретает негативную коннотацию. Отметим кстати, что и в германских языках прилагательные, обозначающие синюю палитру цветов, несут отрицательные оттенки значения, например, англ. *blue* имеет переносное значение *печальный*, *грустный*, *скудный*³⁴, а нем. *blau* – *пьяный*. Кроме того, отрицательная коннотация немецкого прилагательного проявляется во фразеологии: *blauer Brief* (уведомление об увольнении, расторжении договора о найме жилья, жалоба и проч.), *jemandem blauen Dunst vormachen* (обмануть кого-либо), *sein blaues Wunder erleben* (пережить неприятный сюрприз) и т. п.³⁵. Английское прилагательное *blue* часто играет роль усилителя отрицательного качества *blue fear* (паника, замешательство), *blue murder* (пронзительный крик), *blue streak* (неудержимый поток слов), *blue study* (мрачные раздумья), *blue water* (открытое море)³⁶.

Действительно, в семантическом поле цветообозначений сосуществуют прямые, переносные и символические значения, характерные для определенной национальной или наднациональной, религиозной культуры. Ассоциативные связи цветообозначений активно проявляются в языке, закрепляясь в метафорах, переносных значениях и устойчивых словосочетаниях. Цветообозначения тесно связаны с объектами и явлениями окружающей действительности, имеют богатую символику, восходящую к первобытной культуре. Для германских языков коннотативные значения базовой палитры цветообозначений являются универсальными. Так, прилагательные англ. *green* и нем. *grün*, обозначающие зеленый цвет, имеют идентичные переносные значения *неготовый*, *неспелый*, *неопытный*. Английское прилагательное *grey* используется в переносных значениях *мрачный*, *безликий*; *необразованный*, *малокультурный*; *седой*, *зрелый*, *почтенный*, которые в целом совпадают с таковыми немецкого прилагательного *grau*. Цветообозначения красного цвета в германских языках демонстрируют вторичные номинации, связанные с опасностью, гневом, раздражением. Немецкое прилагательное *rot* дополнительно используется для обозначения левых политических (коммунистических, социалистических, социал-демократических, марксистских) партий, движений, взглядов. Однако рассмотренные нами вторичные номинации развили близкородственные цветообозначения в английском и немецком языках, восходящие к общим индогерманским лексемам.

Рассмотрим семантику черного цвета, носители которой представлены в рассматриваемых языках различными по происхождению словами. Английское прилагательное *black* обладает преимущественно отрицательными переносными значениями *black bag job* – *нелегальные действия полиции*, *black dog* – *уныние*, *black economy* – *теневая экономика*, *black looks* – *злые взгляды*, *black money* – *грязные деньги*, *black operations* – *противозаконные операции*, *black sheep* – *паршивая овца* и т. д., за исключением *black ink* – *положительное сальдо, прибыль*³⁷. Схожую семантику демонстрирует немецкое прилагательное *schwarz* в качестве инициального компонента многочисленных сложных слов. Сложные глаголы с первым компонентом *schwarz*, как правило, обозначают незаконное действие: *schwarzfahren* – *водить машину, не имея водительских прав*, *schwarzarbeiten* – *незаконно заниматься каким-либо промыслом*, *schwarzgehen* – *браконьерствовать, нелегально переходить границу*, *schwarzhören* – *пользоваться незарегистрированным радиоприемником*, *schwarzschlachten* – *незаконно забивать скот* и т. п. Ряд сложных существительных с первым компонентом *schwarz* обозначают лиц, совершающих противозаконную деятельность: *der Schwarzfahrer* – *безбилетный пассажир*, *der Schwarzhändler* – *человек, торгующий на черном рынке*, *der Schwarzhörer* – *владелец незарегистрированного радиоприемника; студент, посещающий занятия «зайцем», не имея на это права*. Кроме того, компонент *schwarz* приобретает семантику, связанную с магией (*die Schwarzkunst* – *черная магия*, *schwarzkünsteln* – *заниматься черной магией*, *die Schwarzkünstlerin* – *ведьма*), а также с печалью и трауром (*der Schwarzfärber* – *пессимист*, *schwarzsüchtig* – *меланхолический*, *schwarzsehen* – *быть пессимистом*)³⁸. Таким образом, вторичные номинации немецкого прилагательного *schwarz* идентичны таковым английского прилагательного *black*.

Итак, ЛСГ цветообозначений в исследуемых языках представлены многочисленным и разнообразным лексическим материалом, показывающим, однако, сходные черты. Лексика, обозначающая базовую палитру цветов, восходит к общим индогерманским корням. Формирование исследуемой ЛСГ цветообозначений относится к концу неолита, времени выделения германской языковой общности. С тех пор состав группы колоративов в германских языках постоянно пополняется, что является результатом заимствования и активных словообразовательных процессов на периферии семантического поля цветообозначений, универсальных для исследуемых языков. Самой продуктивной моделью является образование двусложного композита, в котором первый компонент представлен наименованием предмета характерного цвета, а второй – цветообозначающим прилагательным. Кроме того, продуктивно перенесение наимено-

вания предмета характерного цвета на сам цвет в рамках конверсии и деривации. Таким образом, большинство прилагательных периферии семантического поля цветообозначений в исследуемых языках демонстрируют понятную внутреннюю форму. Так, можно выделить наименования цвета на основе сравнения с цветом объектов неживой и живой природы (фауны и флоры), пищевых продуктов. Для периферии семантического поля цветообозначений в германских языках продуктивно использование модификаторов. Специфика семантики цветообозначений в германских языках проявляется в развитии коннотаций и переносных значений прилагательных цвета. Для германских языков коннотативные значения базовой палитры цветообозначений являются универсальными.

Примечания

- 1 См.: Berlin B., Kay P. Basic Colour Terms : Their Universality and Evolution. Berkeley, 1969.
- 2 См.: Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 231–291.
- 3 См.: Kay P., McDaniel Ch. The Linguistic Significance of the Meaning of Basic Colour Terms // Language. 1978. Vol. 54, № 3. P. 610–646. DOI: 10.2307/412789
- 4 См.: Rosch H. E. Universal in Colour Naming and Memory // Journal of Experimental Psychology. 1972. Vol. 93, № 1. P. 10–20. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037/h0032606>
- 5 См.: Бахилина Н. История цветообозначений в русском языке. М., 1975.
- 6 См.: Wittgenstein L. Bemerkungen über die Farben = remarks on color / ed. by G. E. M. Anscombe ; transl. by L. L. McAlister, M. Schättle. Berkeley, 1977.
- 7 См.: Фрумкина Р. Цвет, смысл, сходство. М., 1984.
- 8 См.: Кулинская С. Цветообозначения : национально-культурные особенности функционирования : На материале фразеологии и художественных текстов русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2002.
- 9 См.: Семухина Е. Лингвосомиотика зеленого цвета во французском религиозном медиадискурсе // Язык. Социум. Культура : сб. науч. ст. Саратов, 2017. С. 37–41.
- 10 См.: Алимтеева Р. Взаимодействие цвето- и цветообозначений русского языка при формировании у них оценочных значений // Семантика русского языка в диахронии : Лексика и грамматика : межвуз. сб. науч. тр. Калининград, 1992. С. 3–9.
- 11 См.: Кожемякова Е. История формирования семантики прилагательных-цветообозначений в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2001.
- 12 Мусуков Б. Лексико-семантические особенности цветообозначающих прилагательных в тюркских языках (на материале карачаево-балкарского языка) // Фундаментальные исследования. 2014. № 5 (ч. 5). С. 1121–1126.
- 13 Норманская Ю. Историко-типологический анализ цветообозначений в древних индоевропейских языках : дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.

- ¹⁴ См.: Jones W. J. Historisches Lexikon deutscher Farbbezeichnungen. Berlin, 2013.
- ¹⁵ См.: Leibold A., Solms H.-J. Farbbezeichnungen im Mittelhochdeutschen und Frühneuhochdeutschen // Sprachwissenschaft. 2009. № 34 (Heft 3). S. 317–340.
- ¹⁶ См.: Oksaar E. Die Farbbezeichnungen im Deutsch der Gegenwart // Muttersprache. 1961. Vol. 71, № 8. S. 207–220.
- ¹⁷ См.: Василевич А. Исследования лексики в психолингвистическом аспекте : на материале цветообозначений в языках разных систем. М., 1987.
- ¹⁸ См.: Москович В. Статистика и семантика (опыт статистического анализа семантического поля). М., 1969.
- ¹⁹ Duden. Etymologie. Herkunftswörterbuch : 2. Aufl., völlig neu bearb. und erweitert / bearb. von G. Drosdovski. Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich, 1989. S. 599.
- ²⁰ Ebd. S. 258.
- ²¹ Ebd. S. 806.
- ²² См.: Василевич А. Указ. соч. С. 30.
- ²³ См.: Berlin B., Kay P. Op. cit.
- ²⁴ См.: Jones W. J. Op. cit. S. XV.
- ²⁵ См.: Duden online. URL: <https://www.duden.de/woerterbuch> (дата обращения: 10.04.2018).
- ²⁶ См.: English Oxford Living Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 10.03.2018).
- ²⁷ См.: Jones W. J. Op. cit. S. XV–XVI.
- ²⁸ См.: Duden online.
- ²⁹ См.: Jones W. J. Op. cit. S. XV.
- ³⁰ См.: Duden online.
- ³¹ Ebd.
- ³² См.: URL: <https://blog.schendera.de/farbnamen-rot.html> (дата обращения: 27.03.2018).
- ³³ Duden online.
- ³⁴ English Oxford Living Dictionaries.
- ³⁵ Duden online.
- ³⁶ ABBYYLingvo. URL: <http://www.lingvo.ru/> (дата обращения: 10.04.2018).
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ См.: Коваленко А. Семантика сложных колоронимов в современном немецком языке (на примере сложных слов с первым компонентом – *schwarz*) // Форум молодых ученых. 2017. № 8 (12). URL: http://forum-nauka.ru/domains_data/files/12/KOVALENKO-MATASOVA.pdf (дата обращения: 10.03.2018).

Образец для цитирования:

Матасова О. В., Уфимцева О. А. Лексико-семантическая группа цветообозначений в современных германских языках // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 293–297. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-293-297>

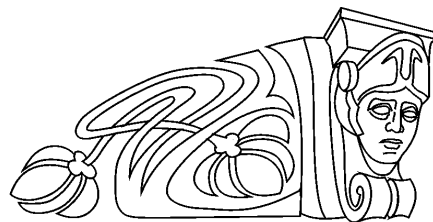
Cite this article as:

Matasova O. V., Ufimceva O. A. Lexical and Semantic Group of Color Terms in Modern Germanic Languages. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 293–297 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-293-297>

УДК [811.111'25:811.161.1]:791.44.024

Дискурсивный маркер *you know* и его функциональный перевод на русский язык при субтитровании и дубляже художественных фильмов

А. А. Блюднева

Блюднева Александра Александровна, аспирант кафедры теории преподавания иностранных языков, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, aleksandra.bliudneva@gmail.com

В статье рассматривается функционирование дискурсивного маркера *you know* в кинодиалоге, а также средства его функциональной межъязыковой передачи при субтитровании и дубляже фильмов. Выявляются текстовые и межличностные функции маркера в кинодиалоге. Проводится сравнение практики перевода маркера в субтитрах и дубляже по параметрам – доля опущения маркера и доля функциональных потерь.

Ключевые слова: дискурсивный маркер, прагматическое значение, функция, функциональный эквивалент, перевод, субтитрование, дубляж.

Discourse Marker *you know* and Functional Approach to Its Translation into Russian in Film Subtitling and Dubbing

A. A. Bliudneva

Aleksandra A. Bliudneva, <https://orcid.org/0000-0003-2284-1145>, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia, aleksandra.bliudneva@gmail.com

The article is concerned with the textual and interpersonal functions of discourse marker *you know* in movie dialogues and the means of its functional translation in subtitles and dubbing. The subtitled and dubbed versions are compared in terms of the proportion of marker omission as well as the proportion of functional losses.

Keywords: discourse marker, pragmatic meaning, function, functional equivalent, translation, subtitling, dubbing.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-298-304>

Коммуникация, главная цель которой состоит в передаче информации от одного лица другому, представляет собой чрезвычайно сложный процесс. Для того чтобы обеспечить полное и адекватное восприятие сообщаемых фактов адресатом, адресанту нередко приходится прибегать к различным *вспомогательным средствам*, которые несут дискурсивно-прагматическую, а не фактическую информацию¹. Среди таких вспомогательных средств мы выделяем *вербальные дискурсивные маркеры*.

Дискурсивные маркеры – *транскатегориальный* класс единиц, к которому относятся слова разных лексико-грамматических категорий – частицы (*oh, um*), наречия (*just, only*), союзы (*however*), а также свободные сочетания слов (*in*

a way, so to speak) и предикативные конструкции (*if you like, I mean, you know*). Эти языковые единицы являются *грамматически факультативными*: они слабо связаны с синтаксической структурой предложения и могут быть изъяты без вреда для его структурной целостности. Эти единицы также не вносят вклада в информативное содержание высказывания, но наделены определенным *прагматическим значением* – служить средством выражения коммуникативной установки адресанта. Являясь носителем прагматического значения, дискурсивные маркеры, с одной стороны, выполняют текстовую функцию – организуют и структурируют дискурс, устанавливая отношения связности и целостности между его частями. С другой стороны, они выполняют межличностную функцию – регулируют межличностные и «статусно-ролевые»² отношения собеседников, выражают отношение адресанта к содержанию высказывания, адресату и ситуации общения. Таким образом, *дискурсивные маркеры* – это транскатегориальный класс единиц, которые являются грамматически факультативными и выполняют прагматическую, организационно-регулирующую функцию в дискурсе.

Как в России, так и за рубежом проблема межъязыковой передачи дискурсивных маркеров стала изучаться сравнительно недавно. Долгое время дискурсивные маркеры считались «непереводимыми» в силу ослабленного пропозиционального значения, полифункциональности и тесной связи с контекстом³. Однако впоследствии в литературе стало отмечаться, что дискурсивные маркеры способствуют эффективной передаче информации не только в одноязычной коммуникации, но и в коммуникации между носителями разных языков, частным случаем которой является перевод⁴. Признание важной коммуникативной роли дискурсивных маркеров вместе со становлением функционального подхода к переводу способствовало тому, что был поставлен вопрос о нахождении адекватных средств межъязыковой передачи дискурсивных маркеров.

В этой связи важно заметить, что перевод дискурсивно-прагматических единиц требует к себе иного подхода, нежели перевод денотативных единиц. Ввиду того что маркеры связаны с коммуникативной установкой адресанта в конкретной ситуации общения и их прагматическое значение уточняется в зависимости от контекста, отношения эквивалентности при их переводе

могут устанавливаться только на уровне речевых контекстов⁵. Иными словами, применительно к маркерам можно говорить не о постоянных межъязыковых соответствиях, а о *контекстуальных речевых соответствиях*.

Следовательно, переводчик должен исходить из того, что в данном речевом контексте подбираемые им средства перевода маркера должны обладать тождественным прагматическим значением. Другими словами, в данном коммуникативном контексте дискурсивный маркер исходного текста и средства его перевода должны выполнять эквивалентную функцию, или быть *функциональными эквивалентами*. При этом переводчика не должны смущать формальные различия между единицей исходного текста (ИТ) и единицей текста перевода (ПТ), при условии, что они выполняют тождественную коммуникативную функцию.

В настоящей статье мы останавливаемся на одном из наиболее частотных разговорных маркеров английского языка⁶ – маркере *you know*. Прагматическое значение данного маркера состоит в том, чтобы указать на наличие общего знания между адресантом и адресатом. Интересно, что маркер *you know* используется адресантом не только для того, чтобы сослаться на уже известные адресату сведения, но и для того, чтобы ввести новую для собеседника информацию⁷. Таким образом, с помощью маркера адресант скорее «имитирует», что между ним и его собеседником есть общее знание, и тем самым устанавливает с ним связь. Итак, в общем виде прагматическое значение маркера *you know* мы формулируем следующим образом – указание на *воображаемое общее знание*⁸ между собеседниками.

Особенности функционирования данного дискурсивного маркера мы исследовали на материале 11 англоязычных художественных фильмов, снятых в период с 1997 по 2017 год. Корпус представляет собой транскрипт оригинального кинодиалога на английском языке в комбинации с информацией о сопутствующем невербальном (визуальном и акустическом) ряде фильма. Для того чтобы выявить средства межъязыковой передачи маркера, в корпус также были включены тексты переводных русскоязычных субтитров и дубляжа. Ниже приведен список художественных фильмов, составляющих корпус исследования, с указанием оригинального названия, режиссера, года выпуска и жанра:

1. Шоссе в никуда (*Lost Highway*, Д. Линч, 1997), детектив, триллер;
2. О, где же ты, брат? (*O Brother, Where Art Thou?*, Дж. Коэн, И. Коэн, 2000), приключения, комедия, мюзикл;
3. Бесславные ублюдки (*Inglourious Basterds*, К. Тарантино, 2009), приключения, военная драма;
4. Драйв (*Drive*, Н. В. Рефн, 2011), криминальная драма;

5. Бёрдмэн (*Birdman, or (The Unexpected Virtue of Ignorance)*, А. Г. Иньярриту, 2014), комедия, драма;

6. Одержимость (*Whiplash*, Д. Шазелл, 2014), музыкальная драма;

7. Да здравствует Цезарь! (*Hail, Caesar!*, И. Коэн, Дж. Коэн, 2016), комедия, детектив;

8. Ла-Ла Ленд (*La La Land*, Д. Шазелл, 2016), комедия, драма, музыка, мюзикл, мелодрама;

9. Бегущий по лезвию 2049 (*Blade Runner 2049*, Д. Вильнёв, 2017), драма, детектив, научная фантастика, триллер;

10. Леди Бёрд (*Lady Bird*, Г. Гервиг, 2017), комедия, драма;

11. Проект «Флорида» (*The Florida Project*, Ш. Бэйкер, 2017), драма.

В кинодиалоге на английском языке нам встретилось 77 случаев использования дискурсивного маркера *you know*. В выборку вошли только те единицы, которые можно достоверно считать дискурсивными маркерами: они поддаются изъятию из предложения, не нарушая его семантической и грамматической целостности, выделяются средствами пунктуации (запятые) на письме и особым просодическим контуром (паузы) в устной речи. Недискурсивные омонимы – предикативные конструкции, состоящие из местоимения *you* и глагола *know*, – исключались из выборки.

При определении контекстуальной функции – текстовой или межличностной – дискурсивного маркера мы опирались на следующие лингвистические: интонационно-просодический контур высказывания, тип высказывания, позиция маркера в высказывании, его ближайшее окружение и сочетаемость; и экстралингвистические параметры: мимика и язык тела коммуникантов, их социальный статус, образование, эмоциональное состояние и межличностные отношения. В результате проведенного лингвистического и экстралингвистического анализа в каждом случае определялась функция дискурсивного маркера *you know*. Далее мы анализировали средства перевода данного маркера на русский язык в субтитрах и дубляже. Главным образом, нас интересовало, как часто переводчик опускает маркер и удается ли ему найти функциональный эквивалент для маркера ИТ или же в ПТ происходит функциональная потеря. Наконец, мы устанавливали зависимость достигаемого уровня функциональной эквивалентности от вида киноперевода.

Нами было установлено, что частота использования маркера *you know* в рассматриваемых фильмах варьируется от 0,12 («Ла-Ла Ленд») до 0,0057 употреблений («О, где же ты, брат?») на 100 слов диалога и в среднем составляет 0,06. В 51 из 77 случаев маркер выполняет текстовую функцию, в межличностной функции он используется в 26 случаях.

Первая текстовая функция маркера *you know* заключается в смене коммуникативных ролей. *You know* обозначает коммуникативный шаг одного из собеседников: с помощью маркера адресант берет слово, обозначает начало своего высказывания. В данной функции маркер закономерно используется в начале высказывания, с восходящей интонацией, нередко (но не обязательно) после маркера следует пауза. Как правило, маркер смены роли можно заменить вопросом *you know what?* («а знаешь что?») или *do you want to know?* («а хочешь кое-что узнать?»). Приведем пример из нашего корпуса (паузы обозначены двумя вертикальными линиями ||):

A: Look at me. – B: You know, || I've always dreamed of being a Broadway actress... (Бёрдмэн, 00:46:22).

По нашим наблюдениям, маркер смены роли используется в англоязычном диалоге чаще всего (22 единицы), при этом как при субтитровании, так и при дубляже переводится 54,5% этих единиц. Отметим, что ни в субтитрах, ни в дубляже значительный процент опущения маркера не приводит к функциональным потерям,

так как зритель ориентируется в смене коммуникативных ролей, следя за невербальным компонентом фильма. Поэтому мы полагаем, что маркер смены роли необходимо переводить только в том случае, если это не приводит к нарушению пространственно-временных рамок субтитрования (субтитр – 1–2 строчки по 30–40 знаков с учетом пробелов⁹ – остается на экране не более 5–6 секунд¹⁰) и не вредит синхронному звучанию ИТ и дублированного ПТ¹¹.

При передаче маркера смены роли переводчик нередко прибегает к буквальному переводу с помощью форм глагола «знать» (например «знаешь», «знаете»), часто в комбинации с личным местоимением («ты знаешь»), а также союзом («а знаете») или частицей («ну, ты знаешь»). Ввиду того что эти единицы используются в русском языке для привлечения внимания собеседника, они выступают полноценными функциональными эквивалентами маркера смены роли. Функциональными эквивалентами также являются формы глаголов «смотреть» («смотри») и «слушать» («слушай»), обращения и частицы («ну», «просто») (табл. 1).

Таблица 1

Пример перевода маркера смены роли

ИТ	ПТ субтитров	ПТ дубляжа
Бёрдмэн, 01:21:32,133 <i>You know, before you come tomorrow night</i>	01:21:31,474 → 01:21:34,143 <i>Знаете, пока вы не пришли завтра...</i>	01:21:32 – 01:21:35 <i>Я просто перед премьерой хотел с вами немного по...</i>

Вторая текстовая функция маркера *you know* состоит в указании на смену темы разговора. По нашим наблюдениям, как и маркер смены роли, маркер смены темы используется в начале высказывания, с восходящей интонацией, и за ним может следовать пауза. Очевидно, смена темы диалога может совпадать со сменой коммуникативных ролей, однако для удобства к маркерам смены роли мы относим все употребления *you know*, обозначающие начало речи персонажа, а к маркерам смены темы – те употребления, которые обозначают смену темы внутри речи персонажа:

A: I guess you won't be going to any dances in college. This is our last one. || You know, || Davis has a terrific theater (Леди Бёрд, 01:06:26).

Маркер смены темы встречается в оригинальном саундтреке 9 раз, и в подавляющем большинстве случаев в тексте субтитров и дубляжа ему соответствует эквивалент – в 88,9 и 77,7% случаев соответственно. В качестве функциональных эквивалентов выступают единицы русского языка, использующиеся для смены темы разговора: формы глагола «знать» («знаешь», «знаете»), частицы «ну-ка», «ведь», «и вообще», «да», «же» и союзы «а», «но» (табл. 2).

Таблица 2

Пример перевода маркера смены темы

ИТ	ПТ субтитров	ПТ дубляжа
Драйв, 00:50:21,939 <i>What are you rolling your eyes at for? You know, get out of here</i>	00:49:00,634 → 00:49:06,018 <i>А ты чего вытупилась? Ну-ка, свалила отсюда</i>	00:49:49 – 00:49:56 <i>Ты какого черта закатываешь глаза? И вообще, пошла отсюда</i>

Третья текстовая функция *you know* – поясняющая. Маркер пояснения используется не просто как структурирующее, связующее средство, а как средство уточнения предшествующего фрагмента дискурса. По нашим наблюдениям, маркер пояснения используется в начале или в середине высказывания, оформляется с помощью восходящей интонации и за ним следует

пауза. Маркер пояснения часто можно заменить выражением *that is*:

A: Hey! How'd you get into all this? You know, movies, acting... (Ла-Ла Ленд, 00:40:40).

В оригинальном саундтреке нам встретилось 8 маркеров пояснения, для значительной доли из них мы смогли найти соответствия в русскоязычных субтитрах и дубляже – в 62,5 и

50% случаев соответственно. В качестве функциональных эквивалентов маркера пояснения выступают следующие средства русского языка

ка – формы глагола «понимать» («понимаешь», «понимаете»), свободное сочетание слов «в том числе» и частица «ну» (табл. 3).

Таблица 3

Пример перевода маркера пояснения

ИТ	ПТ субтитров	ПТ дубляжа
Ла-Ла Ленд, 01:04:16,840 <i>Your play's incredible. You know, the whole world from your bedroom</i>	01:04:16,292 → 01:04:21,417 <i>Пьеса – необыкновенная. Понимаешь? Весь мир из окна твоей спальни</i>	01:04:20 – 01:04:25 <i>Пьеса чудесная. Понимаешь, весь мир из окна твоей спальни</i>

Четвертая текстовая функция *you know* заключается в поиске формы выражения мысли. С помощью маркера поиска выражения адресант берет паузу на выбор подходящего слова или выражения. Как правило, маркер поиска выражения используется в середине предложения, оформляется с помощью восходящей интонации и с двух сторон выделяется паузами:

A: She's not crazy, she's just, || you know, || she has a big heart. She's very warm (Леди Бёрд, 00:44:07).

Маркер поиска выражения встречается в оригинальном саундтреке 11 раз, в субтитрах и

дубляже он переведен в 63,6 и 36,36% случаев соответственно. В качестве функциональных эквивалентов используются формы глагола «понимать» («понимаешь», «понимаете»), а также частицы «как бы», «короче», «вроде» и «в смысле». Стоит отметить, что колебание говорящего в выборе слова или выражения отражается в субтитрах графически (с помощью многоточия), а в дубляже – с помощью интонационно-просодических средств. Благодаря этим средствам даже опущение маркера поиска выражения крайне редко приводит к потере коммуникативного эффекта (табл. 4).

Таблица 4

Пример перевода маркера поиска выражения

ИТ	ПТ субтитров	ПТ дубляжа
Леди Бёрд, 00:44:07,331 <i>She's not crazy, she's just, you know, she has a big heart. She's very warm</i>	00:44:07,320 → 00:44:12,360 <i>Она не безумна, она просто... Понимаешь, она... У неё доброе сердце, она очень душевная</i>	00:44:34 – 00:44:38 <i>Она нормальная, просто (пауза), ну, короче, у нее доброе сердце, она очень душевная</i>

Заключительная, пятая текстовая функция *you know* – это ввод примера, иллюстрирование той информации, которая сообщалась в предшествующем фрагменте дискурса. В нашем корпусе встретился только один маркер ввода примера: он используется в начале высказывания, оформляется с помощью восходящей интонации и ему предшествует пауза:

A: I'm using the Studio Band playlist. || You

know, «Caravan», «Whiplash» (Одержимость, 01:22:26).

Ни в субтитрах, ни в тексте дубляжа маркер ввода примера переведен не был, что, однако, не приводит к функциональной потере, так как значение опущенного маркера легко восстанавливается зрителем из предшествующего контекста фильма. В дубляже этому также способствует перечислительная интонация актера (табл. 5).

Таблица 5

Пример перевода маркера ввода примера

ИТ	ПТ субтитров	ПТ дубляжа
Одержимость, 01:22:26,640 <i>I'm using the Studio Band playlist. You know, «Caravan», «Whiplash»</i>	01:22:25,493 → 01:22:31,833 <i>Мы играем программу Студио Бэнд. Караван, Уиплэш</i>	01:22:27 – 01:22:32 <i>Я играю наш репертуар. Караван, Уиплэш</i>

Помимо текстовых функций, маркер *you know* выполняет ряд межличностных функций. Так, первая межличностная функция маркера заключается в призыве к солидарности и пониманию со стороны собеседника. Как правило, маркер призыва к солидарности используется в конце предложения, с восходящей интонацией, оформляется в виде вопроса и ему предшествует пауза. Нередко такие адресации можно заменить предложением *you know how it is* («ты знаешь, как это бывает»):

A: Some people aren't built happy, || you know? (Леди Бёрд, 01:11:01).

В оригинальном саундтреке нам встретилось 14 случаев использования маркера призыва к солидарности, в субтитрах и дубляже маркер переводится в 71,4 и 64,3% случаев соответственно. Чаще всего в качестве функциональных эквивалентов выступают формы глаголов «понимать» («понимаешь», «понимаете»), «знать» («знаешь», «знаете»), «видеть» («видишь»), а также частицы «ведь», «правда» и «же» (табл. 6, пример 1).

Таблица 6

Примеры перевода маркера призыва к солидарности

ИТ	ПТ субтитров	ПТ дубляжа
(1) Бёрдмэн, 00:27:39,024 <i>It's just been so crazy around here, you know?</i>	00:27:37,840 → 00:27:40,042 <i>Видишь, тут все с ума сходят</i>	00:27:38 – 00:27:41 <i>Знаешь, тут в последнее время такой дурдом</i>
(2) Ла-Ла Ленд, 01:42:12,040 <i>I gotta follow my own plan, you know?</i>	01:42:05,917 → 01:42:07,124 <i>Буду следовать своему плану</i>	01:42:12 – 01:42:13 <i>Буду следовать плану</i>
(3) Проект «Флорида», 01:26:39,053 <i>I don't think that should affect us, you know, they're kids</i>	01:26:39,053 → 01:26:44,811 <i>По-моему, это не должно... Касаться нас. Типа, они же дети</i>	01:26:48 – 01:26:53 <i>Но нам-то не стоит из-за этого ссориться. Они же дети</i>

Отметим, что при переводе маркера призыва к солидарности в субтитрах наблюдается значительное количество функциональных потерь (в 5 из 14 случаев). Во-первых, функциональные потери связаны с неоправданным опущением маркера в переводе (табл. 6, пример 2), в результате чего переводное высказывание выглядит формально и в нем отсутствует какое-либо указание на то, что персонаж ищет поддержку и понимание у собеседника. Во-вторых, функциональная потеря может быть обусловлена тем, что переводчик неверно определяет функцию маркера в ИТ и, следовательно, подбирает неправильный функциональный эквивалент. Так, в примере 3 табл. 6 *you know* идентифицирован переводчиком как текстовый маркер выбора выражения и переведен на русский язык частицей «типа», которая действительно является функциональным эквивалентом маркера выбора выражения, но никак не межличностного маркера призыва к солидарности. В дубляже функциональных потерь удается избежать благодаря тому, что актеры используют интонацию для того, чтобы показать, что ждут понимания от собеседника.

Вторая межличностная функция маркера

you know заключается в повышении категоричности речи: с его помощью адресант подчеркивает свою убежденность в содержании высказывания. Маркер повышения категоричности речи, как правило, используется в финальной позиции, с нейтральной или нисходящей интонацией и не выделяется паузой. Нередко *you know* в этой функции можно заменить предложением *it is obvious* («это ясно»), *you should have understood* («ты должен был понимать») и даже *I am not going to say anything more about this* («Я больше не буду это обсуждать»):

A: Well, whatever, all right? It's just time to grow up, you know! (Ла-Ла Ленд, 01:22:04).

В оригинальном саундтреке маркер повышения категоричности речи используется 6 раз, в субтитрах и дубляже он переводится в 66,6 и 16,6% случаев соответственно. По нашим наблюдениям, средства, подбираемые для перевода маркера в субтитрах, в половине случаев оказываются неадекватными и приводят к функциональной потере. К таким неадекватным средствам межязыковой передачи, прежде всего, относится буквальный перевод («знаешь», «ты знаешь») (табл. 7, пример 4).

Таблица 7

Примеры перевода маркера повышения категоричности речи

ИТ	ПТ субтитров	ПТ дубляжа
(4) Бесславные ублюдки, 01:09:37,632 <i>Fighting in a basement offers a lot of difficulties, you know!</i>	01:09:37,632 → 01:09:40,509 <i>Знаешь, когда воюешь в подвале, возникает ряд проблем</i>	01:09:38 – 01:09:40 <i>А держать оборону в подвале трудно по ряду причин</i>
(5) Ла-Ла Ленд, 01:22:04,120 <i>Well, whatever, all right? It's just time to grow up, you know!</i>	01:22:00,250 → 01:22:03,332 <i>Просто настало время развиваться. Понимаешь?</i>	01:22:04 – 01:22:07 <i>Всё, мне плевать! Просто настало время развиваться</i>

Далее, к функциональной потере приводит неправильное определение функции маркера: в примере 5 табл. 7 переводчик идентифицировал функцию *you know* как призыв к солидарности и перевел маркер как «понимаешь», что привело к изменению тональности высказывания с категоричной и раздраженной на доверительную. Что касается дубляжа, то здесь игра актеров и возможность передать эмоцию с помощью интонации снова гарантирует сохранение коммуникативного эффекта высказывания даже в тех случаях, когда переводчик опускает маркер. Так-

же укажем на то, что наиболее удачный функциональный эквивалент – частица «всё», которая в русском языке имеет прагматическое значение категоричности, – также встретился нам именно в тексте дубляжа (табл. 7, пример 5).

Третья межличностная функция *you know* заключается в понижении категоричности речи. Маркер используется как средство смягчения силы высказывания и как инструмент вежливости в конфликтных ситуациях. По нашим наблюдениям, маркер понижения категоричности речи употребляется в середине или в конце предложе-

ния, с нейтральной или восходящей интонацией и выделяется паузой с одной (после маркера) или обеих сторон:

A: I know that's not, || you know, || enough, but I'm just really sorry (Одержимость, 01:23:41).

Маркер понижения категоричности речи встречается в оригинальном саундтреке всего

4 раза, при этом в субтитрах и дубляже он переводится в 25 и 75% случаев соответственно. То обстоятельство, что в субтитрах маркер в большинстве случаев опускается, приводит к функциональным потерям: переводное высказывание выглядит формально, невежливо и даже грубо (табл. 8, пример 6).

Таблица 8

Пример перевода маркера понижения категоричности речи

ИТ	ПТ субтитров	ПТ дубляжа
(6) Одержимость, 00:51:10,920 <i>I'd rather just, you know, break it off clean</i>	00:51:09,159 → 00:51:12,912 <i>И потому я лучше разойдусь на этой стадии</i>	00:51:09 – 00:51:12 <i>Поэтому мне кажется, что лучше расстаться сейчас</i>

При дубляже опущение маркера не приводит к функциональной потере благодаря интонационной игре актеров. По нашим наблюдениям, наиболее удачные функциональные эквиваленты – «мне кажется», «да так», «я знаю что...», но».

Наконец, четвертая межличностная функция маркера состоит в уклонении от сообщения информации. По нашим наблюдениям, маркер в этой функции используется в финальной позиции, с восходящей интонацией и выделяется паузами с обеих сторон:

A: How's it going with the smoking, dear? – B: Oh, || you know... (Да здравствует Цезарь!, 01:07:32).

Маркеры уклонения от сообщения информации – это самая малочисленная группа межличностных маркеров: в оригинальном саундтреке нам встретилось всего два случая употребления *you know* в этой функции. Как в субтитрах, так и в тексте дубляжа в обоих случаях маркер переведен на русский язык, причем переводчикам удалось подобрать адекватные средства перевода. Наиболее удачные функциональные эквиваленты «ну, так», «ну, это», «понимаешь» (табл. 9).

Таблица 9

Пример перевода маркера уклонения от сообщения информации

ИТ	ПТ субтитров	ПТ дубляжа
Ла-Ла Ленд, 01:21:18,600 <i>To be... you know</i>	01:21:15,458 → 01:21:17,208 <i>Понимаешь?</i>	01:21:18 – 01:21:21 <i>Чтобы я был... ну это...</i>

Таким образом, наше исследование показало, что в рассматриваемом корпусе художественных фильмов дискурсивный маркер *you know* выполняет ряд текстовых (смена роли, смена темы, пояснение, поиск выражения и ввод примера) и межличностных функций (призыв к солидарности, повышение и понижение категоричности речи и уклонение от сообщения информации).

Сравнивая тексты русскоязычных субтитров и дубляжа, мы пришли к выводу, что дискурсивный маркер *you know* чаще опускается в тексте дубляжа, чем в субтитрах: текстовые маркеры опускаются в 47%, а межличностные в 42,3% случаев (для сравнения, в субтитрах – в 37,3 и 34,6% случаев соответственно). Мы полагаем, что это связано с общей тенденцией дублированного перевода отклоняться от оригинального текста в интересах естественности звучания.

Далее, отмечаем, что передача маркера в субтитрах нередко приводит к функциональным потерям: доля которых составляет 7,8 и 42,3% при передаче текстовых и межъязыковых маркеров соответственно. К функциональным потерям приводит неоправданное опущение маркера, а также неправильное определение функции маркера и, как следствие, выбор неадекватного

средства перевода. Потеря коммуникативного эффекта значительно чаще происходит при межъязыковой передаче межличностных, чем текстовых маркеров. С нашей точки зрения, это связано с тем, что, во-первых, для выражения текстовых функций маркера *you know* легче подобрать эквивалент – во многих случаях в качестве функционального эквивалента выступает буквальный перевод «(ты) знаешь», «(вы) знаете». Во-вторых, межличностные функции *you know* идентифицировать сложнее: для этого требуется внимание к сюжету, взаимоотношениям персонажей и в целом к невербальному (акустическому и визуальному) компоненту фильма. К тому же межличностные функции *you know* практически никогда нельзя передать с помощью буквального перевода, следовательно, переводчик вынужден искать средства компенсации. В ряде случаев в функциональной передаче маркера в субтитрах помогают графические средства.

Несмотря на то что маркеры чаще опускаются при дублировании, в тексте дубляжа нам не удалось обнаружить ни одной функциональной потери при передаче текстовых и межличностных маркеров. Мы полагаем, что залогом сохранения коммуникативного эффек-

та в дублированных фильмах является то, что актеры, озвучивающие текст перевода, могут использовать интонационно-просодические средства для того, чтобы показать связь частей дискурса и отношение персонажа к содержанию высказывания, собеседнику или ситуации общения.

Примечания

- ¹ См.: Викторова Е. Вспомогательная система дискурса : проблемы выделения и специфики функционирования : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2016. С. 20–21.
- ² См.: Андреева С. Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи. Саратов, 2005.
- ³ См.: Николаева Т. Функции частиц в высказывании : на материале славянских языков. М, 1985.
- ⁴ См.: Минченков А. Русские частицы в переводе на английский язык. СПб., 2001. С. 7.
- ⁵ См.: Минченков А. Английские частицы : функции и перевод. СПб., 2004. С. 24.
- ⁶ См.: Fox Tree J. E., Schrock J. C. Basic meanings of *you know* and *I mean* // Journal of Pragmatics. 2002. № 34. P. 727–747.
- ⁷ См.: Brinton L. The Evolution of Pragmatic Markers in English : Pathways of Change. Cambridge University Press, 2017.
- ⁸ См.: Mattsson J. The Subtitling of Discourse Particles : A corpus-based study of *well*, *you know*, *I mean*, and *like*, and their Swedish translations in ten American films. University of Gothenburg, 2009. P. 133. URL: https://gupea.ub.gu.se/bitstream/2077/21007/1/_gupea_2077_21007_1.pdf (дата обращения: 14.03.2017).
- ⁹ См.: Gottlieb H. Texts, Translation and Subtitling : In Theory, and in Denmark // Gottlieb H. Screen Translation : Eight Studies in Subtitling, Dubbing and Voice-over. Copenhagen, 2005. P. 1–40.
- ¹⁰ См.: Diaz Cintas J., Anderman G. Audiovisual Translation : Language Transfer on Screen. L., 2009. P. 87.
- ¹¹ См.: Luyken G.-M., Herbst T. [et al.]. Overcoming language barriers in television : dubbing and subtitling for the European audience. Manchester, 1991. P. 31.

Образец для цитирования:

Блюднева А. А. Дискурсивный маркер *you know* и его функциональный перевод на русский язык при субтитровании и дуближе художественных фильмов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 298–304. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-298-304>

Cite this article as:

Bliudneva A. A. Discourse Marker *you know* and Functional Approach to Its Translation into Russian in Film Subtitling and Dubbing. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 298–304 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-298-304>

УДК 811.161.1'38'276

Функционирование фразеологических единиц в контексте русскоязычной публицистики

Ю. С. Ященина

Ященина Юлия Сергеевна, преподаватель кафедры романо-германской филологии и переводоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, balakireva94@list.ru

Статья посвящена анализу функционирования фразеологических единиц в текстах русскоязычной прессы и рассмотрению актуализирующих компонентов лингвистического контекста, поддерживающих значение фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеологическая единица, контекст, лингвистический контекст, актуализирующие компоненты лингвистического контекста.

The Functioning of Phraseological Units in the Context of the Russian-language Press

Yu. S. Yaschenina

Yulia S. Yaschenina, <https://orcid.org/0000-0001-9725-4741>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, balakireva94@list.ru

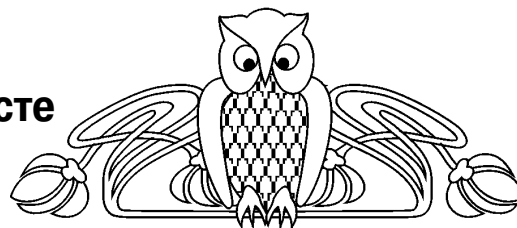
The article analyzes the functioning of phraseological units in the texts of the Russian-language press and considers the actualizing components of the linguistic context that support the meaning of phraseological units.

Keywords: phraseological unit, context, linguistic context, actualizing components of the linguistic context.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-305-309>

Когнитивная лингвокультурология рассматривает язык как «систему тел знаков для знаков языка культуры, но с учётом и сквозь призму лингвокреативности, перцепции и подобного»¹. Истоки данного исследовательского направления берут начало в работах В. Н. Телия. В настоящее время этот подход к изучению языка разрабатывает И. В. Зыкова, сосредоточившись на когнитивных механизмах лингвокреативности и макрометафорических концептуальных моделях. Такие модели, по мнению И. В. Зыковой, выявляются и разрабатываются в первую очередь на фразеологическом материале. Автор неоднократно подчеркивает, что фразеологический образ в рамках разрабатываемого ею подхода рассматривается как вместилище культурных смыслов, или культурной информации.

А. М. Мелерович², Д. О. Добровольский³, М. Л. Ковшова⁴, В. В. Виноградов⁵, В. Фляйшер⁶, Г. Бюргер⁷, опираясь на давнюю практику уче-

ных-филологов в сфере фразеологии, сходятся в определении природы фразеологических единиц (далее – ФЕ). Так, представления народа, его исторический опыт, быт, культура и многовековые традиции запечатлены во фразеологии, т. е. ФЕ отражают национальную специфику языка. Использование фразеологизмов в речи придает ей образность, особое своеобразие и выразительность, что свидетельствует о необходимости постоянного изучения фразеологии.

В настоящее время в лингвистике ФЕ активно рассматриваются с прагматической точки зрения, так как они обозначают предметы и явления окружающей нас действительности, выражая, кроме того, отношение к ним говорящего. Соответственно, проблема взаимосвязи ФЕ и текста, в котором она функционирует, стала объектом современных научных исследований. И это закономерно, поскольку познание и выявление сущностных характеристик любой языковой единицы, в том числе и фразеологической, можно осуществить только путем изучения ее связей с другими единицами текста.

Таким образом, трудно не согласиться с тем, что «современный объект современных научных исследований не может быть «атомарным», т. е. он не может быть оторван от широкого историко-социо-культурного контекста и должен рассматриваться не сам по себе, но только с учетом данного контекста и на его фоне»⁸.

Термин «контекст» широко используется в современной лингвистике. И. Р. Гальперин следующим образом раскрывает данное понятие: контекст – «лингвистическая ситуация, в которой наблюдаются, анализируются и конкретизируются особенности языковых факторов, являющихся объектом исследования»⁹.

А. Шафф концентрирует свое внимание на лингвистических исследованиях языковых единиц, отмечая, что определенное значение они приобретают только в контексте¹⁰. Данную мысль развивает Т. М. Николаева, используя понятие «конвой изолированного высказывания»¹¹. В основе этого понятия лежит принцип реализации высказывания, т. е. вне конвоя выражение не может быть понято адекватно. Уточняя функции «конвоя изолированного высказывания», Т. М. Николаева неоднократно подчеркивает активность составляющих его языковых единиц, без которых «понять по-настоящему смысл невозможно. И пренебрегать им также невозмож-

но, поскольку без него высказывание остаётся правильным, но нереализованным»¹².

При анализе функционирования ФЕ в тексте одним из основных способов их исследования становится метод контекстологического анализа. Одной из первых вводит такой метод анализа ФЕ Н. Н. Амосова. С его помощью осуществляется выявление смысла отдельных высказываний, целостных фрагментов текста¹³. В. И. Шаховский и Е. И. Шейгал подчеркивают, что при контекстуальном анализе внимание исследователя сосредоточено, как правило, на описании языковой единицы в определенном контексте, а также на связях с другими единицами языка¹⁴.

Для актуализации значения ФЕ важно наличие таких актуализирующих элементов в лингвистическом контексте, которые располагаются вместе с фразеологизмом в языковых контекстах разного объема. Исследователи рассматривают различные виды контекста, в частности, Э. Г. Ризель различает минимальный, расширенный контексты и макроконтэкст¹⁵. Минимальный контекст она соотносит со словом, словосочетанием и предложением. В расширенный контекст автор включает ряды тематически и интонационно связанных предложений. Макроконтэкст представлен завершённым текстом, объем которого может варьироваться от словосочетания или анекдота до развернутого литературного произведения. Перечисленные виды контекста выступают необходимым условием анализа и интерпретации единиц всех уровней языка, верного понимания их значения, а также стилистической значимости.

В «Лингвоконцептологии» авторы выделяют восемь типов контекста: собственно лингвистические (вербальные) и экстралингвистические (например жесты), эксплицитные и имплицитные, разрешающие и поддерживающие, компенсирующие и погашающие¹⁶. Для нас наибольший интерес в данной классификации представляет лингвистический контекст. Остановимся на нем подробнее.

О. С. Ахманова определяет такой вид контекста как «лингвистическое окружение данной языковой единицы; условия, особенности употребления данного элемента в речи»¹⁷. Лингвистический контекст, по В. Н. Ярцевой, – «фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющегося непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста»¹⁸.

Учитывая сказанное выше, можно утверждать, что лингвистический контекст актуализирует значение не только слова, но и ФЕ, поскольку, по мнению В. Фляйшера, в силу своей воспроизводимости, непроницаемости и целостности ФЕ принято приравнивать к слову¹⁹.

Таким образом, контекст не рождает сам значения языковой единицы, он реализует ее

значение посредством актуализаторов, независимо от того, используется ФЕ в словарном или модифицированном виде, поскольку модификации ФЕ порождаются именно контекстом и требуют большего объема актуализирующих элементов. Г. В. Колшанский говорит о том, что, становясь элементами текста, ФЕ попадают в окружение лексических единиц, которые, в свою очередь, выступают как их актуализаторы, т. е. актуализация ФЕ происходит при помощи конкретных языковых единиц, размещенных в определенном отрезке лингвистического контекста²⁰.

По замечанию А. С. Попова²¹, особенной экспрессией, специфичностью и информативностью обладают газетные заголовки. Самой главной их функцией становится привлечение внимания читателя к обсуждаемой в статье проблеме, поскольку от заголовка во многом зависит, прочтет ли читатель данную публикацию.

Л. М. Ныркова называет заголовок важнейшим элементом газеты. Рядом с ним могут находиться подзаголовок, надзаголовок и лид, что все вместе составляет заголовочный комплекс. Их одновременное использование необязательно. Газетный номер рассчитан на быстрое прочтение, поэтому знакомство с ним начинается именно с заголовка. Нередко читателей притягивает в первую очередь заголовок, поэтому в ярко поданном заголовочном комплексе должен содержаться максимум информации о публикации²².

В современном заголовочном комплексе можно представить все информационные свойства публикации: предмет разговора, авторские и редакционные заметки, время и место действия, жанр, авторство, адресность публикации.

Если заголовок не несет никакого содержания (общая формулировка, абстрактная, стереотипная фраза), он не привлечет внимания и не заставит читателя прочитать данный материал. Простота, понятность и лаконичность являются важными условиями для заголовка²³. Структура заголовка определяется тем, что коммуникация между автором статьи и реципиентом осуществляется на основе ряда ассоциаций и связей, общих для автора и читателя. К фразеологии родного языка как к «неисчерпаемому источнику речевой экспрессии»²⁴ обращаются и авторы художественных текстов. Сами по себе фразеологизмы, обладающие яркой образностью, создают предпосылки для их использования в публицистической речи²⁵, а использование фразеологизмов и их модификация в качестве заглавий газетных материалов – один из самых удобных и результативных приемов привлечения к публикации читательского внимания²⁶.

СМИ являются одним из инструментов идеологического воздействия, масс-медиа (например пресса) активно знакомят читателя с политическими событиями. Русскоязычная пресса не является исключением, постоянно привлекая

ФЕ как в заголовочный комплекс, так и в собственно текст статьи. Контекстная реализация ФЕ в рассматриваемых текстах, относящихся к функциональному стилю прессы и публицистики, выражается словами, словосочетаниями и предложениями.

Обращает на себя внимание высокая частотность употребления ряда фразеологизмов в русскоязычной прессе. Так, ФЕ «поднять на щит» (восхвалять, превозносить) постоянно привлекает внимание авторов газетных публикаций и активно помещается в заголовочный комплекс. Рассмотрим некоторые типичные факты контекстной реализации ФЕ «поднять на щит».

В статье «Кто поднимает на щит предателя атамана Краснова?»²⁷ речь идет о проекте собрания сочинений Петра Николаевича Краснова, присланном самарскому поэту и журналисту Владимиру Клименко. Актуализаторами значения ФЕ в тексте выступают разъясняющие особый статус «героя» публикации словосочетания *большого писателя, талантливого государственного, военного и общественного деятеля* и предложение «В станице Еланской Шолоховского района Ростовской области открыли мемориальный комплекс, посвященный памяти донских казаков, погибших в борьбе с большевиками, в том числе на стороне Гитлера. В центре мемориала – бронзовая фигура Петра Краснова». Таким образом, автор связывает заголовочный комплекс с критическим взглядом писателя на рекламируемое событие. Включение в текст фразеологических синонимов способствует более точно выраженному отношению автора к обсуждаемому событию. В анализируемом тексте таким дополнительным средством выразительности стала ФЕ «поднять на пьедестал», характеризующая воздействие провокационных публикаций ряда СМИ, превозносящих «героев» Бандеру и Шухевича: «Об украинских фашистских прихвостнях, к примеру Бандере и Шухевиче, буржуазные СМИ говорят с гневом, а доморощенные готовы *поднять на пьедестал...* Вот и Краснова издают под надоевший уже скулеж о поруганной России и “кровожадных” большевиках».

Фразеологизм «поднять на щит» встречается в употреблении неоднократно. Рассмотрим лишь еще один актуализирующий этот фразеологизм контекст статьи из газеты «Коммерсантъ». Статья начинается со слов: «Малый бизнес *поднимают на щит...*»²⁸. Учитывая лингвистическое окружение данной ФЕ, контекстная реализация ее значения (восхвалять, превозносить) осуществляется посредством актуализаторов, представленных так же, как и в вышеприведенном случае, предложениями: «...ФАС предлагает при проведении торгов *в первую очередь разыгрывать места для малого и среднего бизнеса*» и «...участниками торгов могут быть лишь ком-

пании, попадающие под определение “*малое*” или “*среднее предприятие*”», «закрепленная за малым и средним бизнесом *квота должна быть не менее 20% от всех мест...*», т. е. малому и среднему бизнесу отдается предпочтение. Помимо актуализации значения ФЕ «поднять на щит» необходимо обратить внимание и на игру слов, в которой задействован анализируемый фразеологизм, а именно такое преобразование фразеологизма, в котором наблюдается ремотивация значения, т. е. такое обыгрывание буквального значения словосочетания, которое стало основой ФЕ и фразеологического значения и которое это словосочетание получило в результате пересмысления. Используя ФЕ «поднять на щит», автор статьи имеет в виду размещение рекламы малого и среднего бизнеса на рекламных щитах, на что указывает контекст: «...проведение *торгов на наружную рекламу...*», «...было разыграно *7,3 тыс. мест под щиты, афишные стенды и конструкции небольшого формата (так называемую уличную мебель) – это 60% всех мест под разрешенную в столице наружную рекламу...*», обращая тем самым внимание на размещение рекламы на щитах, т. е. рекламу буквально «поднимают на щит».

Использование ФЕ в заголовке направлено на ответную реакцию читателя, так как ФЕ, особенно в заголовочном комплексе статьи, предельно узнаваемы. Осуществление одной из основных функций газеты – воздействующей – наиболее актуально в ходе политической борьбы, что и можно наблюдать на примере актуализации ФЕ «пустить пулю в лоб» (покончить жизнь самоубийством) в следующем заголовке: «*Пулю в лоб должны пустить:* эксперт назвал достойное наказание за ложь США о вмешательстве РФ»²⁹. В статье речь идет о том, что конгресс США признал отсутствие связи между Россией и Трампом перед выборами, факт о приеме допинга российскими спортсменами также не подтвердился. Для правильного понимания ФЕ «пустить пулю в лоб» актуализаторами ее выступают предложения: «раньше за такие провинности люди могли и *растаться с жизнью:* “Сразу на память приходит 19 век, когда настоящие мужчины *стрелялись, пускали себе пулю в лоб,* когда были неправы”».

Крылатые выражения, как и фразеологизмы, относятся к общему корпусу фразеологизмов, воспроизводятся в речи, легко узнаваемы для широкой публики читателей и также часто употребляются для описания событий на страницах газет³⁰. Например, крылатое выражение из повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» – «*есть еще порох в пороховницах!*» (есть еще отвага, энергия, запас душевных сил) иронично характеризует ситуацию между Россией, ЕС и Украиной в вопросе транзита газа через Украину, в которой Украина сохраняет непоколебимое спокойствие, готова еще «воевать» за транзит газа через ее

территорию, чувствуя поддержку ЕС: «Есть еще порох в пороховницах? ЕС планомерно противостоит газотранспортным проектам России, исключая «украинский маршрут». Европа является кредитором Украины и борется за то, чтобы у ее заемщика была возможность хоть как-то обслуживать и возвращать долги»³¹. Актуализация значения крылатого выражения «есть еще порох в пороховницах» становится возможной благодаря предложению: «Киев так уже свыкся со своей ролью транзитера, что любые намеки не воспринимает всерьез»; «они [ЕС] хотят получать газ стабильно, без перебоев и без угроз со стороны стран-транзитеров»; «[США] хотят использовать Украину как некий инструмент давления на Россию»; «обсуждается договор продления после 2019 года на транзит газа через территорию Украины».

Широкая известность этого крылатого выражения позволяет использовать его для описания последних политических событий как внутри страны, так и за ее пределами. В заголовке статьи о провокации России Киевом крылатое выражение «есть еще порох в пороховницах!» выступает заголовком статьи: «Есть еще порох в пороховницах – Искандер Хисамов о реакции РФ на провокацию Киева»³². Главный редактор издания Украина.ру Искандер Хисамов в статье высказал свое мнение относительно происшествия в Керченском проливе, о том, что Киев довольно продолжительное время провоцировал Россию; актуализаторами крылатого выражения выступают предложения «Россия дала отпор киевскому режиму», «реакция российского руководства была слишком пассивной. А сейчас показали, что есть еще порох в пороховницах. Аккуратно, без крови, технично».

Широкое распространение ФЕ и крылатых выражений в узуальном и модифицированном виде в заголовочном комплексе газетных статей закономерно, поскольку использование фразеологизмов и их модификаций в качестве заглавий газетных статей – один из самых удобных приемов привлечения к публикации читательского внимания.

Как видно из проведенного анализа, актуализирующими элементами в лингвистическом контексте могут выступать слова, словосочетания и предложения, а также макроконтраксты.

ФЕ и крылатые выражения в контексте русскоязычной прессы становятся одним из эффективных средств не только для привлечения внимания читателя, но и для передачи коммуникативного намерения автора. Вне контекста изучение функционирования ФЕ и крылатых выражений не даст полной картины их природы и значения, необходимых для автора текста. Не менее важным пунктом становится изучение актуализаторов значения ФЕ, выполняющих роль указания на их значение в лингвистическом контексте.

Примечания

- 1 Красных В. Что день грядущий нам готовит? (К вопросу о современной научной парадигме в области гуманитарного знания) // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 182.
- 2 См.: Мелерович А., Мокиенко В. Фразеологизмы в русской речи : словарь : ок. 1000 единиц. М., 2005.
- 3 См.: Dobrovolskij D. Idiome im mentalen Lexikon. Ziele und Methoden der kognitivbasierten Phraseologieforschung. Trier, 1997.
- 4 См.: Ковшова М. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М., 2016.
- 5 См.: Виноградов В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 140–161.
- 6 См.: Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartsprache. Tübingen, 1997.
- 7 См.: Burger H. Phraseologie : Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. Berlin, 2007.
- 8 Красных В. Указ. соч. С. 178.
- 9 Гальперин И. О понятии «текст» // Лингвистика текста : материалы науч. конф. : в 2 ч. М., 1974. Ч. 1. С. 67.
- 10 См.: Шафф А. Введение в семантику / пер. с пол. М. Я. Головинской, Н. Г. Комлева, В. Ф. Коновой ; ред. А. А. Якушева. М., 1963.
- 11 См.: Николаева Т. О «лингвистике речи» (в частности, о междометии) // Вопр. языкознания. 2015. № 4. С. 7–20.
- 12 Там же. С. 16.
- 13 См.: Амосова Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963.
- 14 См.: Шаховский В., Шейгал Е. Методика лингвистических исследований : учеб.-метод. пособие для соискателей, аспирантов, магистрантов. Волгоград, 2008.
- 15 См.: Отечественные лингвисты XX века / отв. ред. В. В. Потапов. М., 2017.
- 16 См.: Карасик В. Лингвоконцептология : учеб. пособие. Волгоград, 2009. С. 39.
- 17 Ахманова О. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 206.
- 18 Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М., 1998. С. 238.
- 19 См.: Fleischer W. Op. cit.
- 20 См.: Колиманский Г. Контекстная семантика. М., 2011.
- 21 См.: Попов А. Синтаксическая структура современных газетных заголовков и ее развитие // Попов А. Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966. С. 95–127.
- 22 См.: Ныркова Л. Как делается газета. Практическое пособие. М., 1998.
- 23 См.: Wirtler J. Phraseologismen in der Argumentation // Phraseologismen im Text und Kontext. Phrasemata I. (Hrsg. – Jan Wirtler). Bielefeld, 1998. S. 121.
- 24 См.: Сотникова С. Некоторые вопросы стилистики немецкого языка. Харьков, 2003.
- 25 См.: Бажанов А. О роли контекста в изучении немецкой фразеологии // Вестн. МГПУ. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2011. № 2 (8) С. 127–131.
- 26 См.: Губарев В. Оказиональная фразеологическая

- номинация в тексте (на материале немецкоязычной прессы) // Лексикон человека и речевая деятельность : сб. науч. тр. МГЛУ. Вып. 378. М., 1991. С. 91–97.
- ²⁷ См.: URL: <https://kprf.ru/history/soviet/178328.html> (дата обращения: 26.12.2018).
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ URL: https://tsargrad.tv/news/pulju-v-lob-dolzhy-pustit-jekspert-nazval-dostojnoe-nakazanie-za-lozh-ssha-o-vmeshatelstve-rf_128701 (дата обращения: 15.12.2018).
- ³⁰ См.: Чернышева И. Фразеология современного немецкого языка. М., 1970.
- ³¹ См.: URL: <https://ria.ru/amp/20150722/1140996482.html> (дата обращения: 19.12.2018).
- ³² URL: <https://ukraina.ru/news/20181129/1021922575.html> (дата обращения: 03.12.2018).

Образец для цитирования:

Ященина Ю. С. Функционирование фразеологических единиц в контексте русскоязычной публицистики // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 305–309. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-305-309>

Cite this article as:

Yaschenina Yu. S. The Functioning of Phraseological Units in the Context of the Russian-language Press. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 305–309 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-305-309>

УДК 81'373.45

Методика изучения иноязычной лексики (на материале арабских заимствований)

Мохаммед Абд Али Хуссейн Аль Каззаз, А. Н. Байкулова

Аль Каззаз Мохаммед Абд Али Хуссейн, доцент кафедры персидского языка, Куфинский университет, Куфа, Ан-Наджаф, Республика Ирак, mohmedkazaz@gmail.com

Байкулова Алла Николаевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, allabay15@mail.ru

В статье представлена методика, способствующая многоаспектному исследованию заимствований. Она включает лексикографический, этимологический и семантический анализ слов; выявление их синтагматических и парадигматических отношений, особенностей адаптации в принимающем языке и использования в его различных функциональных разновидностях, частоты употребления; определение места в лексической системе русского языка. Материалом исследования послужила лексика арабского происхождения.

Ключевые слова: русский язык, иноязычные заимствования, ориентализм, арабизм, методика.

Methods of Learning Foreign Language Lexis (A Case Study of Arabic Borrowings)

Mohammed Abd Ali Hussein Al-Qazzaz, A. N. Baikulova

Mohammed Abd Ali Hussein Al-Qazzaz, <https://orcid.org/586x-6773-0001-0000>, Kufa University, Kufa city, Nachaf, Republic of Iraq, mohmedkazaz@gmail.com

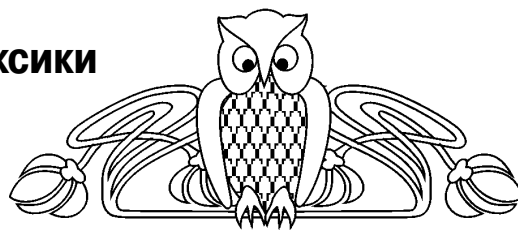
Alla N. Baikulova, <https://orcid.org/0000-0003-0595-0163>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, allabay15@mail.ru

The article presents a technique that promotes multidimensional research of borrowings. It includes lexicographical, etymological, and semantic analysis of words; identification of their syntagmatic and paradigmatic relations, features of adaptation in the host language and use in its different functional varieties, frequency of use; the role of borrowings in the lexical system of the Russian language. The research is based on the study of the lexis of Arabic origin.

Keywords: Russian language, foreign borrowings, Orientalism, Arabism, methodology.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-310-317>

История развития любого языка, в том числе и русского, связана с процессом вхождения в него иноязычной лексики. Определены причины этого процесса: развитие интеграции и глобализации; усиление информационных потоков, научного обмена; появление Интернета; развитие экономики;

взаимодействие и взаимопроникновение культур и др. Большую роль играют спорт, туризм, культурные мероприятия международного масштаба, а также общественно-политические события.

«Вторжение» в язык новых слов всегда вызвало неоднозначные оценки лингвистов. Убедительна точка зрения Т. Б. Радбиля, который считает, что такой развитый и богатый культурными традициями язык, как русский, имеет огромный потенциал «аккумуляции “своего” и апроприации “чужого”», и это – залог его дальнейшего обогащения и развития¹.

В поле нашего внимания – пласт лексики арабского происхождения: та её часть, которая уже прочно вошла в русский литературный язык, и та, которая ещё только начинает этот путь. Лексика, заимствованная из арабского, уже была предметом изучения (см. работы А. Ю. Александровой (2008), А. Н. Бахтияровой и Ф. Г. Фаткуллиной (2015), Л. К. Валиуллиной (2004), Т. П. Гавриловой (1981), В. В. Резцовой (2011), Р. М. Светловой (2012) и др. Важно отметить, что и арабские лингвисты обращаются к этой теме: работы М. Г. Ч. Аль-Кадими (2010), С. А. Аль-Хазраджи (1977), М. Д. А. Аль Шаммари (2016), М. А. А. Х. Аль Каззаза (2018) и др.

Для обозначения арабских заимствований в современной лингвистике обычно используется термин «арабизм» – «слово или оборот речи, заимствованные из арабского языка; оборот, построенный по образцу арабского языка»²; «вид варваризма – оборот речи, выражение в каком-н. языке, составленное по образцу арабского языка (лит). || Заимствование из арабского языка (лингв.)»³. Вместе с тем О. И. Александрова разделяет понятия «арабизм» и «слова арабского происхождения». *Арабизмом* исследовательница считает только языковую единицу, заимствованную непосредственно из арабского языка или сохранившую следы контакта с ним, а *слова арабского происхождения* – это и собственно арабизмы, и слова, заимствованные из других языков, но первоисточником которых является арабский⁴. М. Г. Ч. Аль-Кадими⁵, Р. М. Светлова⁶, В. В. Резцова⁷ и другие *арабизмами* считают слова, непосредственно и опосредованно пришедшие в русский язык: основанием для этого является наличие сохранившейся в арабских заимствованиях центральной семы. Это позволяет говорить о широком и узком понимании термина «арабизм». Мы под этим термином понимаем

прямое и опосредованное лексическое заимствование, восходящее к арабскому языку.

В современных исследованиях, посвящённых изучению арабизмов, реализуются разные подходы. В основе нашего исследования – идеографический принцип, связанный с выявлением и анализом тематических групп арабизмов. Для этого разработана методика, которая позволяет исследовать и другие заимствования в русском языке.

Представим суть этой методики на материале арабских заимствований. Первый этап её применения включает работу с современными словарями. Для исследования арабизмов мы воспользовались данными современных двуязычных словарей и словарей иностранных/иноязычных слов: «Арабско-русского учебного словаря» Г. Ш. Шарбатова (далее А-р 1981), «Арабско-русского словаря» (А-р 1994), «Русско-арабского словаря» В. М. Борисова (Р-А 1997); «Толкового словаря иноязычных слов» Л. П. Крысина (ТСИС 2007), «Нового словаря иностранных слов: свыше 25000 слов и словосочетаний» Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комаровой, И. В. Нечаевой (НСИС 2008), «Современного словаря иностранных слов» Т. Л. Федоровой (ССИС 2011), «Словаря иностранных слов современного русского языка» Т. В. Егоровой (СИС 2012), «Большого универсального словаря русского языка» Н. М. Морковкина, В. В. Богачёвой, Г. Ф. Луцкой (БУС 2016), «Толкового словаря русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н. Ю. Шведовой (ТСРЯ 2007), «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова (БТС 1998), «Русского семантического словаря» 1998 г. под редакцией Н. Ю. Шведовой (РСС 1998), «Русского идеографического словаря» 2011 г. под редакцией Н. Ю. Шведовой (РИС 2011), «Словаря богатств русского языка: ок. 7000 единиц» В. П. Харченко (СБРЯ 2006), «Частотного словаря русского языка» 1977 г. под редакцией Л. Н. Засориной (ЧСРЯ 1977). Использовался нами и наиболее полный арабский словарь Аль-Муджам Аль-Васит (А-В 2004). Этимологические сведения словарей позволили выявить лексику арабского происхождения.

На втором этапе осуществляется классификация отобранных лексем по тематическому принципу: тематическая классификация востребована и широко применяется лингвистами в их исследовании иноязычной лексики. Такой подход позволяет установить области человеческой деятельности, в которых заимствования (в нашем исследовании – арабские) оказались востребованными. Собранный нами материал (316 лексических единиц) позволил разделить все лексемы на тематические группы (ТГ) и подгруппы (ТП). В результате мы получили 10 тематических групп: «Религия, социально-политические и правовые отношения», «Научные и

технические термины», «Архитектура», «Язык, литература, мифология», «Музыкальные инструменты», «Одежда и предметы домашнего обихода», «Продукты питания и напитки», «Человек и его характеристики», «Растения и животные», «Цветобозначения» – часть из которых содержит подгруппы⁸.

На третьем этапе предполагается рассмотрение заимствований каждой ТГ по плану:

1) выявление представленности слов в словарях (считаем, что это является одним из показателей его актуальности в русском языке);

2) анализ этимологических сведений, содержащихся в словарях, доказывающий правомерность/неправомерность отнесения слов к изучаемым заимствованиям (применительно к лексике арабского происхождения этот анализ позволил доказать правомерность/неправомерность отнесения слов к заимствованиям из арабского языка, а также показать пути их заимствования и выявить сложные вопросы, связанные с этимологией);

3) сопоставление словарных дефиниций в структурно-семантическом аспекте: выявление семантической структуры лексем в языке-доноре и принимающем языке с целью определения развития семантики слова в современном русском языке;

4) выявление специфики адаптации заимствованной лексики в русском языке (фонетическая, (орфо) графическая, грамматическая, семантическая адаптация), а также словообразовательной активности слов;

5) анализ синтагматических (сочетательные связи слов) и парадигматических отношений (наличие омонимов, синонимов, антонимов) с участием заимствованных лексем в русской речи;

6) анализ функционирования заимствований в русской речи на материале корпусов текстов русского языка и данных словарей: выявление актуальных, пассивных и потенциальных значений (значений, которые не отражены в словарях) на основе анализа статистических данных корпуса и анализа употреблений слов в текстах, относящихся к разным функциональным разновидностям русского литературного языка;

7) классификация слов по их частоте в текстах НКРЯ (высокочастотные, среднечастотные, низкочастотные слова, неупотребляемые) или по частотности (по данным частотных словарей);

8) определение места заимствований в лексической системе русского языка в зависимости от степени их освоения: заимствованное слово, экзотизм, иноязычное вкрапление (варваризм); по социальной употребительности (общенародная лексика, лексика ограниченного употребления: активная/пассивная, устаревшая, терминологическая и профессиональная, жаргонная, диалектная); с точки зрения функционирования в разных сферах и разных стилях речи: книжный стиль (научная, официально-деловая, публици-

стическая лексика), разговорный стиль (литературно-разговорная, разговорно-бытовая, просторечная лексика);

9) анализ количественных данных, отражающих частоту употребления слов, тематику и жанр текстов, в которых они используются (арабизмы исследовались на основе статистики Национального корпуса русского языка⁹).

Результатом применения методики являются выводы о процессах адаптации заимствований, их актуальности в языке-реципиенте и особенностях функционирования. Методика позволяет применять к исследованию каждой ТГ и каждой лексемы единый подход и комплексно рассматривать заимствования.

Покажем применение данной методики на примере отдельных арабизмов ТП «Украшения и оккультные предметы» (ТГ «Одежда и предметы домашнего обихода»). Эта ТП представлена пятью арабизмами: *султан*, *амулет*, *бисер*, *алмаз*, *талисман* и *бахрома*. Каждое из этих слов можно отнести к группе высокочастотных лексем (встречаются более чем в 100 контекстах НКРЯ, по классификации М. Г. Ч. Аль-Кадими¹⁰). Все слова представлены в А-В 2004¹¹. Наибольшая представленность зафиксирована у слов *султан* (но оно в основном используется как имя собственное или в значении «титул монарха», гораздо реже – как «украшение на головных уборах в виде пучка перьев или стоячих конских волос, в том числе и на лошадиных головах, на праздничных церемониях»¹²) и *амулет* – в 5 из 7 словарей (А-р 1981, А-р 1994, Р-а 1997, ТСИС 2007, НСИС 2008, ССИС 2011, СИС 2012); *алмаз*, *бисер* и *талисман* – в 4; *бахрома* – в 3.

Прямым путём заимствования из арабского вошли, по данным НСИС 2008, слова *бисер* («ар. *busra* поддельный жемчуг, стеклярус»), *бахрома* («ар. *mahrama* платок; вуаль для женщин»¹³; опосредованно – *султан* («тур. *sultan* < ар.»¹⁴; *алмаз* («тюрк. *almas* < араб. *Almas*»¹⁵; *талисман* (франц. *talisman* ← ит. *talismano* ← араб. *tolsmân*)¹⁶. Неоднозначно происхождение слова *амулет*: по одним словарям, оно вошло в русский язык через французский (*Amulet*), по другим – через латинский (*amuletum*).

Поскольку объём статьи не позволяет рассмотреть все арабизмы этой ТП, покажем применение методики на основе анализа слов *бисер* и *бахрома*, которые пришли из арабского языка в русский путём прямого заимствования.

Арабизм *бисер* в арабском языке – *busra*. Наблюдаются изменения в произношении слова в русском языке. Что касается значения, то в арабском *бисер* – «маленькие бусы различного вида, которые используются для украшения и шитья»¹⁷; в Р-а 1997 это «зёрна (чётки)»¹⁸. В А-р 1981 у слова два значения: 1) «бусы»; 2) «чётки»¹⁹, а в А-р 1994 – три: 1) «бусы»; 2) «зёрна (чётки)»; 3) «камень (ожерелье)»²⁰. В НСИС 2008 *бисер* – «мелкие со сквозными отверстия-

ми разноцветные стеклянные бусины, употребляемые для вышивания и украшения»²¹. Сопоставление дефиниций показывает несовпадение объёма семантической структуры слова. Если опираться на дефиницию НСИС 2008, то она ближе всего к толкованию слова в А-В 2004 и этимону, но уточняется вид бус: «разноцветные», «стеклянные», «со сквозными отверстиями».

В арабском языке *бисер* – склоняемое сущ. ж. р., которое употребляется как в ед., так и во мн. ч.; в русском же языке это сущ. м. р., относящееся к *singularia tantum*. Однако в поэтических текстах XVIII – начала XX в. встречается форма мн.ч: *Бисеров – не бери, жемчугов – не вари* (П. П. Ершов, 1834); *И кто ограбил бора скрыню, – золотицы, бисеры и смазни, злодей и печенег по казни, – скажи, земляк?!* (Н. А. Клюев, 1929–1934). *Бисер* имеет производные: *бисерный*, *бисерно*, *бисерина*, *бисеринка*, входит в синонимический ряд: *брюлики*, *жемчуг*, *маргериты*, *минерал*, *одекуй*, *перл*, *стеклярус*, *стекляшки* (https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/9485/бисер).

В НКРЯ лексема *бисер* представлена в текстах основного (655 док.), газетного (305 док.) и поэтического (9 док.) корпусов, где наблюдаются широкие синтагматические связи слова с существительными (*метание бисера*, *вышивка бисером*, *коробочка бисера* и др.); прилагательными (*белый бисер*, *мелкий бисер*, *жемчужный бисер* и др.); глаголами и его формами (*делали бисер*, *вышивать бисером*, *расшитый бисером*, *рассыпанный бисер* и др.).

В большинстве примеров НКРЯ *бисер* используется именно как «мелкие разноцветные бусины для вышивки и украшения»: *В коллекции Кристине Вольф для слепых и слабовидящих вышивка бисером – это текст, выполненный шрифтом Брайля* («Эксперт», 2014). Встретился пример, где слово употребляется в значении «бусины» (исключается сема «сделаны из стекла»): *Опись найденных вещей сродни заметкам, оставленным после посещения ювелира: сосуды из драгоценных металлов, бронзовые предметы, золотые бисерины, бисер из агата и сердолика, ожерелья <...>* («Знание-сила», 2013).

Возможно метонимическое и метафорическое употребление слова: *Газ, люрекс, парик, немодные лаковые туфли, бисер...* (Н. Мордюкова, 2005) (можно предположить, что *бисер* здесь – это «украшения из бисера»); *Однако, чуть оторвав её от земли, я почувствовал на верхней губе и на лбу под шапкой неприятный пот и увидел, как такой же холодный бисер проступает на одутловатом лице брата* («Октябрь», 2002). Часто *бисер* используется в сравнениях: *И светилась душа, как бисер, мёртвое же тело было чёрным, как тина, и смердело* (Е. Водолазкин, 2012).

В материалах НКРЯ зафиксировано употребление *бисер* в составе имени собственного – названия романа немецкого писателя Г. Гессе

«Игра в бисер» (1943). Выражение *игра в бисер* (книжн.) – «интеллектуальное занятие в области литературы, науки и т. п., требующее высокого профессионального уровня, но не приносящее другим людям никакой пользы и осмысляемое как интеллектуальное развлечение»²² – в русском языке стало устойчивым. Например: *Теория чисел, одна из древнейших математических теорий, долгое время считалась чем-то вроде игры в бисер* («Новый мир», 2007). Крылатым стало выражение «метать бисер перед свиньями / метать бисер», т. е. напрасно что-либо доказывать тому, кто не способен или не хочет ничего понимать: *Ничего не стал Васька говорить, не перед кем было метать бисер, прищурился только не без азарта, понимая, что поедет* («Новый мир», 2013).

Бисер используется как в художественных (364 док. НКРЯ), так в нехудожественных текстах (292 док.), связанных с искусством и культурой (39 док.), частной жизнью (27 док.), политикой и общественной жизнью (22 док.), религией (16 док.), путешествиями (15 док.), домом и домашним хозяйством (11 док.). Слово можно встретить в романах (176 док.), повестях (90 док.), статьях (78 док.), мемуарах (57 док.), рассказах (52 док.), очерках (20 док.), заметках (15 док.), дневниках и записных книжках (13 док.), пьесах и личных письмах (10 док.). Статистика употребления слова в текстах НКРЯ показывает, что *бисер* можно отнести к высокочастотным арабизмам, к актуальной лексике неограниченной сферы употребления: слово функционирует в разных функциональных стилях и имеет высокую степень адаптации в русском языке, о чем свидетельствуют его лексикографическая представленность, наличие переносных значений, широкая сочетаемость с другими словами.

Арабизм *бахрома́*. По-арабски слово звучит как *maḡrama*; при заимствовании частично изменился его фонетический облик. В арабском языке эта лексема обозначает «женский платок; вуаль для женщин» (А-В 2004). Значение «носовой платок» находим и в А-р 1994. По данным НСИС 2008, *бахрома* – 1) «тесьма с висящими с одной стороны нитями, служащая для обшивки украшения чего-л.; ряд таких свисающих нитей»; 2) «изорванные, обтрёпанные края ткани, одежды»²³. Таким образом, в русском языке происходит процесс изменения значения слова-этимона, при этом в семантической структуре появляются два значения.

Произошла и грамматическая адаптация слова. В арабском языке *бахрома* – склоняемое сущ. м. р., имеющее формы ед. и мн. ч.; в русском же языке это склоняемое сущ. ж. р., *singularia tantum*, т. е. при заимствовании изменились родовая принадлежность слова и его число. У *бахромы* есть словообразовательный дериват – *бахромка* (это производное вошло в

«Словарь богатств русского языка» В. П. Харченко). Синонимами к слову являются: *басон, бахмара, бахромка, лапша, махры, поднизь, рясно, тесьма, фимбрия* (https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/6966/бахрома).

Примеры НКРЯ свидетельствуют о сочетаемости *бахромы* с разными частями речи: с существительными (*платок с бахромой, абажур с бахромой, шаль с бахромой, бахрома форм* и др.); прилагательными (*льняная бахрома, испанская бахрома, волшебная бахрома, затейливая бахрома* и др.); глаголами (*теребить бахрому, оформить бахромой* и др.). Возможна сочетаемость этого слова и с другими частями речи, например с местоимениями и числительными: *моя бахрома, три метра бахромы* и др.

В НКРЯ лексема *бахрома* представлена в основном (585 док.), газетном (111 док.) и поэтическом (123 док.) корпусах, что является свидетельством активного употребления слова в русской речи. Наибольшая степень активности арабизма обнаруживается в значении «тесьма с нитями для украшения чего-л., ряд свисающих нитей», по НСИС 2008: «*Fendi – узнаёте?*» – *строго вопрошают замшевые и вельветовые диваны, обтянутые кожей комоды и пледы с бахромой цвета горячего шоколада и слоновой кости* («Домовой», 2002.09.04). Менее распространено использование слова в значении «изорванные, обтрёпанные края ткани, одежды»: *Больные – медленные люди, в серых, застиранных до бахромы и дыр халатах – передвигались вдоль стен* («Урал», 2008); *На брюках бахрома* (А. Битов, 1981).

Бахрома используется и в метафорическом значении, придавая высказыванию особую образность: *Снаряд взорвался в облаках и каменными осколками осыпался, обрушив на землю целые полотнища серебристой бахромы* (Л. Макарова, 2014); *Или лучше к нему, в коммунальную крошечную клетушку с туалетным бачком, открытым бахромой ржавчины* (Д. Шляпентох, 2013). В художественных, в том числе и поэтических текстах *бахрома* используется при сравнении: *Глубока, как ночь, зима, снег висит как бахрома* (О. Мандельштам, 1909). Слово может употребляться в научно-популярном стиле: *По краю листа идёт густая «бахрома». Она необходима растению для борьбы с гусеницами, которые начинают «обед» именно отсюда* («Наука и жизнь», 2009).

Статистика НКРЯ показывает представленность *бахромы* как в художественных (424 док.), так в нехудожественных текстах (161 док.), тематика которых связана с искусством и культурой, частной жизнью, путешествиями, домашним хозяйством и др. Слово чаще всего используется в романах (195 док.), повестях (103 док.), рассказах (86 док.), мемуарах (45 док.), статьях (39 док.). Большое количество примеров является свидетельством высокочастотности этого

арабизма. Считаю правомерным отнести его к лексике неограниченной сферы употребления.

Актуальность слов *бисер* и *бахрома* подтверждается ещё и тем, что они вошли в ТСРЯ 2007, где, как говорится в предисловии к словарю, собраны слова, составляющие лексическое ядро русского языка. Опрос студентов СГУ (150 человек) показал, что более 50% опрошенных эти слова, наряду с другими арабизмами, считают утратившими признаки иноязычного происхождения. Более подробно эти и другие арабизмы рассматриваются в работе М. А. А. Х. Аль Каззаза «Арабизмы в русской речи»²⁴.

Итак, представленная методика позволила на материале различных словарей и примеров НКРЯ провести комплексный (лексикографический, этимологический и семантический) анализ слов арабского происхождения, выявить их синтагматические и парадигматические отношения, показать особенности адаптации арабизмов в русском языке, частоту их употребления в различных функциональных стилях, а также место в лексической системе русского языка.

Примечания

- ¹ См.: Радбиль Т. Национально-обусловленные модели языковой концептуализации мира в русском языке последних лет // Новые тенденции в русском языке начала XXI века / под ред. Л. В. Рабибурской. М., 2015. С. 8–35.
- ² НСИС 2008 – Захаренко Е., Комарова Л., Нечаева И. Новый словарь иностранных слов : св. 25 000 слов и словосочетаний. М., 2008. С. 81.
- ³ ТСРЯ 1994 – Толковый словарь русского языка : в 4 т. / сост. В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин и др. ; под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1994. Т. 1. С. 51.
- ⁴ См.: Александрова О. Лексика арабского происхождения в системе современного русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. С. 5.
- ⁵ См.: Аль-Кадими М. Арабизмы в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010.
- ⁶ См.: Светлова Р. Рецепция арабских прототипов в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012.
- ⁷ См.: Резцова В. Лексико-тематическая классификация арабизмов в русском языке // Вестн. РАЕ, 2011. URL: <http://rae.ru/forum2011/pdf/1522.pdf> (дата обращения: 01.10.2014).
- ⁸ См.: Аль Каззаз М. Арабизмы в русской речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2018.
- ⁹ См.: Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 02.04.2016).
- ¹⁰ См.: Аль-Кадими М. Указ. соч. С. 72.
- ¹¹ См.: А-В 2004 – Аль-Муджам Аль-Васит. Каир, 2004. URL: <http://waqfeya.com/book.php?bid=210> (дата обращения: 17.02.2017).
- ¹² СИС 2012 – Егорова Т. Словарь иностранных слов современного русского языка. М., 2012. С. 637 ; НСИС 2008. С. 811.
- ¹³ НСИС 2008. С. 135, 122.
- ¹⁴ НСИС 2008. С. 811; ТСИС 2007 – Крысин Л. Толковый словарь иноязычных слов и словосочетаний : ок. 25 000 сл. М., 2007. С. 747 ; СИС 2012. С. 637 ; ССИС 2011 – Фёдорова Т. Современный словарь иностранных слов. М., 2011. С. 486.
- ¹⁵ ТСИС 2007. С. 55.
- ¹⁶ СИС 2012. С. 647.
- ¹⁷ А-В 2004.
- ¹⁸ Р-а 1997 – Борисов В. Русско-арабский словарь. М., 1997. С. 53.
- ¹⁹ А-р 1981 – Шарбатов Г. Арабско-русский учебный словарь. М., 1981. С. 241.
- ²⁰ А-р 1994 – Арабско-русский словарь. Ташкент, 1994. С. 201.
- ²¹ НСИС 2008. С. 135.
- ²² ФОС 2009 – Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН ; под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М., 2009.
- ²³ НСИС 2008. С. 122.
- ²⁴ См.: Аль Каззаз М. Указ. соч.

Образец для цитирования:

Аль Каззаз Мохаммед Абд Али Хуссейн, Байкулова А. Н. Методика изучения иноязычной лексики (на материале арабских заимствований) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 310–314. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-310-314>

Cite this article as:

Al-Qazzaz Mohammed Abd Ali Hussein, Baikulova A. N. Methods of Learning Foreign Language Lexis (A Case Study of Arabic Borrowings). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 310–314 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-310-314>

УДК 37.016:811.161.1

Профессионально ориентированное преподавание русского языка как иностранного китайским школьникам и студентам-музыкантам

Н. А. Антонова, Т. А. Милёхина

Антонова Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва, С.-Петербург, annata71@mail.ru

Милёхина Татьяна Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. tmilehina@yandex.ru

Статья посвящена специфике преподавания РКИ китайским школьникам и студентам, обучающимся в высших и средних учебных заведениях искусства и культуры. Анализируются имеющиеся в практике работы специализированные учебники, предлагаются актуальные приёмы и методы обучения, учитывающие национальный менталитет и профессиональную специализацию учащихся.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, методика, фонетический диктант, термины, лингвокультурная адаптация.

Professionally Oriented Teaching of Russian as a Foreign Language to Chinese Students and Musicians

N. A. Antonova, T. A. Milehkina

Natalya A. Antonova, <https://orcid.org/0000-0001-7058-1865>, Military Academy of Logistics, 8 Makarova Emb., St. Petersburg 199034, Russia, annata71@mail.ru

Tatyana A. Milehkina, <https://orcid.org/0000-0002-5931-9708>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, tmilehina@yandex.ru

This article deals with the specifics of teaching Russian as a foreign language to Chinese school children and students studying in higher and secondary schools of art and culture. The authors analyze available specialized textbooks, offer up-to-date techniques and teaching methods that take into account the national mentality and professional specialization of students.

Keywords: Russian as a foreign language, methodology, phonetic dictation, terms, linguo-cultural adaptation.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-315-320>

Интенсивность культурных контактов России и Китайской Народной Республики необыкновенно возросла за последние годы. Всё больше китайских студентов изучают русский язык, в то же самое время всё больше молодых россиян проявляют интерес к китайскому языку и культуре. Взаимное сближение обуславливает и возникновение взаимных проблем преподавания двух

иностранных языков, важнейшая из которых – профессиональная специализация. Как правило, китайские и российские учащиеся стремятся к получению не только языкового образования, но и к освоению тех или иных профессий. Поэтому и китайские, и российские вузы заинтересованы в высоком уровне и языковой, и профессиональной подготовки своих иностранных студентов.

Профессионально направленное обучение стремительно развивается в обеих странах. Созданы специальные пособия для изучающих русский язык студентов разных специальностей (Пухова¹, Ольхова², Лукьянова³, Бей⁴, Ван Личжун⁵). Однако обращает на себя внимание, что в этом ряду совсем немного учебников для студентов учебных заведений культуры и искусства. Среди специальных учебных пособий для инофонов-музыкантов можно назвать два новейших учебника – «Русский язык для музыкантов. Элементарный практический курс русского языка» Л. М. Верещагиной⁶ и «Русский язык как иностранный. Увертюра» О. Р. Рязиной, С. Б. Березовского⁷, а также учебные пособия, предназначенные для чтения и общения в профессиональной среде (Борисова⁸, Березовский⁹).

Задача данной статьи – предложить некоторые приёмы и способы из практического опыта музыкально ориентированного обучения школьников и студентов русскому языку, которые позволяют преподавателю максимально сблизить обучение языку с языком профессии. Если студенты технического и гуманитарного профилей имеют возможность вначале ознакомиться с элементарным и базовым уровнями владения русским языком и только затем изучают язык специальности, то музыканты вынуждены совмещать учёбу и занятия по специальности, а на занятиях по специальности они с первой встречи должны говорить с преподавателем по-русски.

Большой опыт работы с китайскими школьниками накоплен в средней специальной музыкальной школе при Санкт-Петербургской консерватории (далее ССМШ), где дети обучаются не только музыкальным специальностям, но и общеобразовательным предметам. Практика преподавания РКИ студентам специальности «музыковедение» Харбинского педагогического университета (HRBNU) позволила обобщить методические наблюдения, которые могут быть использованы в обучении школьников и студентов, получающих музыкальное образование.

Преподавание русского языка для учащихся и студентов средних и высших учебных заведений культуры представляет особые трудности. Прежде всего, внимания педагогов требует их тонкая душевная организация. Преподаватель должен обладать особой чуткостью и внимательностью, учитывать душевный склад каждой творческой личности. Эти учащиеся требуют особого к себе отношения: на них нельзя повышать голос – они сразу же замыкаются; объявляя результаты контроля, не следует кого-то выделять с лучшей стороны или, наоборот, ругать, лучше потом отдельно поговорить с обучаемым и объяснить его ошибки, дать совет – они всегда оценят такое поведение преподавателя и на последующих уроках обязательно исправят все «пробелы» в знаниях.

Во-вторых, работа именно с китайскими студентами и школьниками требует учёта национального менталитета, специфики национальной культуры. Общеизвестно, что китайские учащиеся отличаются исполнительностью, трудолюбием, особым уважительным отношением к педагогу¹⁰. Однако для «музыкальных» китайцев мотивированность учёбы приобретает гипертрофированный характер, основные черты которого – жёсткий отбор, ориентация на успех, стремление достигнуть лучшего результата.

В-третьих, музыканты начинают овладевать исполнительским и вокальным искусством в раннем возрасте. Поэтому китайские дети ещё школьниками приезжают в Россию изучать и русский язык, и основы музыкального искусства. А студентам, получившим высшее и среднее музыкальное образование у себя на родине и планирующим повысить свой образовательный статус, приходится осваивать музыкальную терминологию, переучивая уже известное в профессии.

Методика преподавания русского языка как иностранного изучающим русский язык музыкантам разного возраста (школьникам и студентам, магистрантам) имеет как общие, так и различные черты.

Общими чертами являются сжатые сроки освоения большого материала, в котором совмещаются собственно языковые и профессиональные знания. В первый год обучения на подготовительном курсе в ССМШ на изучение дисциплины «Русский язык» отводится всего 6 часов в неделю, примерно 218 часов в учебном году. На вводно-фонетический курс отводится 1–2 недели. Магистранты осваивают курс первого сертификационного уровня за год. Общим благоприятным фактором также выступает русская языковая среда. Немаловажно также и обладание учащимися абсолютным музыкальным слухом, который оказывает существенную помощь преподавателю-русисту, облегчая усвоение иноязычной ритмики и интонации.

Различия обусловлены, конечно, в первую очередь возрастным фактором, а также уровнем профессиональной подготовки. Если школьники

осваивают музыкальную грамоту и азы русского языка одновременно, то студенты и магистранты, также начиная изучать русский как иностранный с нуля, как правило, уже имеют дипломы о высшем музыкальном образовании у себя на родине.

Профессиональная ориентация в практике работы с учащимися-музыкантами пронизывает весь курс русского языка как иностранного, что проявляется в специально разработанных преподавателем упражнениях и заданиях.

Так, лексической основой для фонетических диктантов школьников выступают музыкальные термины: *хор, аккорд, антракт, гобой, аккордеон, орган, сопрано*, к которым постепенно присоединяются названия музыкальных инструментов и музыкантов-исполнителей: *скрипка – скрипач – скрипачка, пианино – пианист – пианистка, альт – альтист – альтистка* и т. д. Например: предлагается записать слова и словосочетания под диктовку: *тембр, ритм, выразительность, высота, длительность, динамика, мелодия, жанр, характер, звук, аккорд, тональность, октава, дуэт, гармония*. Организация работы с музыкальными терминами продолжается и на материале контекстных антонимов, таких как, например: *мажор – минор, соло – хор – оркестр, высокий звук – низкий звук, диэз – бемоль, сопрано – баритон, петь хором – исполнять соло, народная музыка – классическая музыка* и т. д.

По мере изучения русского языка задания усложняются, вводятся терминологические музыкальные диктанты, во время которых преподаватель предлагает школьникам описание музыкального термина, инструмента или портрет композитора, в результате чего школьники должны угадать, о ком говорит преподаватель, и написать название или имя композитора. Приведём примеры таких заданий: 1) *Он был изобретён ещё в 1816 году. Это позволило указывать темп более точно, чем раньше. Он называется – ... (Метроном); 2) Это скорость исполнения музыкального произведения. Он бывает медленный, умеренный и быстрый. Это называется – ... (Темп); 3) Это звуковые волны, которые слышит человек. У него есть четыре свойства: высота, громкость, длительность и тембр. Это – ... (Звук)*. Задания могут иметь варианты, например такие: «Догадайтесь, о каком композиторе говорится в этом тексте: *Он родился в Австрии. В три года он уже играл на клавишине. В четыре года он написал свой первый концерт, в пять лет он писал уже менуэты, в шесть лет вместе с сестрой он гастролировал. Он умер, когда ему было 35 лет. ... (Моцарт)*».

В работе со школьниками в короткий срок выучить русский алфавит, лучше усвоить принципы русской фонетики помогает использование видео Театрального центра «Русская Речь», связанного с постановкой сценической речи актёров. На экране «бегут» буквы и слоги, диктор в

игровой форме их повторяет, а к нему присоединяются и школьники.

На профессионально значимой лексике строятся и грамматические упражнения. Школьникам предлагается диктант с грамматическим заданием: «Слушайте слова и записывайте их в форме множественного числа: *флейта, скрипка, арфа, фагот, альт, гамма, труба, fuga, конкурс, голос, орган, тон, бас, контрабас, валторна, сопрано, тромбон, виолончель, кларнет, гобой, аккордеон, баян*». Или: «Слушайте глаголы и записывайте их в форме 1 л. ед. ч.: *петь, дирижировать, солировать, учиться, пить, гордиться, играть, ехать, помогать, учить*».

Ярко выраженную профессиональную специфику имеют и текстовые материалы, аутентичность, актуальность и интересное содержание которых обеспечивает преподавателю. В школе работа с аутентичными текстами начинается просто с чтения афиш в школе. Нужно прочесть афишу и сказать, кто солирует, гастролит, дирижирует, исполняет и т. д. Например: *26 марта 2018 года в Большом зале Филармонии состоится фортепианный вечер Кейко Мацуи (Япония). Начало: 18.00 Адрес: СПб., Михайловская улица, д. 2.*

Затем школьникам предлагаются тексты о современных музыкантах, композиторах, исполнителях-виртуозах, которые обогащают словарный запас, повышают уровень профессиональной компетенции школьников. Источниками таких текстов являются интернет-ресурсы. Такие тексты вызывают особый интерес учащихся. Материалы, которые использует преподаватель, берутся из учебников по музыкальной литературе и сольфеджио, тексты адаптируются под уровень владения языком обучающихся и включают определения, характер, свойства инструмента или музыкального явления. Сначала это простые тексты, по мере освоения грамматики и пополнения лексического запаса тексты усложняются, все они носят накопительный характер, поскольку «...практические задания должны быть направлены в основном на обогащение словарного запаса, необходимого для развития будущего специалиста, закрепление грамматических и синтаксических конструкций, характерных для определения ситуаций общения, развитие речевой культуры и усвоение правил речевого этикета»¹¹.

Как показывает практика, уже на втором году обучения, сталкиваясь на специальных предметах с описанием термина в текстах учебников по специальностям, школьники легко распознают его, понимают, о каком явлении идет речь, так как главная информация уже получена на уроках русского языка. Эффективность этой работы отмечают и преподаватели музыкальных дисциплин, которые работают с иностранцами.

Для изучения предлагаются блоки текстов, например цикл «Уроки сольфеджио», который

состоит из небольших по объёму рассказов: «Как научиться писать диктанты по сольфеджио», «Как писать музыкальные диктанты?», «Первое проигрывание музыкального диктанта», «На уроке сольфеджио», «Семь тоник», «Интервалика». Ещё один цикл текстов получает название «На концерте» и посвящён известным музыкантам-кумирам многих школьников: «На концерте Сон Чжин Чо», «Евгений Кисин», «Пианист Денис Мацуев»; циклы «Музыкальные инструменты» и «Музыкальная литература».

Приведём пример такого текста, который называется «Выразительные средства музыки: ритм». *Музыка – искусство создавать художественный образ путём организации средств музыкальной выразительности во времени. Среди средств музыкальной выразительности (мелодия, лад, гармония, фактура, темп, метр, ритм, тембр, регистр, динамика, штрих, приём) первичными являются четыре: высота, длительность, тембр, динамика). Мелодия – главное средство музыкальной выразительности. Может быть, самое главное. Д. Д. Шостакович назвал мелодию душой музыкального произведения. Язык музыки – это язык звуков. Правда, Николай Андреевич Римский-Корсаков считал, что самое главное средство выразительности – ритм.*

Как видим, кропотливая методическая работа преподавателя, осуществляемая в ССМШ, позволяет расширить материалы специализированного учебного пособия (в данном случае учебник Л. М. Верещагиной «Русский язык для музыкантов. Элементарный практический курс русского языка»), учитывая при этом, главным образом, возраст, индивидуальную подготовку детей, уровень владения языком.

Задача преподавателя РКИ направлена на поиск наиболее эффективных методов и приёмов обучения, позволяющих сочетать материалы учебных пособий и собственные разработки. Проанализируем в этом смысле использование тех возможностей обучения, которые предоставляет учебник О. Р. Рязиной, С. Б. Березовского «Русский язык как иностранный. Увертюра».

Авторы «Увертюры» основной единицей обучения считают текст. Тексты, предназначенные для чтения, профессионально ориентированы: *Времена года Вивальди (113); Мы слушаем концерт (114); Рассказы о русской музыке (324); На музыкальном конкурсе (287); В доме-музее Чайковского (324)*. В этом учебнике есть и другая разновидность текстов для чтения, пересказа и заучивания наизусть – короткие рассказы-шутки о музыкантах: *Шутка Россини (234); Хулиган мешает слушать (136); Моцарт читает лучше! (466)* и др. Эффективность использования в учебных целях такого жанра, как шутка, вызывает некоторое сомнение. Известно, что понимание юмора, который имеет специфический национальный характер, – одна из самых трудных задач в овладении иностранным языком.

ком. Конечно, небольшие по формату анекдоты легко воспринимаются студентами. Например: *Музыкант с контрабасом, входящий в автобус в час пик, не может внести контрабас. Какой-то пассажир, сидящий около входа, говорит: «Надо было учиться играть на флейте!»*. Но есть и такие, юмор которых носит весьма сомнительный характер. Например: *Один музыкант сказал другому: «Я заметил интересный факт, и мне кажется, что это открытие! Если одна скрипка у одного скрипача в оркестре больше, то у другого скрипача другая скрипка всегда меньше!»* (411).

Сжатые сроки обучения, необходимость совмещения как общего курса русского языка, так и профессионально ориентированного обуславливают чрезвычайно плотный характер подачи материала.

Так, например, материал только одного урока «Увертюры» предполагает освоение *дательного падежа существительного, прилагательного, местоимения единственного числа для обозначения адресата действия, субъекта при указании на возраст, субъекта в безличных предложениях, направления движения; прилагательных, местоимений в пространстве; кратких прилагательных в качестве сказуемого* (311).

Объём материала такого масштаба требует существенных усилий в развитии умений и навыков говорения у студентов. Грамматические упражнения, которые составляют основу рабочей тетради учебного комплекса, также носят письменный характер. Таким образом, основная работа сосредоточена в области грамматики и чтения. Каждый урок учебника построен по типовой схеме: грамматические правила, серия грамматических упражнений, текст, предназначенный для чтения, рассказы-шутки, предназначенные для пересказа.

При этом значительно меньше внимания уделяется формированию основ устной речи. Это обнаруживается в качестве заданий по развитию устной речи. К таким заданиям относятся следующие: *Расскажите истории, которые вы видите на картинке* (473); *Начните ваш рассказ так: ...* (473); *Читаем и рассказываем шутки* (476); *Читаем следующий текст. Чем он отличается от предыдущего текста? Всё ли правильно в этом тексте?* (451); *Читаем и учим диалог* (444); *Пересказываем диалог без прямой речи как рассказ* (402); *Разговариваем: Куда ты идёшь? – Я иду к другу – Что ты несёшь? – Я несу ему книгу, которую я брал у него* (388); *Составляем маршрут экскурсии по Кремлю* (389); *Читаем и учим наизусть стихи «Дом, который построил Джек»* (283).

Работа по устной речи в учебнике компактно сконцентрирована под рубрикой «Давайте поговорим!», в которой либо перечислены вопросы к отдельным темам, например: *Моя семья, Моя учёба, Свободное время* и т. д. (374), либо предложены коммуникативные ситуации: *Что*

вы скажете, если вы окажетесь в следующих ситуациях: «В магазине», «В библиотеке», «В аудитории» (376).

Таким образом, как видим, материалы учебного пособия, даже имеющего специализированную направленность, вызывают необходимость в дополнении. Рассмотрим ряд приёмов и методических решений, которые предлагаются опытными преподавателями-практиками.

Преподавателю необходимо использовать и развивать практическую работу по освоению устной речи. Изучение грамматической темы требует устного закрепления. На каждом занятии необходимо предлагать студентам типовые коммуникативные ситуации, в которых используется то или иное грамматическое явление. Для предложного падежа это могут быть вопросы типа «Где вы гуляли вчера?», «Где вы отдыхали летом?», для винительного падежа фразы «Что вы читаете?», «Что вы смотрите?», «Что вы слушаете?». Дателный падеж аккумулирует вопросы «Кому вы купили подарок?», «Кому вы звонили вчера?» и т. д. Такого рода «грамматическая гимнастика» выводит на конструирование учебных диалогов. Заинтересованное общение с учащимися, знание их интересов, настроений и увлечений позволяет преподавателю выстраивать коммуникативные диалоги в соответствии с коммуникативными потребностями. «Имитация» свободного общения стимулирует ребят к выражению актуальных эмоций, оценок и впечатлений.

Расширение такого рода устных упражнений проходит в направлении участия в выполнении более трудных заданий, от коммуникативных ситуаций к развёртыванию речевых событий, в основе которых не только ролевые игры, но и более объёмные сценарии. Примером такого рода профессионально ориентированного сценария может быть коммуникативное событие «Музыкальный концерт». В структуре такого сценария имеют место диалоги «Выбор музыкального произведения», «Диалог в классе с преподавателем по специальности», «Разговор с другом о подготовке к выступлению», «Время и место концерта», «Приглашение друзей на концерт», «Впечатления от концерта». В ходе выполнения такого сценария учащиеся отрабатывают несколько лексических и грамматических тем на материале устного общения. Так, например, первый диалог предполагает использование семантических групп «Музыкальные жанры», «Музыкальные термины», «Композиторы», «Глаголы семантической группы «Исполнение» и т. п.

Созданию ситуации непрерывного освоения русского языка способствует использование современных технологий в преподавании РКИ: образование группы в WhatsApp, WeChat; поиск иллюстративного материала, грамматических таблиц, идиоматических выражений и прочего на таких сайтах, как www.pinterest.com, [318](http://www.</p></div><div data-bbox=)

canva.com. Для эффективного изучения русского языка школьниками также помогает регистрация на платформе Edmodo, использование www.barabook.ru, создание интерактивных упражнений на www.learningapps.org.

Приведём примеры использования мессенджера WeChat преподавателем по специальности и студентами-пианистами. Студентка: *Дорогая Эвелина, я слишком нервничаю и сегодня не играю хорошо!* // Преподаватель: *Нет, Хэ, ты выступила неплохо. Я видела, что ты нервничаешь, но это отразилось в первую очередь на темпе. Ускоряла.* // *Ян нервничал больше, у него зажалась правая рука, не было свободы.* // *Но мы будем ещё работать.* // Студентка: *Да-да! Это наш первый концерт в России, мы видим его очень важным, так что будем так нервничать!* // *Мы продолжим усердно работать в будущем и будем готовиться к экзамену!* // *Наше психическое состояние слишком плохое!* // Преподаватель: *Конечно, ещё много работы, и остальные пьесы.* // (15.04.2019).

Анализ даже такой небольшой переписки показывает, что в диалоге преподавателя и студентов используется не только терминологическая (*темп, пьеса*), но и профессиональная лексика (*ускоряла, зажалась правая рука*).

Важнейшей отличительной особенностью отечественной методической системы преподавания РКИ является широкая внеаудиторная работа, направленная на погружение иностранных учащихся в русскую культуру, что предполагает знакомство с русской литературой, историей, живописью, с шедеврами отечественного кинематографа, с русским фольклором.

Помимо заданий, непосредственно связанных с учебными материалами, эффективным приемом является заучивание русских песен и стихов, связанных с музыкой¹². Так, особой популярностью пользуется песня в исполнении Эдиты Пьехи «Замечательный сосед», которая способствует расширению лексики, связанной со специальностью, лучшему пониманию ритмики русского языка и народного юмора. Однако к заданиям такого рода необходимо относиться с осторожностью. Так, например, китайский студент категорически отказался спеть партию Черепахи в песенке из мультфильма «Как лъвёнок и черепаха пели песню», потому что, оказывается, в бытовом представлении китайцев образ Черепахи наделяется ярко отрицательными характеристиками, вызывая устойчивые ассоциации с ленивым, глупым, некультурным человеком.

В качестве внеаудиторной работы школьникам предлагаются разнообразные экскурсии. Санкт-Петербург, город великих музыкантов, деятелей культуры и искусства, имеет обширную музыкальную историю, с которой обязательно знакомятся иностранные учащиеся. Традиционно китайские школьники посещают Музей-квартиру Н. А. Римского-Корсакова, Дом-музей

Ф. И. Шаляпина, Театральный музей. Они присутствуют на концертах, которые проходят в этих музеях.

Буквально в первые месяцы обучения в России проводится экскурсия в Музей музыкальных инструментов, которой предшествует специальная подготовительная работа. Ребята читают серию текстов «Музыкальные инструменты», в которых знакомятся с лексикой, называющей не только виды инструментов, их части, но и материалы, из которых они изготовлены.

Формы и методы лингвокультурной адаптации иностранных учащихся-музыкантов весьма разнообразны. Одной из таких форм, например, может быть музыкально-поэтическая композиция «Пушкинская осень», в которой используются стихи А. С. Пушкина, посвящённые этому времени года, поэтические отрывки из романа «Евгений Онегин», музыкальные сцены из одноимённой оперы Чайковского. Ещё один из хорошо зарекомендовавших себя методов – подготовка праздничных новогодних спектаклей. Как известно, наступление китайского нового года празднуется по лунному календарю в разное время, чаще всего в феврале. И сакральное значение этого праздника – наступление весны. Поэтому китайцы с большим интересом относятся к европейской традиции отмечания наступления нового года. Как показывает опыт работы, такой весёлый праздник отлично сочетается с представлением на основе русских народных сказок. Опера Римского-Корсакова «Снегурочка», если вокальные таланты студентов и школьников дают такие возможности, да и русские народные песни и танцы также могут быть основой такого спектакля. Нужно сказать, что китайцы очень хорошо знакомы с популярными советскими песнями. Они поют их и по-русски, и по-китайски. Среди таких можно назвать, конечно, «Катюшу», «Подмосковные вечера» и многие другие.

Подготовка такого вечера занимает от одного до двух месяцев дополнительной работы преподавателя и студентов. Положительный эффект такой работы огромен. Это не только погружение в русскую культуру, но и совместное творчество с преподавателем, перевоплощение в образы героев и героинь XIX века.

Таким образом, специальных учебных пособий для иностранных музыкантов, изучающих русский язык как иностранный, не так много. Те, которые были созданы в последнее время, безусловно, являются основой для работы преподавателя в вузах культуры и искусства. Преподавание РКИ для инофоно-музыкантов связано с определёнными трудностями. Школьники и студенты с первых уроков знакомятся с профессиональной лексикой, поскольку одновременно изучают язык и берут уроки фортепиано у преподавателей-специалистов. На преподавателя РКИ ложится особая ответственность. И в этом случае может помочь использование целого ряда

методических приёмов, среди которых как собственно дидактические материалы, содержащие профессиональную и терминологическую лексику, музыкально ориентированные текстовые материалы, так и новейшие информационные технологии, а также разнообразные формы и методы лингвокультурной адаптации.

Примечания

- ¹ См.: Пухаева Л., Ольхова Л. Русский язык в мире экономики. СПб., 2014.
- ² См.: Дерягина С. Русский язык для журналистов : учеб. пособие для иностр. учащихся. М., 2011.
- ³ См.: Лукьянова Л. Русский язык для иностранных студентов-медиков. 6-е изд. СПб., 2014.
- ⁴ См.: Бей Л. Введение в литературоведение (Читаем тексты по специальности). СПб., 2014.
- ⁵ См.: Ван Личжун. Русский язык в научном стиле технического профиля. Шанхай, КНР, 2018.
- ⁶ См.: Верецагина Л. Русский язык для музыкантов. Элементарный практический курс русского языка. М., 2014.
- ⁷ См.: Рякина О., Березовский С. Русский язык как иностранный. Увертюра. М., 2018. Далее цитаты в тексте приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ⁸ См.: Борисова Е., Глазкова Т. Профессиональное общение музыкантов. Диалог : учеб.-метод. пособие по культуре речи для обучения студентов-музыкантов русскому языку как иностранному. М., 2015.
- ⁹ См.: Березовский С., Глазкова Т., Рякина О., Фролова О. Готовимся к профессиональному общению. О русской музыке, Гнесиных, Гнесинке, гнесинцах. М., 2015.
- ¹⁰ См.: Ван Гохун. О некоторых особенностях системы обучения китайских студентов русскому языку как иностранному // Педагогическое образование России. 2016. № 12. С. 25.
- ¹¹ Березняцкая М. Адаптация курса «Русский язык и культура речи» к восприятию иностранными студентами // Вестн. РУДН. Сер. Вопросы образования : языки и специальность. 2013. № 3. С. 157–158.
- ¹² См.: Толстова Н. Модель занятия по РКИ на основе песни // Молодой ученый. 2016. № 3. С. 923–928. URL: <https://moluch.ru/archive/107/25564/> (дата обращения: 19.04.2019).

Образец для цитирования:

Антонова Н. А., Милехина Т. А. Профессионально ориентированное преподавание русского языка как иностранного китайским школьникам и студентам-музыкантам // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 315–320. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-315-320>

Cite this article as:

Antonova N. A., Milehkina T. A. Professionally Oriented Teaching of Russian as a Foreign Language to Chinese Students and Musicians. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 315–320 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-315-320>

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09-31+99Достоевский

Герой повести «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского как объект чужого взгляда

Я. Н. Дёгтева

Дёгтева Ярославна Николаевна, аспирант кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы, Воронежский государственный университет, Dyogteva_Yaroslavna@mail.ru

В статье представлены результаты исследования повести «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского в рамках изучения проблемы чужого взгляда в творчестве писателя. Полученные в ходе анализа текста данные позволяют выделить характерные особенности визуального поведения «подпольного человека», а также расширить интерпретацию произведения.

Ключевые слова: чужой взгляд, Ф. М. Достоевский, субъект, объект, «подпольный человек», рефлексия.

The Hero of the Novel *Notes from Underground* by F. M. Dostoevsky as the Object of the View of Another

Ya. N. Dyogteva

Yaroslavna N. Dyogteva, <https://orcid.org/0000-0003-1511-6201>, Voronezh State University, 1 Universitetskaya Pl., Voronezh 394018, Russia, Dyogteva_Yaroslavna@mail.ru

The article presents the results of studying F. M. Dostoevsky's novel's *Notes from Underground* from the point of view of researching the issue of another's view in the writer's creative oeuvre. The evidence obtained from the text analysis allows to single out some characteristic features of the visual behavior of the 'underground man', as well as to expand the interpretation of the novel.

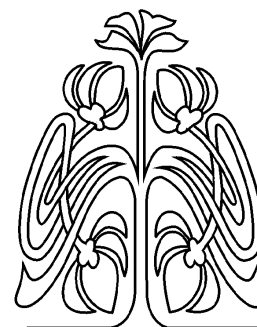
Keywords: view of another, F. M. Dostoevsky, subject, object, the 'underground man', reflection.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-321-324>

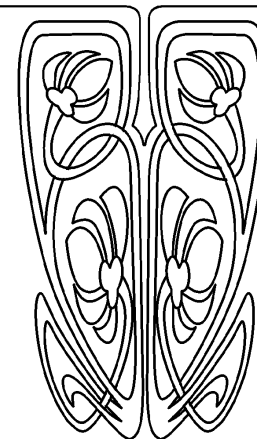
Феномен чужого взгляда в творчестве Ф. М. Достоевского определяется как направленность зрения субъекта на некий не совпадающий с ним объект и (или) манера персонажа смотреть на себя отчуждённо (чужими глазами)¹. Достаточным условием квалификации взгляда как чужого по отношению к какому-либо герою является признак отчуждённости, а не принадлежности смотрящего глаза другому персонажу².

В художественной прозе Ф. М. Достоевского чужой взгляд тесно связан с общением героев. Писатель мастерски раскрывает опыт зрительного восприятия персонажей, передающийся на уровне композиции многоголосо: не только повествователем как внешнее по отношению к действующим лицам описание, но и самими воспринимающими – в диалогах и монологах³.

А. Б. Криницын отмечает интенсивность визуальной перцепции в текстах знаменитого прозаика: акцентируются мелкие детали, ясность и чёткий образ в памяти и т. д. Это касается и ярких эмоциональных сцен, и образов людей. Вообще изображение контакта глаз или рассматривания одного персонажа другим почти всегда сопровождается маркерами эмоции или отношения. Герои Ф. М. Достоевского не только смотрят на окружающих, но и постоянно интерпретируют чужие взгляды; они не знают точно, что думает другой человек, не могут «заглянуть в его сердце»⁴. Чужой взгляд как элемент визуальности⁵ композиционно важен в интерпретации художественных произведений писателя, поскольку отражает отношения героев между собой и к самим себе.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

По отношению к художественной действительности выделяются реальный и воображаемый чужой взгляд. Оба типа принадлежат к трём основным группам: в первую входят взгляды, от-refлексированные субъектом (воспринимающим персонажем); во вторую – отражённые сознанием объекта (воспринимаемого героя); третья группа объединяет взгляды, описанные лицом, не являющимся ни субъектом, ни объектом визуальной перцепции. Иными словами, чужой взгляд может быть представлен в речи самого смотрящего или рассматривающего героя, а может быть описан повествователем или другим персонажем «со стороны».

Действующие лица являются объектами или субъектами чужого взгляда условно, так как объект может проявлять активность, например, наблюдается совмещение ролевых позиций при взаимном зрительном восприятии. В данном случае важна оценка ситуации самим героем: субъектный или объектный опыт он переживает, находится под воздействием чужого взгляда или сам проявляет визуальную активность. Репрезентация объекта и субъекта чужого взгляда в ситуациях, когда герой смотрит на себя «чужими глазами», сложна в изучении, так как в данном случае имеет место самовосприятие. Его реализация в тексте предполагает диалогичность сознания действующего лица и наличие некоего посредника – отражающей поверхности или точной копии смотрящего персонажа.

Кроме того, в творчестве Ф. М. Достоевского нередким является отделение взгляда (глаз) от смотрящего субъекта, осуществляющее различные функции. В целом же овеществление глаз или диссоциация «внешнего» и «внутреннего» в воспринимаемой личности зависит от онтологической позиции смотрящего субъекта, от его способности целостно воспринять находящийся перед ним объект, от того, насколько воспринимающий может проникнуть в чужое, устремлённое на него сознание или позволить другому разумному существу ответную интерпретацию.

Повесть «Записки из подполья» (1864) является опорной в понимании идеологии и художественных особенностей прозы Ф. М. Достоевского (в том числе поэтики визуального) и связана с переломными моментами в творческой жизни автора. Изначально её не приняли ни критики, ни читатели. Но со временем произведение стало знаковым: после выхода в свет этой повести автор обрёл международную известность⁶. Появление этого произведения не только положило начало философии трагедии в работах писателя⁷, но и означило рождение оригинального типа героя, а идеи, выраженные в повести, рассматриваются как точка отсчёта в переходе Ф. М. Достоевского от переосмысления имеющихся принципов и мотивов в западной или отечественной литературе к полноценному диалогу с традициями художественной прозы⁸.

Исповедь героя-парадоксалиста – введение в великое пятикнижие писателя («Преступление и

наказание» (1866), «Идиот» (1867), «Бесы» (1871–1872), «Подросток» (1875), «Братья Карамазовы» (1879–1880)), в котором продолжается развитие темы конфликта человека и среды⁹.

В центре повествования «Записок из подполья» – диалогически мыслящий герой («один из характеров протекшего недавнего времени»¹⁰), замкнувшийся в своём внутреннем мире, болезненно воспринимающий мир внешний, который «и насекомым не сумел сделаться», потому что обладает сознанием «развитого человека <...> несчастного девятнадцатого столетия», которым не располагают «непосредственные люди и деятели» (101).

«Подпольный человек» характеризуется посредством самоотчёта, отмеченного глубокой рефлексией, в которой значимую роль играет осмысление себя в поле зрительного восприятия. Чужой взгляд можно считать характерообразующим феноменом в онтогенезе парадоксалиста, признающего себя несостоятельным в качестве субъекта зрения: он не выдерживает прямых взглядов («...я всю жизнь смотрел как-то в сторону и никогда не мог смотреть людям прямо в глаза»; «я чуть не перед каждым встречным опускал глаза»), а если кому-то удаётся установить с ним контакт, то прерывает его («...и всегда опускал я первый») (103; 125). Даже «состукнуться» со своим обидчиком (десятивершковым офицером) он смог только зажмурив глаза (132).

Герой повести много внимания уделяет чужому, даже несказанному, слову¹¹, конструируя его посредством истолкования чужих взглядов. Исследователи неоднократно подчёркивали значимость диалогичности и слова с лазейкой для понимания своеобразия «Записок из подполья»¹². Относительно парадоксалиста актуальны слова М. М. Бахтина: «Лазейка создает особый тип фиктивного последнего слова о себе с незакрытым тоном, навязчиво заглядывающего в чужие глаза и требующего от другого искреннего опровержения»¹³.

Герой повести, схожей по жанровым характеристикам с мемуарными записками, наблюдает за всеми из позиции объекта, не считая себя способным на прямой взгляд, а полученная информация позволяет ему делать определённые выводы, предугадывать реакцию людей или управлять ею, о чём он повествует от первого лица. Взгляд, как реальный, так и воображаемый, для «подпольного человека» является триггером: с него начинаются ссоры с Аполлоном, лихорадка по поводу отношения школьных товарищей и знакомство с Лизой.

Герой-парадоксалист тяжело переносит немые взоры слуги, придаёт визуальной манере своего «палача» чрезвычайное значение, характеризует его как человека, которому глаза практически заменяют речь: «Он был влюблён в каждую пуговицу свою, в каждый свой ноготь – непременно влюблён, он тем *смотрел*», «мало говорил со мной, а если случалось ему на меня *взглядывать*, то *смотрел* твёрдым, величаво самоуверенным и постоянно насмешливым взглядом» (101).

дом», «Говорил он тихо, размеренно, заложив руки за спину и *опустив глаза* в землю» (курсив наш. – Я. Д.) (167–168).

Лакей не просит выплатить ему жалованье, а требует с помощью «истязаний взглядами» (от строгих к презрительным). Пытку можно прервать, либо отдав деньги, либо заговорив с Аполлоном. То есть «подлая тактика» состоит в сознательном отказе озвучивать суть проблемы, что сделало бы её понятной, известной для обеих сторон. Поскольку слова не совпадают с тем, что они «сообщают» друг другу глазами, автор записок больше верит тому, что видит. Быть объектом взгляда слуги – человека с более низким социальным статусом – болезненно, унижительно, и не представляется возможным избавиться от этих мучений, так как Аполлон является собой неотъемлемую часть подполья.

Взгляды школьных товарищей также неприятны и мучительны для героя. Из рассказа повествователя становится очевидным, что чужое мнение, вопреки желанию «подпольного человека», легло в основу его взгляда на свою фигуру, лицо, одежду и т. д.¹⁴ И по окончании школы автор воспоминаний смотрит на себя глазами противного ему окружения, уже считая этот взгляд своим: «Теперь мне совершенно ясно, что я сам вследствие неограниченного моего тщеславия, а стало быть, и требовательности к самому себе, глядел на себя весьма часто с бешеным недовольством, доходящим до омерзения, а оттого, мысленно, и приписывал мой взгляд каждому» (124).

Вследствие страданий от жестоких насмешек, обращённых к его визуальным характеристикам, он, будучи мальчиком, стал развивать то, что неподвластно глазу, – сознание. Парадоксалист в болезненном самоанализе доходит до того, что заключает самого себя в рабство осознания, лишаясь возможности вернуться к действительности¹⁵. По замечанию С. А. Аскольдова, напряжённая рефлексия создаёт не только «раздвоение переживаний», но и «кривое зеркало», под которым подразумевается «отражение себя во взгляде и мнении других»¹⁶. Следуя этой логике, герой «Записки из подполья» сам себе «уродует самую душу» своей рефлексией, возросшей до «кошмара, паразитно вторгающегося в самые недра человеческой души»¹⁷. И это влечёт роковые последствия: к реальным чужим взглядам присоединяются порождённые мыслями и воображением героя. Он стал объектом прогнозируемых чужих взглядов, которые не всегда соответствуют действительности. В этом плане показателен пример с «ничем неотразимым презрением» Трудолюбова, который, по сути, смотрел на него без ожидаемого высокомерия (141).

Пережив школьные унижения, разорвав почти все связи с угнетавшими людьми, автор записок всё же выходит из подполья навстречу новым, заведомо недоброжелательным, чужим взглядам. И выводит его презрение. Бывшие товарищи при обсуждении встречи не отреагировали на присутствие героя так, как в его понимании должны

были: не рассматривали его, не делали выводов по внешнему виду и т. д. Не быть объектом чужого презрительного взгляда для парадоксалиста значит быть презираемым в большей степени. Такого отношения к себе он не может допустить, поэтому делает шаг, после которого гости Симонова «будут разом побеждены и посмотрят <...> с уважением» (137). Безусловно, это приводит к череде унижений, но одного герой добился – его заметили, посмотрели в глаза, позволили играть привычную роль объекта зрительного восприятия.

Вслед за своими «врагами» рассказчик попадает в «один из тех тогдашних “модных магазинов”, которые давно уже теперь истреблены полицией» (151). И здесь он, за неимением оппонентов, сам смотрит на себя как на объект чужого восприятия: «Я случайно погляделся в зеркало. Возбуждённое лицо моё мне показалось до крайности отвратительным: бледное, злое, подлое, с лохматыми волосами. “Это пусть, этому я рад, – подумал я, – я именно рад, что покажусь ей отвратительным; мне это приятно...”» (151). Герой, глядя в зеркало, пытается увидеть себя глазами совершенно незнакомой ему девушки. Он думает, что имеет верное представление об обычной реакции таких людей, как Лиза, на присущий ему вид.

Однако в полутьме комнат этого заведения повествователь встречает по-настоящему чужой взгляд: сначала парадоксалист замечает «два открытые глаза», взор которых «безучастный, угрюмый, точно совсем чужой» (152). Ощущения от зрительного воздействия Лизы сравнимы с проникновением в подполье. Герой отделяет глаза от личности смотрящего и наделяет их сознанием: «...два глаза *вздумали* меня начать рассматривать» (курсив наш. – Я. Д.) (152). По модальности взгляда девушки он отмечает эффективность своих манипуляций, добивается желаемых результатов, её поведение снова представляется предсказуемым. Но когда Лиза застёт его в неприглядном виде на съёмной квартире, автор записок не может простить ей этого: девушка увидела не то, что он мог позволить.

Рассказчик много рассуждает о своём внешнем виде, старается скрыть или компенсировать то, что может выдать в нём социально неодобряемые черты: подлость, глупость, неумение строить карьеру и проч. Герой повести отмечает значимость зрительного восприятия в своей жизни и при этом хочет управлять чужими взглядами из своего подполья. Он или ведёт себя так, чтобы люди реагировали ожидаемым образом (не выдаёт жалование лакею, зная, что тот будет испытующе смотреть), или придумывает недостающие взгляды (рассуждения о любви и семейной жизни, преподнесённые Лизе, насыщены зрительной тематикой), или прямо призывает читателя к активности («Да взгляните пристальнее!», например) (178).

Нарратор, чьи рассуждения и воспоминания изложены в произведении, так сконцентрирован на отношении к нему других людей, что, даже

отделившись от общества, продолжает следить за происходящим «со стороны», о чём и пишет «из Подполья». Сам он не смирился со средой и не слился с ней – дистанцировался: «Я хоть и сказал, что завидую нормальному человеку до последней желчи, но на таких условиях, в каких я вижу его, не хочу им быть (хотя всё-таки не перестану ему завидовать. Нет, нет, подполье во всяком случае выгоднее!)» (121). Чрезмерно развитое сознание (опирающееся по большей части на «книжные» постулаты – «все мы про себя согласны, что по книжке лучше») и обеспокоенность чужим взглядом приводят «подпольного человека» не только к конфликту с внешним миром и потере своих социальных качеств, но и к распространению личных наблюдений на «всемство»: «Мы даже и человеками-то быть тяготимся, – человеками с настоящим, *собственным* телом и кровью; стыдимся этого, за позор считаем и норовим быть какими-то необычными общечеловеками» (178–179).

Из рассуждений повествователя следует, что его современники сталкиваются с аналогичными проблемами, но он доводит всё до крайности, и, значит, его функция как объекта чужого взгляда также представляет максимум. Совокупность этих характеристик лишает парадоксалиста как представителя своего времени «живой жизни», подменяя её идеями. Таким образом, в повести изображён крайний случай реакции на чужой взгляд излишне сознающего и развитого героя, каким себя представлял в своих записках человек из подполья.

Примечания

- 1 См.: Дёгтева Я. Чужой взгляд : уточнение дефиниции в контексте творчества Ф. М. Достоевского // Изв. ВГПУ. Сер. Филологические науки. 2016. Т. 272, № 3. С. 162–165.
- 2 Там же. С. 164.
- 3 См.: Криницын А. Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф. М. Достоевского. М., 2001; Бахтин М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 6. М., 2002; Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. М., 2000; Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
- 4 См.: Джексон Р. Искусство Достоевского. Бреды и ноكتурны. М., 1998.
- 5 Визуальность понимается как социокультурное явление; индивидуальное видение преломляется не только через физиологические аспекты процесса, но и через призму социализации: человек видит так, как его научили или заставили видеть, как он овладел способностью различать видимое или скрытое от восприятия.
- 6 См.: Бём А. Исследования. Письма о литературе. М., 2001; Померанц Г. Открытость бездне; Встречи с Достоевским. М., 1990.
- 7 Философия трагедии понимается в интерпретации Л. Шестова, т. е. как некий противоречивый метафизический проект, отражающий значимость трагедии для литературы как поля отображения экзистенциальных вопросов, с одной стороны, и неспособности философии предотвратить наступление трагического – с другой. Философия трагедии реализуется на материале поиска героем истины через подполье, что приводит его к гибели как личности.
- 8 См.: Бачинин В. Достоевский : метафизика преступления (Художественная феноменология русского протомодерна). СПб., 2001; Криницын А. Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф. М. Достоевского. М., 2001; Мочульский К. Достоевский : жизнь и творчество. Париж, 1980.
- 9 См.: Свительский В. Великое пятикнижие // Достоевский : Эстетика и поэтика : словарь-справочник. Челябинск, 1997. URL: <http://www.fedor Достоеvsky.ru/research/aesthetics-poetics/095/> (дата обращения: 16.05.2015); Одинокое В. Типология образов в художественной системе Ф. М. Достоевского. Новосибирск, 1981. С. 60; Wasiolek E. Dostoevsky : The Major Fiction. XIV. Cambridge, 1964. P. 53.
- 10 Достоевский Ф. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 5. Повести и рассказы. 1862–1866; Игрок : роман. Л., 1973. С. 99. Здесь и далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- 11 Подробнее см.: Бахтин М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 6. С. 6–300; Jones M. Dostoyevsky after Bakhtin : readings in Dostoyevsky's fantastic realism. N. Y., 2005. P. 33–74.
- 12 См.: Бахтин М. Указ. соч. Т. 6; Засе С. Яд в ухо : Исповедь и признание в русской литературе. М., 2012. С. 126; Лахманн Р. Диалогический принцип или риторика? (О «Записках из подполья» Достоевского) // Wiener Slavistischer Almanach. 1986. Bd. 17. S. 33–42; Jones M. Op. cit.
- 13 Бахтин М. Указ. соч. Т. 6. С. 261.
- 14 Иными словами, взгляд человека на окружающую действительность и даже на себя самого, по сути, является интроектом, т. е. чужим взглядом, усвоенным извне.
- 15 См.: Бельтраме Ф. О парадоксальном мышлении «подпольного человека» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 18. СПб., 2007. С. 135–142.
- 16 Аскольдов С. Психология характеров у Достоевского // F. M. DOSTOEVSKI. 1881–1981. L., 1981. P. 63.
- 17 Там же.

Образец для цитирования:

Дёгтева Я. Н. Герой повести «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского как объект чужого взгляда // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 321–324. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-321-324>

Cite this article as:

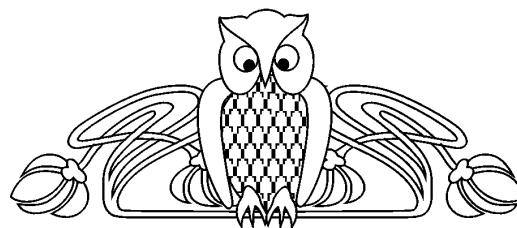
Dyogteva Ya. N. The Hero of the Novel *Notes from Underground* by F. M. Dostoevsky as the Object of the View of Another. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 321–324 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-321-324>

УДК 398.88(470.11)+929Шергин

«Сон Богородицы» в записи Б. В. Шергина

Л. И. Черемисинова

Черемисинова Лариса Ивановна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой начального языкового и литературного образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, larisa.cheremisinova@mail.ru

Статья знакомит с неизвестным эпизодом из биографии русского писателя, собирателя и исполнителя фольклорных произведений Б. В. Шергина. В ней представлен вариант духовного стиха «Сон Богородицы», записанного Шергиным в родной Архангельской губернии в 1917 г. и опубликованного в 1919 г. в газете «Возрождение Севера». Рассматриваются особенности композиционно-стилистического построения произведения и его роль в становлении писателя.

Ключевые слова: Б. В. Шергин, «Возрождение Севера», духовный стих, апокриф, сон, Богородица, Иисус Христос, композиция.

The Dream of the Mother of God Recorded by Boris Shergin

L. I. Cheremisinova

Larisa I. Cheremisinova, <https://orcid.org/0000-0001-7727-8973>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, larisa.cheremisinova@mail.ru

The article presents an unknown episode from the biography of the Russian writer, collector and performer of folk pieces, B. V. Shergin. Here is shown a variant of a spiritual poem *The Dream of the Mother of God* recorded by Shergin in his native Arkhangelsk province in 1917 and published in 1919 in the newspaper *Vozrozhdeniye Severa* (Revival of the North). The characteristic features of the poem's composition and stylistic structure and its role in the writer's establishment are considered.

Keywords: B. V. Shergin, *Vozrozhdeniye Severa* (Revival of the North), spiritual poem, apocrypha, dream, the Mother of God, Jesus Christ, composition.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-325-330>

6 апреля 1919 г. в еженедельном воскресном приложении «Литература, наука и искусство» к архангельской ежедневной областной газете «Возрождение Севера» были опубликованы два варианта текста «Сон Богородицы», записанные Борисом Викторовичем Шергиным в родном Поморском крае. Тексты пронумерованы автором публикации и сопровождаются кратким предисловием. Текст № 1 открывается авторским вступлением, отсылающим к более ранней публикации: «Привожу варианты “Сна Богородицы”, который (так!) был помещен в прошлое воскресенье»¹. Текст № 2 начинается с указания:

«Пела крестьянка Онежского у. дер. Золотицы в 1917 году»².

Неделей раньше, 30 марта 1919 г., в том же приложении к газете «Возрождение Севера» была напечатана первая подборка текстов под названием «Сон Богородицы»³. Ее автором был редактор газеты Петр Алексеевич Табанин (1891–1972), человек с нелегкой судьбой, фельдшер по образованию, эсер по партийной принадлежности. В годы революционных потрясений он занимался журналистикой. В начале августа 1918 г., после антисоветского переворота в Архангельске, он оказался в рядах белой армии⁴. Возможно, в это время и произошло его знакомство с Б. В. Шергиным, а затем кратковременное сотрудничество в газете «Возрождение Севера».

Пребывание Шергина в царской армии до недавнего времени не афишировалось, и вся его биография окутана тайной. Документов мало, архивы недостаточно изучены, летопись жизни и творчества не создана. Многие факты биографии не сходятся, противоречат друг другу: даты рождения писателя, времени обучения в Архангельской гимназии, а затем в Императорском Строгановском художественно-промышленном училище, деятельности его в период 1917–1921 гг. (до переезда в Москву). По свидетельству директора Архангельского литературного музея Б. М. Егорова, много лет изучавшего жизненный путь и творческое наследие Шергина, «факты, которыми оперируют исследователи, фактически взяты из биографических рассказов Шергина. А они до того убедительны и сказочно правдоподобны, что невольно забываешь, что перед тобой художественное произведение»⁵.

Противоречивые суждения о жизни Шергина в период с 1917 по 1921 г. содержатся даже в статьях, основанных на документах Архангельского областного архива. Так, Т. Ф. Мельник (историк, краевед, член Архангельского отделения Российского общества историков-архивистов), представляя пять документов из личного дела инструктора-художника Шергина⁶, резюмирует: «Из документов известно, что Борис Шергин после учебы в Строгановском художественно-промышленном училище в Москве вернулся домой, призван в 1916 году на военную службу в ряды белой армии. Служил рядовым первой роты 2-го Рабочего батальона. Уволен незадолго до событий октября 1917 года»⁷.

Основываясь на тех же документах, Б. М. Егоров делает иные выводы: «В личном

деле <...> Шергина хранится “Опросный лист” за 1920 год. На вопрос, служил ли он в старой армии, в каком полку и чине, Шергин отвечает: “В 1916 году служил рядовым рабочим 1 батальона Белой армии, 1-й роты. Уволен в виду потери правой ноги”. <...> 1916-й год, – комментирует автор, – Шергин “пришил” к своей биографии белыми нитками. Трудно представить, что в 1916 году он служил в какой-либо армии, и вот почему. По заданию Академии наук Шергин в тот год ездил по Архангельской и Олонецкой губерниям, где записывал сказителей, изучал местные говоры. Да и не мог он, поступивший в Строгановское училище в 1913 году, окончить его всего за два года и уже в 1916-м году служить в армии»⁸.

Анализируя архивные источники, Б. М. Егоров справедливо обращает внимание на то, что история белого движения начинается после Октябрьского переворота и что признание о службе в белой армии в 1916 г. не выдерживает критики, является не оговоркой, а невольной «проговоркой» (от слова «проговориться»). Он замечает также противоречия в рассказах писателя о времени и причинах потери ноги: по одним источникам, это произошло в 1916 г. – «попал под трамвай», по другим – в 1919 г.: «Когда Архангельск заняли белые, его мобилизовали и послали на строительство насыпи. Там и случилось с ним это несчастье – попал под вагонетку»⁹. Эти и другие факты приоткрывают сложность хитро-сплетений судьбы Шергина, обусловленную непростой исторической эпохой. Биография Шергина требует вдумчивого исследовательского анализа и комментария.

Знакомство Шергина с Табаниным могло произойти ранее 1918–1919 г. В 1916 г., будучи студентом Строгановского училища, Шергин (через посредничество Ю. М. и Б. М. Соколов) стал посещать заседания Московской диалектологической комиссии и Московского лингвистического кружка и вскоре был направлен Отделением русского языка и словесности Академии наук в командировку в Шенкурский уезд Архангельской губернии для исследования местных говоров и записи произведений фольклора¹⁰. Шенкурский уезд – родина Петра Табанина, с ним связаны многие годы и важные события его жизни (в частности участие в Шенкурском антибольшевистском восстании и Шенкурском батальоне).

Тот факт, что 30 марта 1919 г. П. А. Табанин начал публикацию текстов «Сна Богородицы», записанных в Архангельской области, и анонсировал продолжение этой публикации в последующих номерах «Возрождения Севера», говорит о знакомстве его с собирателями северного фольклора, в частности с Шергиным.

Табанин сопроводил свою публикацию небольшой вступительной статьей и послесловием. «В Архангельском крае, – так начинается ре-

дакторская статья, предвещающая публикацию, – в редком доме нет списка “Сна Богородицы”. “Сон Богородицы” зашивают в одежду, носят на шее с крестом, хранят на божнице, вычитывая его нараспев в важных случаях жизни, о которых говорится в конце апокрифа. Впрочем, читают “Сон” редко. Одно присутствие в доме этой тетрадки или свитка предохраняет дом и людей от всяких напастей. Приводим один из вариантов, коих бесчисленное множество»¹¹.

Табанинский текст представляет собой прозаический вариант «Сна Богородицы», идентифицированный как «апокриф». Его публикация заканчивается авторским послесловием: «Записано в Архангельской губернии много вариантов “Сна”, изложенного и распеваемого как “стих”. Безусловно, и “стих о Богородицыном сне” и “Сон” в прозаическом изложении существовали параллельно с очень древних времен. Привожу варианты “Стиха”. Один записан от коренной обитательницы г. Архангельска (распевался в качестве колыбельной песни). Другой вариант записан от крестьянки д. Летней Золотицы Онежского у. и сходил за молитву. Каждый стих имеет своеобразный напев. Варианты появляются в печати впервые»¹².

Таким образом, в послесловии Табанин представил и текст «Сна Богородицы» («в прозаическом изложении», напечатанный 30 марта 1919 г., и анонсировал два текста, опубликованных Шергиным позднее, 6 апреля 1919 г.¹³, по форме и исполнению являвшихся духовными стихами (один вариант «распевался в качестве колыбельной песни», другой «сходил за молитву»). Завершалась публикация словами: «Продолжение следует».

Обращает на себя внимание последняя фраза из предисловия, предполагающая пояснение: «Варианты появляются в печати впервые». В конце XIX – начале XX в. собиранием и изучением фольклора побережья Белого моря занимался известный фольклорист, последователь исторической школы В. Ф. Миллера, первый крупный ученый, «одинаково квалифицированный и в сфере собирания народной поэзии, и в области ее исследования»¹⁴, А. В. Марков. С 1898 по 1909 г. он совершил шесть экспедиций в Олонецкую и Архангельскую губернии, открыл былинную традицию на берегах Белого моря и существенно пополнил научные знания о репертуаре русских эпических песен.

Исследователи отмечают, что А. В. Марков записывал не все варианты текстов, а наиболее значимые, отмеченные большой оригинальностью¹⁵. Возможно, поэтому в его собрание не вошли варианты, записанные позднее Табаниным и Шергиным, что придает научную ценность их публикациям.

Сюжет «Сна Богородицы» был известен Шергину с детства. Живая традиция исполнения духовных стихов в Архангельской губернии на

рубеже XIX–XX вв. оказала на будущего писателя сильное воздействие, особенно – творчество Пафнутия Осиповича Анкудинова и Натальи Петровны Бугаевой, которых Шергин почитал как своих учителей. Тесное общение с Ю. М. Соколовым раскрыло архангельскому самородку значимость собирания и записи произведений северного фольклора, повлияло на самоопределение и развитие сказительского таланта Шергина. В эпический репертуар Шергина, зафиксированный осенью 1915 г. братьями Ю. М. и Б. М. Соколовыми, входили пять духовных стихов: «Старина о Соловецком монастыре», «Иосиф Прекрасный», «Стих о двенадцати пятницах», «Пустынник и пятница», «Сон Богородицы»¹⁶.

Переписка Шергина с Ю. М. Соколовым, относящаяся к 1915–1917 гг., содержит любопытные факты, позволяющие говорить о неподдельном интересе писателя к духовным стихам, в том числе к сюжету стиха «Сон Богородицы». Так, 6 января 1916 г. Шергин, находившийся во время рождественских каникул на родине, писал Ю. М. Соколову: «...на святках, я выучил от одного плотника стих “Сон Богородицы”. Сначала я записал, а потом мы несколько раз вместе пропели. Я теперь “Сон Богородицы” хорошо знаю. Но, пожалуй, это не то уж, что старины, выученные мною в детстве без записей...»¹⁷. Таким образом, репертуар Шергина пополнился еще одним вариантом «Сна Богородицы».

Возвратившись через полгода домой после диалектологической экспедиции по Архангельской губернии, Шергин сообщал Ю. М. Соколову в письме от 26 июля 1916 г.: «У знакомых уличан я видел тетрадки со стихами, писал Пафнутий Осипович Анкудинов. Я выпрошу эти тетрадки и привезу Вам. Наверно, отдадут»¹⁸. Речь идет о «тетрадках» с записями духовных стихов, которые были распространены повсеместно (и не только на Севере). Православная церковь относилась к ним настороженно, нередко случались запреты на их исполнение и хранение, о чем свидетельствует следующее письмо Шергина: «Вы спрашиваете про тетрадки Анкудинова. Я наверно достану. А тут еще на годах такой случай был. Священник из Успенского на Бору прихода в г. Архангельске восстал против всяких “Снов Бцы”, “Пятниц” и т. д. Велел жечь эти тетрадки. И нашлись дураки, не по разуму ревнуя, тетрадки эти старописные в печь кинали. А в деревенских приходах так постоянно троицки и др<угие> листки раздают, где подобные тетрадки хулятс явчески. Борются попы с остатками старой веры, с пятницами, с молитвами Громовнику и т. д., а на главное не обращают. “Комары оцеждают, а вельбуды поглощают”»¹⁹.

Привез ли Шергин «тетрадки Анкудинова» в Москву, неизвестно. Письма к Ю. М. Соколову показывают профессиональный подход студента Строгановского училища к фольклору и умение

исполнять духовные стихи (помимо былин, сказок и других жанров). Носитель живой народной традиции, Шергин сетовал на то, что москвичи относятся к духовным стихам «как к отжившему, прекрасному (м<ожет> б<ыть>) прошлому и серьезно проняться никто не хочет. А ведь это все божьи люди сложили и все это надо. Это не сказки вроде “небылицы в лицах”. Но я теперь люблю и то, и другое», – писал он²⁰. С точки зрения народного сознания, выразителем которого был Шергин, духовные стихи противоположны сказке, как правда высшего порядка противоположна выдумке. В действительность происходящего в сказке никто не верил, ее основная функция развлекательная, в то время как содержание духовных стихов отражало народное исповедание веры, и значимость их для души христианина считалась несомненной.

«Сон Богородицы» продолжал традицию ранних апокрифов, о которых еще А. Н. Пыпин высказал мысль, что они служили для объединения сюжетных линий Ветхого и Нового Заветов и сыграли существенную роль в становлении христианства на Руси²¹, раскрывая смысл христианского вероучения. Исполнители духовных стихов – калики перехожие – на ранних этапах христианства выступали в роли миссионеров-проповедников²², были тесно связаны с церковными кругами и, по сути, выполняли некоторые их функции. Не случайно Шергин называл их «божьими людьми».

Серьезное отношение к духовным стихам сформировалось у него с детства, хотя первоначально он не придавал особой значимости песенной традиции, в которой вырос, не думал о необходимости ее сохранения для потомков. Впоследствии, в период учебы в Строгановском училище, взгляды Шергина изменились, возник интерес к собирательской деятельности, не иссякший и по окончании училища в 1917 г. Профессиональный подход к фольклору воплотился в публикации двух вариантов «Сна Богородицы» в газете «Возрождение Севера» в 1919 г.

В тексте № 1 «Сна Богородицы» в записи Шергина создается картина страданий Христа, переданных через материнские переживания Богородицы. Сюжет традиционный: Богородица в пророческом сне узнает о грядущем распятии Сына, и явившийся Господь объясняет сон, утешает Мать. Сочетание трагизма и лирики, высокого божественного подвига и человеческого сострадания давало основу для эстетических переживаний.

«Сон» представляет собой сюжетное произведение лиро-эпического характера, состоит из поэтического вступления и двух частей: 1) описание самого сна; 2) объяснение к нему Спасителя. Объяснение незаконченное, текст неожиданно обрывается. Обычно в духовных стихах Сын объясняет смысл своего страдания, пророчествует о дальнейшей земной жизни Пресвятой

Богородицы и о том, как ее будут почитать после Успения. Нередко содержание «Сна» перерастает в обещание блаженств, которые ожидают тех, кто этот «Сон» читает или хранит. Нечто подобное наблюдается у Шергина в тексте № 2, концовка которого напоминает заговор.

В тексте № 1 повествование ведется от третьего лица (обычно в духовных стихах «Сон Богородицы» используется 1 лицо)²³:

Гуси вы, гуси серы;
Где вы, гуси, были?
Что вы, гуси, чули?
Во городе в Ерусалиме,
На Божьей реки на Ердане,
На той горе на Сионе,
В соборные церкви на уборе
Почивала мати Мария
Со всеми двенадцатью апостоле,
С херувимами, с серафимами,
И со всеми небесными силами.

Во вступлении называются место, на котором Богородица «почивала» и видела свой сон, свидетели пророческого сна, окружавшие ее (двенадцать апостолов, серафимы, херувимы и все небесные силы). Обозначение места действия имеет символический смысл: святой город Иерусалим, река Иордан, гора Сион, соборная церковь. Это сакральные места, тесно связанные с земной жизнью Христа и смыслом его вероучения (смерть, Воскресение, Крещение, Тайная вечеря).

В других вариантах «Сна» Богородица почивала в «Вифлееме, граде иудейском, в Божий церкви за престолом», «на горе Елеонской», «в Вифлееме Иудейском, на реце Иордане» и др.

Завязкой сюжета служит приход Иисуса Христа к Богородице и вопрос, наполненный чувством сыновней заботы:

Как и придет к ей да Сын Божий:
– Ты ладно ли, мати, ночевала,
Много ли во сне увидала,
К добру твой сон, али к худу?

Далее следует ответ Матери, в котором излагается содержание страшного сна. Описание сна и последующий ответ Божественного Сына составляют основное содержание духовного стиха «Сон Богородицы». Форма диалога придает ему остроту конфликта и динамичность:

– Я мало ночесь ночевала,
Я много во снах увидала!
А будто я сына спородила,
Я в синем море сына окунала;
Я в Ердан реки сына крестила.
Нарекала я сына Иисусом,
Называла его Божьим Сыном.
Я во пелены сына пеленала,

Во свивальнички сына завивала,
Прибежали жиды-лиходеи,
Из рук у меня чадо схватили
Да железным ужем связали.
На той реки на Ердани
Пред понтицким, пред Пилатом
Иудеи крес становили,
На крест тебя сына подымали,
Копьем тебя закололи,
Смолой тебя напоили
Да во гроб мое чадо забивали,
Жолтым песком засыпали,
Да кто бы мне сон приразгадал,
Да кто бы мне сон приповедал?
К добру сей сон али к худу?!
Речет ей Сын да Сына Божий:
– Ты мати, мати Мария!
Ты мало ночесь ночевала,
Не к добру ты сон увидала.
Как настанет велико Говейно,
Тогда придет Страшна неделя,
Меня жиды поймают
На той реки на Ердане!
Чуден крест постановят;
На крест меня повесят;
Копьем меня заколют;
Во гроб меня заколотят,
Желтым песочком засыплют.
Не плачь, не плачь, моя мати...

На этом произведение обрывается. Как видим, в нем евангельские события воссоздаются с некоторыми искажениями: место крещения Иисуса Христа река Иордан становится местом казни Господа, «во гроб <...> забивали, Жолтым песком засыпали» – эти подробности явно пришли из погребального обряда и похоронных причитаний. Весь текст пронизан горем Матери, провидящей грядущие страдания и крестную смерть своего Сына, в то время как в каноническом тексте Священного Писания внутренние переживания Божьей Матери сокрыты. Описание мучений Сына на кресте усиливают трагичность содержания духовного стиха.

Произведение близко традиции народной причеты не только по образному строю («Я во пелены сына пеленала, / Во свивальнички сына завивала»), но и по интонациям, и, видимо, по манере исполнения, по своему музыкальному напеву.

Мотив сна – сквозной в этом произведении, является сюжетным стержнем от начала до конца стиха. Он связан и с образом Иисуса Христа, и с образом Богородицы. Желание Матери, чтобы ей сон «приразгадали», «приповедали», противоречит православному канону. Однако в большинстве текстов «Сна Богородицы» (и апокрифических, и народно-песенных) именно на этом строится сюжет: сон – его разъяснение (разгадка). Вряд ли причину такого использования мотива сна нужно видеть в сохранении остат-

ков языческих воззрений народа. Фольклорная формула «к добру или к худу» в данном случае представляет собой горестное вопрошание Богородицы, наполнено ее тревогой, содержит некую загадку, которую разгадывает Господь.

«В процессе бытования “Сна” в поздней рукописной традиции, – пишет исследовательница Л. С. Соболева, – происходит погружение христианского текста в предметно осязаемый мир. Библейские события обретают не столько мистическое звучание, сколько социально-бытовое, близкое к тем страданиям и испытаниям, которые выпадали человеку»²⁴. Данное утверждение можно распространить на текст, опубликованный Шергиным. Христос в нем представлен не только как спаситель мира, но и как любящий сын, который трогательно утешает мать, заботится о ней. Богородица изображена как любящая мать, для которой самое большое горе – потерять свое дитя. Она скорбит о своем сыне, как обычная мать.

«Сон Богородицы» – произведение, воплощающее идею материнской и сыновней любви. На примере идеала высшего порядка – Христа – в нем утверждается как нравственный закон любовь и забота о матери. По мысли Г. П. Федотова, «тема безвинного страдания стоит в центре религиозного внимания певца»²⁵. Читатель (слушатель) оказывается сопричастным страданиям Христа через глубокие материнские переживания, что делает произведение трогательно-лирическим.

В духовных стихах люди выражали свою любовь к Богородице, проявляли интерес к тем сторонам ее жизни, о которых не говорилось в Евангелии, искали ответы на животрепещущие вопросы веры. Ответы эти порою не совпадали с каноническими, были «приземлены» и ошибочны. Но слагались духовные стихи от полноты сердца, как рождается любая поэзия.

Публикация вариантов духовного стиха о сне Пресвятой Богородицы в газете «Возрождение Севера» явилась продолжением более ранних шергинских публикаций (1916 г.) подлинных народных былин и баллад в газете «Архангельск». Все эти ранние публикации, относящиеся к 1916–1919 гг., «еще не тронуты пером Шергина-писателя, привнесившего индивидуальное авторское начало в свои позднейшие обработки народного эпоса»²⁶. Они стали живым свидетельством собирательской деятельности Шергина-фольклориста в указанный период, его увлечения народной культурой Северного края, «словесным жемчугом» родного фольклора.

Примечания

¹ Сон Богородицы / публ. Б. Шергина // Возрождение Севера. 1919. № 75 (182). 6 апр. Газета «Возрождение Севера» выходила с 1918 по 1920 г. и относилась к невоветским периодическим изданиям, которые долгое

время находились в спецхране Публичной библиотеки. См. информацию о ней в каталоге собрания Российской национальной библиотеки: «Несоветские газеты (1918–1922 гг.)». СПб., 2002. С. 28.

- ² Там же.
- ³ См.: Сон Богородицы / публ. П. Табанина // Возрождение Севера. 1919. № 69 (176). 30 марта. П. А. Табанин был редактором данной газеты с января по апрель 1919 г., за это время вышло 86 номеров с еженедельным воскресным приложением к ней «Литература, наука и искусство». См.: Несоветские газеты (1918–1922 гг.). С. 28.
- ⁴ См. об этом: «Было нас – четырнадцать»: воспоминания Петра Табанина / публ. Е. Овсянкина // Изв. Русского Севера. 2009. № 1. С. 18–23. Историк С. В. Волков, составитель базы данных «Участники Белого движения в России» на январь 2016 г., фиксирует следующие факты биографии П. А. Табанина: «Табанин Петр Алексеевич, р. 1891. Из крестьян Архангельской губ. Земский фельдшер. В белых войсках Северного фронта; с мар. 1919 в Шенкурском батальоне. Остался в СССР» (URL: <http://swolkov.org/info1.htm> (дата обращения: 03.12.2018)).
- ⁵ Егоров Б. Тайны Бориса Шергина // V Межрегиональные Шергинские чтения «Культурное наследие Бориса Шергина и Евгения Коковина», посвященные 125-летию Бориса Викторовича Шергина и 105-летию Евгения Степановича Коковина : сб. материалов V Межрегион. Шергинских чтений. Архангельск, 2018. С. 43.
- ⁶ «В личном деле Бориса Шергина, – пишет Т. Ф. Мельник, – пять документов: заявление о приеме на работу, удостоверение художника-инструктора, анкета, опросный лист, удостоверение на получение продовольственных карточек (причем, по первому разряду, как лицу, занимающемуся физическим трудом: резьбой по дереву, чеканкой по металлу, малярным делом, лепкой из глины, формовкой и т. д.)». (Мельник Т. Московская свеча Шергина. URL: https://www.cultnord.ru/?act=showItem&id_item=329 (дата обращения: 12.12.2018)).
- ⁷ Там же.
- ⁸ Егоров Б. Указ. соч. С. 43–44.
- ⁹ Там же. С. 43. Третья версия содержится в неопубликованной автобиографии: «В 1919 году я, попав под трамвай, потерял правую ногу, пальцы левой ноги» (Цит. по: Шульман Ю. Борис Шергин : годы в Архангельске // Наследие Бориса Шергина : сб. ст. / сост. и отв. ред. Е. Ш. Галимова. Архангельск, 2004. С. 26).
- ¹⁰ Об участии Б. В. Шергина в этой научной экспедиции см.: Иванова Т. Б. В. Шергин и Московская диалектологическая комиссия (эпизод из жизни писателя) // Рус. лит. 1985. № 4. С. 228–229.
- ¹¹ Сон Богородицы / публ. П. Табанина.
- ¹² Там же.
- ¹³ В библиографическом указателе ошибочно написано, что данная публикация Шергина напечатана в газете «Возрождение Севера» 8 апреля 1919 г. и подписана инициалами автора: Б. Ш. На самом деле она появилась в печати 6 апреля 1919 г. за подписью: Б. Шергин.

- (См.: Борис Викторович Шергин : биобиблиогр. указ. / Арханг. обл. науч. б-ка им. Н. А. Добролюбова ; сост. : В. С. Смирнова, Л. Е. Каршина ; науч. ред. Е. Ш. Галимова. Архангельск, [б. и.], 2006. С. 38).
- ¹⁴ Иванова Т. Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках. СПб., 1993. С. 36.
- ¹⁵ См.: Хлыбова Т. Духовные стихи о Егории Храбром из собрания А. В. Маркова. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/gyabinin-2003/31.html> (дата обращения: 14.11.2018).
- ¹⁶ См. об этом: Иванова Т. Письма Б. В. Шергина к Ю. М. Соколову // Рус. лит. 1984. № 4. С. 160.
- ¹⁷ Там же. С. 161.
- ¹⁸ Там же. С. 163.
- ¹⁹ Там же. С. 164.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ См.: Пытин А. История русской литературы : в 4 т. Т. 1. СПб., 1902. С. 422.
- ²² См. об этом: Федоровская Н. Духовный стих в русской культуре. Владивосток, 2009 ; *Ее же*. О роли каликов переходных в отечественной культуре X – начала XX века // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2010. № 16 (197). Филология. Социология. Культурология. Вып. 17. С. 63.
- ²³ Текст «Сна Богородицы» цитируется с сохранением орфографии и пунктуации первой публикации.
- ²⁴ Соболева Л. Устная и рукописная традиции апокрифического сюжета «Сон Богородицы» // Фольклор Урала. Свердловск, 2000. Вып. 11 : Устная и рукописная традиции. С. 218.
- ²⁵ Федотов Г. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991. С. 23.
- ²⁶ Иванова Т. Письма Б. В. Шергина к Ю. М. Соколову. С. 160.

Образец для цитирования:

Черемисинова Л. И. «Сон Богородицы» в записи Б. В. Шергина // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 325–330. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-325-330>

Cite this article as:

Cheremisinova L. I. The Dream of the Mother of God Recorded by Boris Shergin. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 325–330 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-325-330>

УДК 821.161.1.09-3-2-225+929[Андреев+Буренин]

Пародии В. П. Буренина в антисемитском дискурсе начала XX века

Г. Н. Боева

Боева Галина Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, g_boeva@rambler.ru

В статье исследуются пародии В. П. Буренина на пьесы и прозу Леонида Андреева первых двух десятилетий XX в. Вскрывается механизм отождествления критиком литературного модернизма и «порчи» языка русско-еврейскими писателями. Объясняется, почему русский писатель Леонид Андреев в буренинских пародиях развенчивается как воплощение «жидовства» в литературе начала века.

Ключевые слова: В. П. Буренин, Леонид Андреев, антисемитизм, пародии, рецепция, литературная репутация.

V. P. Burenin's Parodies in the Anti-Semitic Discourse of the Beginning of the 20th Century

G. N. Boeva

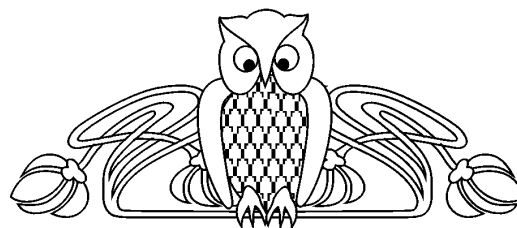
Galina N. Boeva, <https://orcid.org/0000-0002-6021-3687>, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 18 B. Morskaya St., St. Petersburg 191186, Russia, g_boeva@rambler.ru

The article explores V. P. Burenin's parodies of plays and prose by Leonid Andreev in the first two decades of the 20th century. The article lays bare the mechanism of Burenin's identifying literary modernism with the 'corruption' of the Russian language by Jewish Russian writers. The author of the article elucidates why the Russian writer Leonid Andreev is dethroned in Burenin's parodies as a manifestation of 'kikeness' in the literature of the beginning of the century.

Keywords: V. P. Burenin, Leonid Andreev, anti-Semitism, parodies, reception, literary reputation.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-331-335>

В ноябре 2017 г. в Москве Всероссийский съезд в защиту прав человека учредил антипремию Ю. Штрейхера – «юдофоба № 1» в третьем рейхе, личности патологической даже на фоне приближенных фюрера. Антипремию эту предполагается вручать «представителю российских СМИ, внесшему наибольший вклад в атмосферу ненависти и лжи»¹. По сути, эта премия – «бу-кет» из нескольких антипремий, чей вклад в нагнетание атмосферы клеветы и нетерпимости в современном российском социуме особенно впечатляет. Антипремия не нацелена на специальное «чувствование» антисемитов, да и само слово «антисемитизм» там не фигурирует: она направлена против лживости СМИ, цензуры, разжигания ненависти. Однако очевидно, что сам выбор

«антибренда» в лице Штрейхера предполагает в том числе и борьбу с антисемитизмом. Вторая номинация в рамках антипремии связана с тоже одиозной в контексте российского «еврейского вопроса» фигурой – В. П. Бурениным (1841–1926), литературным критиком, публицистом, сатириком.

Литературная деятельность Виктора Петровича Буренина, длиною более полувека, началась еще в середине XIX столетия – сначала в журналах «Искра» и «Зритель», затем – в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Он был поистине «человеком-оркестром», работая чуть ли не во всех родах и жанрах словесности: писал критические статьи, пародии, фельетоны, прозу, переводил, сочинял сатирические стихи и поэмы. Нас будет интересовать тот период его деятельности, который связан со временем его сотрудничества с газетой «Новое время» (1868–1917). Сама газета, возглавляемая А. С. Сувориным, тоже имела неоднозначную репутацию: с одной стороны, ее по праву можно считать первой «газетой-империей», сумевшей организовать свою работу по европейскому типу и привлечь к сотрудничеству высококлассных профессионалов (например начинающего фельетониста А. П. Чехова), с другой – она приобрела славу сервильной, беспринципной, безнравственной, «черносотенной» по духу. Сам Суворин тоже отличался антисемитскими взглядами, и дело Дрейфуса, в отношении к которому газета заняла дремуче-реакционную позицию, окончательно отвратила Чехова и многих других либеральных литераторов от этого органа печати. Персонаж нашей статьи, Буренин, известен и своими антидрейфусовскими публикациями на страницах газеты, но нас будут интересовать его пародии, посвященные произведениям Леонида Андреева и датированные 1907–1912 гг.

Критический метод Буренина, восходящий к эстетике Д. И. Писарева, с одной стороны, ориентировался на вкусы и запросы массового читателя и отражал штампы массового культурного сознания той поры, а с другой – своеобразно преломлял собственные общественные и эстетические установки критика. Хотя Буренин позиционировал себя как политически неангажированного критика, его социально-политические взгляды, явленные в литературной продукции, не могут быть расценены иначе, как крайне реакционные и антисемитские. Главная социальная ценность искусства, с точки зрения Буренина, –

его общедоступность и ориентация на интересы «среднего человека»: критик был в числе «пионеров» журналистики, ориентированной на интересы и запросы массового читателя².

В списке «жертв» Буренина к началу века значилось уже немало имен – Н. М. Каткова, А. А. Краевского, М. М. Стасюлевича, Н. К. Михайловского, С. Я. Надсона (смерть последнего даже связывалась с оскорбительными выпадами критика в адрес умирающего поэта). «Фирменный стиль» Буренина предполагал смесь из провокационности, «перехода на личности», откровенной брани в адрес героев своих опусов, установки на литературный скандал³ и абсолютного пренебрежения социально-нравственными табу.

К началу века Буренин сконцентрировал свою критическую злость на модернистской/ декадентской литературе: Бальмонте, Блоке, Гиппиус, Сологубе, Брюсове и других поэтах-символистах. Таким он предстает в знаменитой эпиграмме Д. Минаева: «По Невскому бежит собака, / За ней Буренин, тих и мил... / Городовой, смотри, однако, / Чтоб он ее не укусил»⁴. Однако «пародической личностью» (в тыняновском смысле) для Буренина стал Леонид Андреев, против которого с начала 1900-х гг. он буквально пошел «крестовым походом»: чуть ли не на каждую новинку Андреева критик реагирует в том или ином жанре – иногда в нескольких одновременно. Андреев станет для нововременского критика воплощением всех модернистских грехов, осуждаемых с позиции классической традиции, столь бесспорной для идеального «массового человека». Известно, что Буренин просил похоронить его с томиком Пушкина в руках. Вряд ли его завещание было осуществлено, поскольку в последние годы он был заброшенным нищим стариком, жившим на пособие, которое выхлопотал у властей некогда гонимый им Горький. Оставляя как скобки вопрос, почему именно Андреев стал главной «жертвой» буренинских нападок – полагаем, в силу своего статуса модного писателя (т. е. идеальный объект развенчания в глазах масс) и узнаваемости стиля (пародия предполагает прежде всего овладение приемом, и андреевский прием был наглядно ощутим и легко воспроизводим).

Важно отметить, что Буренин был в своих пародиях талантлив, да и вообще эстетически и литературно одарен – это признавали и Суворин, и Салтыков-Щедрин, и Достоевский, и многие другие весьма достойные современники критика.

Нам предстоит постигнуть некий парадокс: Леонид Андреев, русский писатель, не имеющий никакого отношения к русско-еврейской литературе (кроме естественного влияния на нее «андреевского стиля»), поскольку писатель входил в современный «литературный канон» и был ориентиром для многих русско-еврейских писателей⁵), становится в глазах Буренина не только главным эстетическим врагом, ответственным за

все «грехи» «модерн-литературы», но и «жидовским писателем», наряду с русско-еврейскими литераторами (Д. Айзманом, С. Юшкевичем и др.). Напомним, что подобным приемом Буренин пользовался и тогда, когда травил С. Надсона, но тот все же был сыном еврея⁶. Здесь же происходит некая аберрация, требующая историко-культурного комментария и толкования.

Первой в числе пародийных пьес по мотивам андреевских стала «Жизнь Дурака-модерн: Траги-пародийное представление в стиле “нуво”»⁷, подписанная одним из постоянных псевдонимов Буренина – Алексис Жасминов. Структура буренинского опуса ориентирована на текст-оригинал: «представление» состоит из картин, соответствующих картинам «Жизни Человека» («Рождение Дурака-модерн» и т. п.). Пародия последовательно построена на приеме травестии: действие происходит в сумасшедшем доме и в доме Дурака-модерн (описание дома недвусмысленно намекает на дачу Андреева на Черной речке, в Финляндии).

На протяжении всей пародии рассеяны выпады против «жидов» (слово это, разумеется, в прессе начала века уже расценивалось как отклонение от литературной нормы), уродующих русскую речь и пишущих «глупо-жидовские» произведения: обильно цитируется проза Д. Айзмана (в частности «Сердце бытия»), сочиняющего «еще глупее, чем Леонид Андреев»⁸. Пародийным двойником андреевского Некто в сером выступает персонаж в национальной еврейской одежде – «Некто в засаленном лапсердаке цвета стен желтого дома и в такой же ермолке»⁹.

Буренин применяет здесь свой излюбленный прием – буквальную цитацию. Фразы, вырванные из контекста, своей взвинченной, экспрессивной стилистикой производят комический эффект:

– ...Вот из Леонида Андреева: «Прелестная женщина целует меня в губы... Зубы у ней, как у крокодила. Она хочет укусить меня. Прочь, шлюха!

– Я не шлюха. Я старая беременная змея. Уже целый час смотрю я, как из моей утробы выходят маленькие змейки и ползают. Эй, не раздавите змееныша.

– У меня под черепом ползают тараканы.

– Мой мозг похож на скверный сыр.

<...>

– Это хорошо. Но Айзман сочинил бы еще лучше. Айзман сказал бы, что из утробы женщины выходят калоши, сапоги и подушки, наполненные еврейскими вздохами.

– А под черепом у него бы заползали не тараканы, а мокрицы, каракатицы, крысы, жабы и крокодилы.

– А мозг у него был бы похож не на скверный сыр, а на тухлое яйцо»¹⁰.

«У Айзмана жидовское воображение, а у Андреева еще только полужидовское. <...> В конце концов, однако они стоят друг друга – Андреев и Айзман»¹¹, – подытоживает пародист.

Пародия эта, открывая «антиандреевскую кампанию», абсолютно вписывается и в другую, антисемитскую «кампанию», которую Буренин много лет уже ведет в рамках общей политики «Нового времени». Во всех опусах, развенчивающих Андреева, рассеяны выпады против него как носителя «жидовского жаргона»¹² и проводятся параллели между его творчеством и русско-еврейской («жидовской») литературой.

Образ еврея (многострадального еврея, угнетаемого еврея, еврея дискриминируемого), появившийся в русской литературе на волне реализма еще у Пушкина и Гоголя, как отсылка к действительности, некий социальный штрих, к началу XX в., времени погромов и обострения еврейского вопроса, по-прежнему частотен. В качестве фона для буренинских пародий возьмем пародии (или, точнее сказать, перепевы) на ту же «Жизнь Человека». Так, Влад. Азов публикует «Жизнь русского человека» – крайне политизированный памфлет, правда, либерального толка¹³. Примечательны реплики старух в Прологе перед рождением Русского человека, отсылающие к «еврейскому вопросу»:

«– Кажется, закричала наша роженица?

– Нет, это закричал на улице еврей»¹⁴.

Отсылает к «еврейскому вопросу» и пародия О. Л. Д'Ора, в которой «перепевается» только последний акт андреевской пьесы: замечание «Пахнет гнилью» у смертного одра Человека вызывает вопрос, не связан ли неприятный запах с появлением у постели умирающего Суворина – намек на реакционное «Новое время»¹⁵.

Как видим, позиции авторов приведенных перепевов противоположны буренинской, и на фоне их «Жизнь Дурака-модерн», несмотря на очевидную талантливость по форме, по содержанию – откровенное антисемитское высказывание. Делая андреевского Некто в сером «жидом», критик весьма последовательно развенчивал автора сразу в двух направлениях – и как своего эстетического противника, осквернителя русской речи, и как врага политического. «Представление», таким образом, выступает одновременно и как пародия, и как политический памфлет, даже пасквиль, учитывая его реакционный и антисемитский дух.

Антисемитские выпады обнаружим и в других буренинских пародиях – на пьесы Андреева «Жизнь Человека», «Анатэма», «Екатерина Ивановна», «Профессор Сторицын», роман «Сашка Жегулев».

Особое место среди них занимает пьеса «Калоши на головах»¹⁶, направленная против ненавистного Буренину модерн-искусства. Действие этого «балаганно-лубочного леонидо-андреевского представления для взрослых хронических идиотов» (таков подзаголовок пьесы) происходит в чухонском сумасшедшем доме в Куоккальском герцогстве, опять прозрачно намекающем на дом Андреева в Финляндии. Хозяин дома – Леонидо

Идиотто, герцог ди Куокало. Уже в ремарках мы узнаем о неких «харитонах» – слугах, которыми, как поясняет автор в ссылке, «называются вообще редакторы жидовских газет; название сие присвоено им в честь г. Харитона, редактора «Бако-Милуковско-Гессенской Речи»¹⁷. Именно им Леонидо Идиотто заказывает выпивку – и тут же спуют «сотрудники жидовских распивочно-политических листков»¹⁸.

Гости куоккальского дома – известные поэты-модернисты, весьма прозрачно зашифрованные: Бальмонто Ахинео, Донна Кретина, графиня ди Чепухитта, синьор Саллоглуппо, придворные поэты Андрео Белогорячио и Блюкио.

Приведем образчик «декадентской стряпни», талантливо стилизованной Бурениным. Так, Бальмонто Ахинео читает свои стихи:

Считай четою с светлостью прозрачность
И красность с желтностью в башмачности сапог,
Пиджачность то же, что жилетность, фракность,
И с панталонностью у них единый Рок.

Но глупность что? А то же, что дурачность.
Без горбности горбатность не порок.
Задачность в том: бездарья неудачность
Иметь должна проглядность между строк.

Писачность перейти должна в кривлякность,
В зигзажность беспрерывную макак.
Поэзия есть высшая макакность.

Так будь, поэт, макакою! Но как?
А так, что, бросив смысловость и условность,
Впади скорей в жаргонную жидовность¹⁹.

Как видим, здесь ясно обозначается мишень – «жидовский жаргон», на котором пишут гости герцога Идиотто (надо ли говорить о том, что под этими персонажами подразумеваются русские поэты Бальмонт, Сологуб, Блок, Белый, Гиппиус и др.). Бальмонто Ахинео далее прямо заявляет, что он пишет «в жаргонно-жидовском жанре»; упоминается о «мейерхольдовско-теляковских мелодиях в новожидовском тоне», о «жидовских плясках»:

Мы нарядимся шутами
В черных, в желтых, в красных масках
И в куоккальском Бедламе
Закружим в жидовских плясках²⁰.

«Семь горбатых старух», секущих синьора Саллоглуппо, хихикают: «А мы “Венеру в мехах” Захер-Мазоха, переведенную жидами, с Федором Сологубом вместе штудировали»²¹.

Называя язык Андреева «жидовским жаргоном» и отказывая пародируемым произведениям в праве на нормативность, включенность в уважаемую критиком классическую традицию, Бу-

ренин, тем не менее, обнаруживает и эстетическое чутье, и незаурядный дар стилизатора. Так, в пародии на «Анатэму», названной «Анафема: Леонидо-андреевская бедлама в одной картине», критик характеризует речь своего персонажа как набор «бессмысленно-нелепых фраз, вроде: “черный свет”, “сухая вода”, “жидкий камень” и т. п.»²², нарочитой оксюморонностью стилизуя непривычную мотивированность эпитетов и прихотливость лексических связей у Андреева. В сущности, объект осмеяния здесь шире, чем поэтика Андреева: обнажая приемы модернистского словотворчества, Буренин явно идет вслед за Вл. Соловьевым и пародирует «поэзию в новом вкусе».

В «Театральных аттракционах» Буренина обнаружим пародию на андреевскую пьесу «Профессор Сторицын» – под названием «Писатель Оглупеев». Диагноз, который ставит здесь новейшему искусству Буренин, тоже окрашен антисемитизмом:

Искривлены четыре позвонка,
Поставлены лопатки скверно,
И в общем – пакостный скелет
В жидовском стиле русского модерна...²³

Верен избранным стратегиям Буренин и в пародии на роман Андреева «Сашка Жегулев», выполненной в стиле разбойничьего лубка и названной «Стенька Кистень, или Гимназист-разбойник. Лубочно-красный роман в 2-х частях» (за подписью Эраста Пузыря – еще одной литературной маски критика)²⁴. По логике автора опуса, не кто иной, как Андреев, является вдохновителем беспорядков и терроризма, и в таком случае пародия действительно может быть расценена как «доносительная»²⁵. Однако важно подчеркнуть, что и здесь памфлетность Буренина абсолютно антисемитского толка: действие в пародии происходит в городе Жидовске, главный герой, ставший разбойником, сын Хайи Зодиаковны Грифель, а его ближайший помощник, Мордарий Маузерович, прямо отнесен к «типу недавней жидовско-хулиганской революции»²⁶. Таким образом, и здесь Леонид Андреев развенчивается как идеолог «жидовства» и пародия предстает частью буренинского идейного антисемитизма.

Очевидно, что буренинская аберрация имеет не только личные причины (совмещение лично ему ненавистных явлений в литературно-общественной жизни начала века), но и объективные. А именно проявившиеся в литературе начала XX в. стилевые тенденции, которые отдельные русские критики и литераторы связывали с приходом в русскую литературу «южного» влияния одесситов – талантливых критиков, писателей, публицистов (В. Жаботинский, К. Чуковский и др.) – и рассматривали как «порчу» языка и культурной традиции²⁷. Кроме того, Буренин, опыт-

ный журналист и фельетонист, делающий ставку на массовое искусство, интуитивно чувствовал, что запросы массового читателя не исключают установку на антисемитизм, имеющий в своей основе некий стадный, массовый инстинкт.

Антисемитизм Буренина, в свою очередь, тоже стал объектом пародии. Так, в «Моем копите» у Е. Венского читаем: «Раньше были в литературе хоть просто гады, а теперь жиды напозло!! Со всего света сошелся жид на русскую литературу, испоганил, облевал, осрамил. Иной, где-нибудь в Бердичеве или Шклове портным был и хорошим портным, и вдруг теперь такие романы пишет, что индо мороз по жилам. Другой ночную посуду в Одессе лудил, а теперь сам очень хорошую газету издает. То, что раньше считалось единицами, в роде Надсона, – теперь считайте миллионами. Жид, жид, жид... Андреев, Горький, Юшкевич, Фруг, Якубович, Амфитеатров... Прислали книгу для отзыва. Автор несомненный жид: Ауслендер. И манера письма у него жидовская, и заглавия жидовские, и темы жидовские»²⁸.

Сам Буренин прекрасно осознавал антисемитскую составляющую своего критического яда: в его «автопортрете», драматической картине «Раскаяние Буренина Грозного», он окружен своими жертвами, среди которых «Тени еврейских поэтов»²⁹.

Стоит ли говорить, что вследствие своего антисемитизма Буренин понес немало репутационных потерь. Несмотря на профессионализм, необычайную плодовитость и литературное долголетие, уже современники воспринимали его как живой анахронизм. Еще при жизни критика З. Н. Гиппиус так характеризует его: «Судьба его – печальная судьба непонятого неудачника. Кажется, он обладал поэтическими способностями, большим литературным вкусом и пониманием. Но почему-то осекся (еще в незапамятные времена) и навеки озлобился. Все свои способности он употребил на выработку яда, все литературное остроумие – на высмеивание, на грубый памфлет. Вот уже лет десять, как Буренин потерял глаза и зубы. <...> Злобная критика его свелась окончательно к двум словам: жид и баба. Вся литература для него разделилась на две части: с одной стороны, жида, а с другой – бабы»³⁰. По поводу этой реакции нельзя не припомнить «принципиальное исследование» О. Вейнингера «Пол и характер» (1902), чрезвычайно популярное в России начала XX в.³¹: носителями «женского» начала для австрийского философа выступают женщины (независимо от расы и национальности) и мужчины-евреи. Противопоставление Вейнингером «женского» (т. е. безнравственного) иудаизма «мужскому» христианству (глава «О еврействе») во многом послужило основой антисемитской пропаганды среди австрийских юдофобов. Не исключено, что Буренин разделял эти взгляды.

Видимо, именно репутация помешала Буренину стать предметом объективного литературоведческого исследования: несмотря на внушительные объем и литературное качество его многожанрового наследия, только недавно стали появляться диссертации, посвященные отдельным аспектам его творчества³².

Переживший свою эпоху, он вошел в литературную память именно своими антисемитскими выходками – об этом свидетельствует и ныне учрежденная номинация в рамках антипремии имени Ю. Штрейхера. Подведение ее в конце каждого года будет показывать, кто в современной отечественной журналистике и публицистике наследовал сомнительные лавры Буренина.

Примечания

- 1 Яковенко И. Антипремия имени Юлиуса Штрейхера // Демократическое сетевое сообщество. URL: <http://demset.org/f/showthread.php?p=30157> (дата обращения: 28.06.2018).
- 2 См.: Соловьева И., Шитова В. А. С. Суворин на фоне газеты. М., 2017.
- 3 См.: Шабалина Н. Литературный скандал в критике В. П. Буренина // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154, кн. 2. С. 145–151.
- 4 Минаев Д. <На В. П. Буренина> // Русская эпиграмма второй половины XVII – начала XX в. : антология. Л., 1975. С. 506.
- 5 См.: Боева Г. Творчество Леонида Андреева и эпоха модерна. СПб., 2016. С. 495–518.
- 6 См.: Рейтблат А. Буренин и Надсон : как конструируется миф // НЛО. 2005. № 5 (75). С. 154–166.
- 7 См.: Жасминов Алексис, граф <В. П. Буренин>. Жизнь Дурака-модерн : Траги-пародийное представление в стиле «нуво» // Новое время. 1907. 14 (27) сент. (№ 11317). С. 4 ; 12 (25) окт. (№ 11345). С. 4.
- 8 Там же. 14 (27) сент. (№ 11317). С. 4.
- 9 Там же.
- 10 Там же. 12 (25) окт. (№ 11345). С. 4.
- 11 Там же.
- 12 См.: Буренин В. Анафема : Леонидо-андреевская бедлама в одной картине // Буренин В. П. Собр. соч. : в 5 т. Т. 5. Пг., 1917. С. 171.
- 13 См.: Азов Влад. <В. А. Ашкинази.>. Жизнь русского человека : Представление в 5-ти неприятностях с прологом // Современное слово. 1908. 13 апр. (№ 184). С. 2.

- 14 Там же.
- 15 См.: Д'Ор О. <И. Л. Оршер>. Смерть Человека : Сочинение Леонида Андреева и мое // Современное слово. 1908. 5 апр. (№ 177). С. 2.
- 16 См.: Буренин В. Калоши на головах. Цит. по: Андреев Леонид Николаевич : Библиография. Вып. 2а : Аннотированный каталог Собрания рецензий Славянской библиотеки Хельсингского университета / сост. М. В. Козьменко. М., 2002. С. 142–151.
- 17 Там же. С. 143.
- 18 Там же.
- 19 Там же. С. 144.
- 20 Там же. С. 150.
- 21 Там же. С. 148.
- 22 Буренин В. Анафема : Леонидо-андреевская бедлама в одной картине. С. 172.
- 23 Буренин В. Писатель Оглупеев : Пьяно-драма // Буренин В. Собр. соч. : в 5 т. Т. 4. Пг., 1916. С. 152.
- 24 См.: Жасминов Алексис, граф <В. П. Буренин>. Стенька Кистень, или Гимназист-разбойник. Лубочно-красный роман в 2-х частях // Новое время. 1912. 27 янв. (№ 12887). С. 5 ; 3 февр. (№ 12894). С. 5.
- 25 См.: Иезуитова Л. Леонид Андреев и лубок // Иезуитова Л. Леонид Андреев и литература Серебряного века : Избранные труды. СПб., 2010. С. 340.
- 26 Жасминов Алексис, граф <В. П. Буренин>. Стенька Кистень, или Гимназист-разбойник. Лубочно-красный роман в 2-х частях // Новое время. 1912. 27 янв. (№ 12887). С. 5.
- 27 См.: Боева Г. Леонид Андреев в «чириковском инциденте» : реконструкция позиции // Научные труды по иудаике : материалы XVIII Междунар. ежегод. конф. по иудаике. М., 2011. С. 253–262.
- 28 Венский Е. Мое копыто. Книга великого пасквиля. СПб., 1911. С. 56.
- 29 См.: Глинский Б. В. П. Буренин // Глинский Б. Б. Среди литераторов и ученых. Пг., 1914. С. 87–88.
- 30 Гиппиус З. Книжки, читатели и писатели // Гиппиус З. Собр. соч. : в 15 т. Т. 7. Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899–1916. М., 2003. URL: <http://gippius.com/doc/articles/knigi-chitateli-i-pisateli.html> (дата обращения: 28.06.2018).
- 31 См.: Берштейн Е. Трагедия пола : две заметки о русском вейнингеризме // Эротизм без берегов : сб. ст. и материалов. М., 2004. С. 64–89.
- 32 См.: Игнатова И. Литературно-критическая деятельность В. П. Буренина : генезис, эволюция, критический метод : дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

Образец для цитирования:

Боева Г. Н. Пародии В. П. Буренина в антисемитском дискурсе начала XX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 331–335. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-331-335>

Cite this article as:

Bueva G. N. V. P. Burenin's Parodies in the Anti-Semitic Discourse of the Beginning of the 20th Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 331–335 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-331-335>

УДК 821.161.1.09+821.161.1.09-1+929[Абрамович+Лохвицкая]

«Была до дерзости смела...» (Н. Я. Абрамович о М. А. Лохвицкой)

Н. А. Лайне

Лайне Надежда Анатольевна, аспирант кафедры общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nlaينه@yandex.ru

В статье рассматриваются критические отклики Н. Я. Абрамовича, посвященные творчеству ярчайшей представительницы русской женской поэзии XIX–XX вв. М. А. Лохвицкой. Глубокие и неординарные оценки критика представляются значительной вехой в осмыслении ее лирики и играют существенную роль при определении места поэтессы в литературном пространстве эпохи.

Ключевые слова: журнальная литературная критика, любовная лирика, поэзия, статья, рецензия, Абрамович, Лохвицкая.

“Courage and Audacity...”

(N. Ya. Abramovich about M. A. Lokhvitskaya)

N. A. Laine

Nadezhda A. Laine, <https://orcid.org/0000-0002-6892-2170>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, nlaينه@yandex.ru

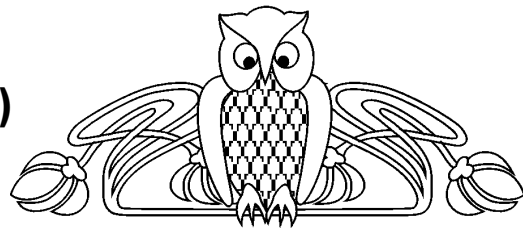
The article discusses the critical responses of N. Ya. Abramovich devoted to the work of the brightest representative of the Russian female poetry of the 19–20th centuries, M. A. Lokhvitskaya. Deep and extraordinary assessments of the critic seem to be a significant milestone in the comprehension of her lyrics, and play a significant role in determining the place of the poetess in the literary space of the era.

Keywords: journal literary criticism, love lyrics, poetry, article, review, Abramovich, Lokhvitskaya.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-336-340>

Николай Яковлевич Абрамович (1881–1922) – беллетрист, поэт-переводчик, публицист и один из плодовитых критиков рубежа XIX–XX вв.¹ Он являлся сотрудником журнала «Русская мысль», газет «Русская правда», «Новости дня» и других печатных органов, был издателем альманаха «Проталина», а в 1910–1911 гг. регулярно размещал обзоры современной литературы в газете «Студенческая жизнь».

Считается, что Абрамович был активным популяризатором идеалистических идей в философии и эстетике. Его порой парадоксальные суждения касались достаточно обыденных для эпохи тем жизни и смерти, стихийности и истинности поэзии, «дионисийского» и «аполлонического» начал в творчестве. Несмотря на то что Абрамовичу в некоторых случаях не хватало истинной глубины при рассмотрении нравственной и философской составляющих произведений,

его выступления в печати отличались особым стилистическим колоритом и экспрессивностью.

Эстетические и философские воззрения Абрамовича, отмечает И. А. Книгин, «складывались, по его собственным словам, в сопротивлении “страшному ощущению удушья” в общественной и духовной атмосфере России 1890-х годов, под влиянием культурной традиции Западной Европы. <...> в проблематике и тематике его критических статей заметно пристрастие к идеям Т. Карлейля, Ф. Ницше, А. Бергсона»². В середине 1900-х гг. критик заметно тяготел к символизму, но приверженцы данного литературного направления видели в нем прежде всего представителя «массовой культуры», «подражателя». К концу же 1900-х гг. сам Абрамович воспринимал символизм и футуризм исключительно как отрицательные и крайние неудачные явления русского модернизма.

Трагической новостью, удивившей и взорвавшей литературную среду тех лет, стала неожиданная кончина «русской Сафо», «певицы любви и страсти» Марии (Мирры) Александровны Лохвицкой (1869–1905). Разные по эстетическим представлениям и притязаниям литературные критики немедленно откликнулись на это печальное событие, ведь Лохвицкая с 1890-х гг. считалась одной из самых популярных русских писательниц, заметно выделявшейся цельностью и завершенностью лирических текстов на фоне мятежных поэтов-декадентов. Можно сказать, что именно она стала первой яркой представительницей уникальной чувственной женской поэзии, за которой последовали А. А. Ахматова и М. И. Цветаева.

Начав печататься в последнее десятилетие XIX в., поэтесса вскоре снискала читательскую славу, а ее дарование было замечено ведущими литературными критиками того времени. Известность пришла к ней после публикации поэмы «У моря» в журнале «Русское обозрение» (1891, № 8). В 1896 г. вышел первый сборник Лохвицкой «Стихотворения (1889–1895)», который был доброжелательно принят литературными кругами. Последующие книги неизменно вызвали активные споры и обсуждения, и к концу 1890-х гг. Лохвицкая считалась едва ли не самым популярным поэтом. Центральной темой большинства ее произведений была любовь. Столь узкая направленность лирики нередко вызывала раздражение «ограниченностью» кругозора и «чрезмерным эротизмом»; Лохвицкую стали почти привычно называть «вакханкой».

Помимо присужденных половинных Пушкинских премий Российской академии наук в 1897 и 1905 гг., Лохвицкая удостоилась и других значимых отличий. 17 декабря 1897 г. ей пришло сообщение «Общества писателей русской словесности при Императорском Московском Университете» за подписями председателя общества Н. И. Стороженко и секретаря Д. Д. Языкова о том, что 13 декабря 1897 г. она избрана в его действительные члены³. К тому же, пьесу Лохвицкой «Ванделин» 12 февраля 1900 г. Московское Отделение Театрально-Литературного Комитета одобрило к постановке на сценах Императорских Театров⁴.

Поэтесса принимала участие в известных «Пятницах Случевского», «Шмаровинских средах», «Фидлеровских обедах»⁵. В знаменитом «Альбоме кружка литераторов “Пятниц К. К. Случевского”», записи в котором начинаются с 12 февраля 1899 г., ее имя указано в списке постоянных участников под номером 27. В тот же день Лохвицкая одной из первых оставила автограф в упомянутом альбоме. Тогда она входила в кружок «Поэтов “Севера”», который был самым многочисленным, ведь именно в еженедельном журнале «Север» состоялся ее дебют в 1888 г. Под крышей Случевского наравне с представителями этого издания собирались «декадентствующие» литераторы (В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт и др.) и «малочисленная, но авторитетная группа в лице Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус и Н. М. Минского»⁶. К званым вечерам Лохвицкая относилась с удивительной теплотой. Правда, судя по списку гостей, который составляли практически каждую пятницу, поэтесса появлялась на встречах довольно редко: упоминания о ней имеются только 21 апреля 1900, 16 ноября 1901 («Сегодня была Лохвицкая», сидевшая в углу)⁷ и 29 ноября 1902; записи самой писательницы после 12 февраля 1899 г. отсутствуют.

Поэтесса заинтересовала Н. Я. Абрамовича тем, что вместе с И. А. Буниным, К. М. Фофановым и А. М. Федоровым «воскресила» тот «свежий импрессионизм», который брал свои истоки в музыкальном и красочном творчестве А. А. Фета. Именно эти поэты, заявлял Абрамович, оставались верны «личному» и создавали «настоящую литературу», отличную от «мрачного творчества» представителей декадентства – К. Д. Бальмонта и В. Я. Брюсова. Негативно отзывался критик и о зарубежных мастерах воплощения «душераздирающих ужасов» и «неискоренной болезненности» Э. По и Ш. Бодлера. Только Лохвицкая, Бунин, Федоров и Фофанов, по его мнению, «остались верны личному <...> Они смогли отразить весенние краски и свежесть, которых больше ни у кого нет»⁸. Из зарубежных авторов он особо выделял У. Россети, О. Уайльда и П. Б. Шелли.

Лохвицкая выделялась на таком фоне особым дарованием, ведь она была женщиной – сама

природа наделила ее особой чувственностью, которую удавалось умело воплощать в текстах. По этой же причине Абрамович не отнес Лохвицкую к символистскому течению. По его словам, она была «слишком чутка, слишком полна жизни»⁹. Все ее произведения, по Абрамовичу, есть «эхо чувств, отзыв весеннего праздника жизни»¹⁰.

Для критика главным критерием отбора авторов являлась их искренность. От стихотворца, который пишет, следуя зову сердца, нельзя требовать «чуждых его душе мотивов», не уставал повторять Абрамович, потому что это «значит требовать насилия его над самим собой». Так и талант Лохвицкой шел из «самой ее натуры», полной красок и звуков, требовавшей любви¹¹.

Стих ее всегда был утонченно-прекрасен и не являлся вычурно-скандальным, как пытались подчеркнуть некоторые рецензенты в своих обличительно-консервативных откликах, ведь произведение у «вульгарного стихотворца никогда такой изысканной нежности не достигнет»¹². Критик не мог не отметить и четкого художественного рисунка, и умелого воссоздания колоритных черт Востока, Древней Греции, Средневековья, которые любому начитанному человеку говорили о подлинном художественном даровании поэтессы и обширных познаниях в области литературы и истории древности. Все это снимало с Лохвицкой упрек в узости и неразвитости.

Абрамович настойчиво подчеркивал, что Лохвицкая являла собой единое целое как яркая неординарная женщина и по-особому тонко воспринимающий окружающий мир лирик; именно поэтому ее творчество было чрезвычайно трудно подчинить определенной системе или разбить на изначально схематичные отделы. Психологическая составляющая текстов интересовала рецензента во всех частях книги Лохвицкой: он пытался детально разобрать как можно больше произведений поэтессы. Основные черты стихотворений Лохвицкой, заявлял критик, развились из-за ее безграничной любви к жизни, которая неразрывно была связана с природой: почти в каждой строчке сквозили удивительная чуткость к окружающему миру и неподражаемая образность, аромат первых весенних цветов, роз и лилий, виднелся неясный облик далеких, дивных грез («Настурции»). Сборник «Стихотворения. Том III» (1900) явил, как полагал Абрамович, расцвет творчества поэтессы.

Упомянул он о Лохвицкой и в одной из своих первых книг «Литературно-критические очерки. Кн. I. Творчество и жизнь» (1909), в которую были включены размышления как о зарубежных, так и о российских писателях. Несмотря на разнообразие имен, представленных в работе Абрамовича, их «обилие и пестрота не уничтожают согласованности и связи <...> Они составляют звенья одной цепи. И если близость, например, Лохвицкой и «Песни Песней», или – Щербины и Гамсуна – может показаться парадоксальной, то

именно здесь, где прослеживается единая нота – Эрос, – открывается глубокая связь всех художников мира, как бы ни различались по величине и характеру таланта. Жизнь миллионами разнообразнейших голосов говорит об одной себе – о жизни»¹³. Раздел сборника, названный «Эстетизм и эротика», Абрамович посвятил задаче «найти настоящее воплощение Эроса» – проследить существование эротизма, красоты и идеи жизни в литературе. Помимо «Лирики Эроса», Абрамович выделил еще две группы: писателей «Творчества жизни», в текстах которых отражается что-то вроде «новых начал существования, освобождающих и проникнутых красотой и стихийностью» (Гете и Щербина), и «Художников Эроса», задачей которых было отражение чувств «то в чистом виде, то в связи с переживаниями религиозными, эстетическими»¹⁴.

«Лирики Эроса» отражали в текстах «чистое воспевание переживаний, произвольное, как соловьиная песнь». Сюда включены Бунин, Бальмонт и Лохвицкая, разбор стихотворений которой открывал статью. Поэтов критик объединил потому, что их стихи явили собой «отклик на чувства мира». Сам Эрос как тема был в представлении Абрамовича колоссален: эту тему «исчерпывали величайшие поэты мира. И до конца <...> она исчерпана не будет», так как безгранична сама природа. «Во всех проявлениях Эроса, от кошмарных безумств Вавилона до Парижа, до благоухающего счастья первой юношеской весенней любви для поэта существует одна из темных космических тайн жизни, разгадку которой ищет он в отражениях собственных образов», – писал он¹⁵.

Абрамович назвал «Лириков Эроса» творцами «библейского гимна страсти» – песни тела, которая на самом деле сокрыта в «Песне Песней» царя Соломона за религиозными нравовучениями: если сбросить библейскую ученость, то можно увидеть весеннюю наготу земных чувств Соломона и Суламита. Любовь, по мнению Абрамовича, – пламень Бога, и сильнее ее ничего нет: «Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь»¹⁶. Среди прекрасных садов расцветала Суламита, как расцветала и любовь между ней и возлюбленным Соломоном. Критик считал важным обратить внимание на то, что развитию мужского естества уделено меньше внимания – в центре находятся прекрасная девушка и всепоглощающие чувства к ней. Именно Лохвицкая сумела отразить «Песнь Песней» во всей своей лирике «ярким огнем жизни». Идя по «пути библейских поэтов», явившись в своем творчестве женщиной, она демонстрировала в произведениях вечно живое, стихийное чувство, само сокровенное «начало жизни», что являлось, на взгляд Абрамовича, единственным важным содержанием поэзии.

«В русской лирике, – указывал критик, – ни у кого так не дышат и не живут махровые ало-

огненные чаши роз, как в стихах Лохвицкой, и блеск летнего зноя, и буйный расцвет летних трав дан ей с острой силой иллюзии; все это дано <...> в передаче ощущений, чувств рассвета. <...> Она говорит об экстазе глаз в мгновения власти Эроса, о трепете ресниц, об оттенке розово-атласного цвета кожи тела, о бесконечной сложности и утонченности остроты чувств прикосновений. <...> Жизнь живого и прекрасного тела в его стихийности – вот что заключают в себе лучшие – 2-й, 3-й, 4-й – тома лирики Лохвицкой»¹⁷. За это «было бы безумием делать ей упреки, потому что то, что она сделала, было огромно и даже исключительно»¹⁸. Главное достоинство поэтессы Абрамович видел в том, что она не затягивала читателя в наряд идей и образов, а была настоящей – существом из крови и плоти, что помогало людям не только понимать, но и сердцем ощущать стихотворные строки; ее лирика удостоилась таких эпитетов, как «естественная», «истинная» и «настоящая».

Лохвицкая «тонко чувствовала южные краски», с восторгом отметил критик, в ней ощущалась «кровь Востока»: Соломон и Суламита, вся восточная образность, явленная в ее поэтическом мире, казались Абрамовичу величайшим гармоничным созданием. Все естество поэтессы было соткано из пламени земных эмоций: «Ее ум не отвлекался от чувств, проникался ими, <...> и вся энергия поэтессы вылилась в ту же стихию»¹⁹. Именно в этом критик видел секрет ее творчества. Поэзия Лохвицкой представлялась ему не робким творчеством северянки, а царственной песней, пронизанной жаждой «жизненных осуществлений, которая звучит в каждом облике, чарующей силой вечной женственности Суламита, Сафо и др.», которые «пили жизнь, беря <жизнь> собственной рукой»²⁰, как это делала и сама Лохвицкая.

В творчестве Лохвицкой, как многократно подчеркивал Абрамович, отразилась сама жизнь: прорастали розы и лилии, зеленели аллеи, слышалось лето, припекал бездонно-лазурный полдень и алел рассвет, дышали весенняя свежесть и зной. Он нарек ее «поэтессой восприятий», служившей и Аполлону, и Дионису одновременно, и все образы ее воспринимал как оттенки «бесконечной сложности». Эллинский культ красоты, не мог не заметить критик, удивительным образом сочетался в творчестве Лохвицкой с восточным сладострастием и «оргийностью».

Откровенный эротизм, который поэтессе ставили в упрек многие авторитетные критики, Абрамович считал несомненным плюсом: «И, будто как отделенная воздухом древней поэтической царственности от современности, была до дерзости смела, в открытой искренности своей лирики»²¹. Произведения Бальмонта, на взгляд Абрамовича, были менее удачными: «В русской литературе красоту и силу этой природы понял один Бальмонт, посвятивший Лохвицкой

несколько стихотворений. Но строки Бальмонта кажутся водянистыми и слабыми после густого звона стихов Лохвицкой, дышащих цветами и запахами земли»²².

Легкость и свежесть, как и у Лохвицкой, видел Абрамович у еще одного «недооцененного и мало известного» в то время поэта – Бунина, который тоже не создавал свои стихотворные произведения в русле гражданской лирики, а уделял особое внимание «тонким чувствам мира»²³.

О поэтессе Абрамович упоминал и в своем труде «Женщина и мир мужской культуры» (1913), который предварил размышлениями о забытых авторах. Причину забвения второстепенных писателей он видел в их исключительно служебной роли: то есть они, по мнению критика, были вскормлены и фактически созданы конкретной эпохой, вне которой их творчество не может быть актуально, а потому, по сути, они лишены столь важной для литературного творца самобытности²⁴.

Не было еще ни одной поэтессы, писал он, которая отделилась бы от своего поколения и переросла бы свое время: Жорж-Санд, Анна Луиза Жермена де Сталь, Джордж Эллиот – все они не художницы, не творцы. Проблему женщин-литераторов он видел в том, что они сильно заиклены на себе, погружены в свое естество и поглощены своими проблемами: быть может, если убраться из женской лирики «я хочу» и оставить «он хочет», писал Абрамович, ситуация бы изменилась. Причину отсутствия «настоящих» женщин-писателей, способных стать литературными классиками и выстроить диалог с будущими поколениями, Абрамович объяснял тем, что, «как бы много женских имен в настоящее время не существовало в литературе всех стран и сколько бы романов и повестей ни выходило из-под их пера, все же женское творчество реально отсутствует, его нет как проявления человеческого духа, самобытного внутреннего “я”»²⁵. Женщине, по его убеждению, не дано выразить глубину творческого сознания: в лучшем случае она выступает в роли зеркала, отражающего суть всего живого через призму своего бесконечного эгоизма. И именно Лохвицкую он выделял на фоне других: «Среди искренних и живых проявлений женской жизни, отражающих действительное, а не выдуманное, следует указать на лирику Лохвицкой, воспевающей любовь, сладострастие, материнство и природу»²⁶.

Несмотря на то что Абрамович вообще призывал творчество по природе своей антифеминистским, Лохвицкую он выделял и превозносил даже больше Бальмонта, ставя ее на одну ступень с Буниным. Ее лирика представлялась критику оригинальной, искренней и по особому красочной, как у настоящих творцов, ведь главными свойствами истинного искусства Абрамович считал «стихийность» (как подлинное ощущение окружающей действительности)

и «рисунок» (как совокупность различных приемов письма)²⁷. Очевидно, что Лохвицкая выделялась для критика на фоне других женщин-писательниц и авторов-символистов живостью и неподдельными чувствами в духе библейской «Песни Песней». Абрамович отмечал многие грани ее поэзии: не только страсть, но и материнство, восхищение самой природой, а ведь многие современники уделяли внимание только одной грани ее таланта – «вакхической», видя в творчестве поэтессы исключительно «волнующий элемент». Абрамович не сомневался, что Лохвицкая всегда шла самостоятельным путем и поэтому в русской поэзии должна занять «почетное место, а среди поэтов последних десятилетий, – несомненно, первое»²⁸.

Примечания

- 1 См.: Чанцев А. (при участии Белодубровского Е. и Лондона Б.). Абрамович Николай Яковлевич // Русские писатели. 1800–1917 : биографич. словарь. Т. 1 : А–Г / под ред. П. А. Николаева. М., 1989. С. 13–14.
- 2 Книгин И. Литературная критика конца 1890–1910-х годов // История русской литературной критики : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / под ред. В. В. Прозорова. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 195.
- 3 См.: Сообщение «Общества писателей русской словесности при Императорском Московском Университете» о принятии ее в действительные члены этого общества за подписями: председателя общества Н. Стороженко и секретаря Д. Языкова // Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом). Ф. 486 (М. А. Лохвицкая). Ед. хр. 8. Л. 1.
- 4 См.: Уведомление о принятии к постановке пьесы Лохвицкой М. А. «Вандэлин» за подписью заведующего Центральной Библиотекой Императорских театров // Там же. Ед. хр. 6. Л. 1.
- 5 См.: Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга. М., 2004. С. 203.
- 6 Сапожков С. В. «Пятницы» К. К. Случевского и их альбом // НЛЮ. 1996. № 18. С. 232.
- 7 См.: Альбом кружка литераторов «Пятниц К. К. Случевского». С авт. К. К. Случевского и членов его кружка, поименованных на л. 1 альбома, а также гостей – постоянных посетителей «Пятниц» (протоколы, шуточные стихи, записи на память, подписи, рисунки) // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 703 (К. К. Случевский). Ед. хр. 2. Л. 1, 2, 41, 67.
- 8 Арский [Н. Я. Абрамович]. М. А. Лохвицкая : по поводу ее кончины // Наука и жизнь. 1905. № 9. С. 294.
- 9 Там же. С. 295.
- 10 Абрамович Н. Литературно-критические очерки. Кн. 1–2. Кн. 1. Творчество и жизнь. СПб., 1909. С. 55.
- 11 Там же. С. 30.
- 12 Там же. С. 56.
- 13 Там же. С. 27.
- 14 Там же.
- 15 Там же. С. 57.

- ¹⁶ *Абрамович Н.* Литературно-критические очерки. Кн. 1–2. Кн. 1. Творчество и жизнь. С. 58.
- ¹⁷ Там же. С. 55.
- ¹⁸ Там же. С. 58.
- ¹⁹ Там же. С. 56.
- ²⁰ Там же. С. 57.
- ²¹ Там же. С. 56.
- ²² Там же. С. 62.
- ²³ Там же. С. 64.
- ²⁴ См.: *Абрамович Н.* Женщина и мир мужской культуры. Мировое творчество и половая любовь. М., 1913. С. 105.
- ²⁵ Там же. С. 113.
- ²⁶ Там же. С. 112.
- ²⁷ См.: *Книгин И.* Литературная критика конца 1890–1910-х годов. С. 196.
- ²⁸ *Арский [Н. Я. Абрамович].* М. А. Лохвицкая : по поводу ее кончины. С. 305.

Образец для цитирования:

Лайне Н. А. «Была до дерзости смела...» (Н. Я. Абрамович о М. А. Лохвицкой) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 336–340. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-336-340>

Cite this article as:

Laine N. A. «Courage and Audacity...» (N. Ya. Abramovich about M. A. Lokhvitskaya). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 336–340 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-336-340>

УДК 821.161.109-31+929Чаянов

Кукла и ее двойник («История парикмахерской куклы» А. В. Чаянова, 1918)

Е. В. Тырышкина

Тырышкина Елена Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, Новосибирский государственный педагогический университет, elena.tyryshkina@gmail.com

В статье рассматриваются трансформация и функционирование сюжета «Пигмалион и Галатея» в повести А. В. Чаянова. Специфика повести заключается в многомерной игре с мифами (Афродита, Медуза Горгона, Изида) и литературными традициями (Дж. Казанова, И. В. Гете, Л. Тик, Э. Т. А. Гофман, Г. Гейне, А. Блок и др.), а структурные уровни текста подчинены принципу зеркального удвоения. Известный тезис О. Фрейдберга о том, что «идея куклы параллельна идее божества-актера-покойника», в произведении А. В. Чаянова получает своеобразное воплощение в неоромантическом/декадентском варианте: мир – это дьявольский театр, где меняются роли и маски по законам вечного повторения.

Ключевые слова: А. В. Чаянов, «История парикмахерской куклы», сюжет Пигмалиона, двойничество, неоромантизм/декаданс.

**A Doll and Its Counterpart (*The Story of a Barber Doll*
 by A. V. Chayanov, 1918)**

Е. В. Тырышкина

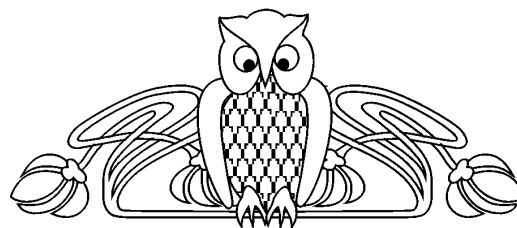
Elena V. Tyryshkina, <https://orcid.org/W-2515-2017>, Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Vilyuyskaya St., Novosibirsk 630126, Russia, elena.tyryshkina@gmail.com

The paper considers the transformation and functioning of the plot about Pygmalion and Galatea in the story written by A. V. Chayanov. The story is a multidimensional play with myths (of Aphrodite, Medusa, Isis), and with the literary traditions represented by G. Casanova, J. W. Goethe, L. Tieck, E. T. A. Hoffmann, H. Heine, A. Blok, etc. The structural levels of the text are subject to the principle of mirror doubling. The well-known idea of O. Freidenberg that “the idea of a doll is parallel with the idea of a deity-actor-corpse” is manifested in A. V. Chayanov’s work in its classical triple unity in its neo-romantic/decadence variant. The world is the devil’s theater, in which roles and masks alternate according to the law of perpetual iteration.

Keywords: A. V. Chayanov, *The Story of a Barber Doll*, plot about Pygmalion, duality, neo-romanticism/decadence.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-341-345>

Повесть А. Чаянова уже попадала в поле зрения литературоведов – в связи с мотивом двойничества/зеркальности, исследованием функций венецианского топоса в русской литературе¹, любви к витринному манекену (отдельные упоминания по аналогии с «Серым автомобилем» А. Грина)², а также в контексте «парикмахерского кода»³. В предисловии к из-

дание повестей А. В. Чаянова 1989 г. говорится о традициях немецкого и отечественного романтизма, с акцентированием важности русской романтической традиции XIX в. в этой повести, что довольно спорно⁴. Относительно недавно появилась публикация «Флейты-позвоночника» В. Маяковского, где в комментариях А. Россомехина указывается на то, что прототипом главного героя «ИПК» архитектора Владимира М. был знаменитый поэт Владимир Маяковский, и сюжет повести обыгрывает всем известный любовный треугольник на новый лад⁵.

Уже после первого беглого прочтения становится ясно, что весь текст – это игра с литературными и мифологическими клише. Основной сюжет строится на трансформации сюжета «Пигмалион и Галатея», где эротическая линия усилена, что довольно типично, по мнению J. Cohen⁶: «Вдруг он остановился как вкопанный. Знакомое чувство приближения волнующей страсти содрогнуло все его существо. Перед ним была “Большая московская парикмахерская Мастера Тютина”, сквозь тусклое стекло большого окна которой на него глядела рыжеволосая восковая кукла»⁷. Но страсть, внушенная восковым бюстом в витрине парикмахерской, приводит не к его оживлению в прямом смысле слова, а к долгим поискам оригинала, девушки по имени Берта, одной из сиамских близнецов. Само имя красавицы очевидным образом отсылает к новелле Л. Тика «Белокурый Экберт». Это подтверждается и сюжетной линией несчастной любви скульптора Проспера, закончившейся его смертью, когда он узнает, что является братом Берты, актуализируется мотив инцеста, столь характерный для готики и позднего романтизма.

Архитектор Владимир М., именуемый также Вольдемаром, стареющий ловелас (в тексте он прямо называется Казановой), долго и безуспешно ищет живой оригинал восковой куклы. Оказывается, что кукол было две – это копии/портреты сестер, сиамских близнецов Генрихсон (вторая была отделена и украсила также витрину парикмахерской зятя Тютина, Королькова): «Тютин, пополам с зятем, державшим парикмахерскую в Серпухове, приобрели, в зачет долгов Шантреновых, сестер-близнецов и, разведив их лобзиком, украсили окна своих заведений»⁸.

Владимир М. покупает оба бюста и постоянно возит их с собой. После долгих безуспешных поисков он, наконец, находит сестер в Ве-

неции, они выступают в балагане/паноптикуме с танцами в египетских костюмах. Связь с одной из сестер, Бертой, в облике которой отчетливо отразилось все «конечно женственное»⁹, заканчивается трагически: Берта умирает при родах, сестру Китти отделяют от ее тела. Вольдемару по просьбе Китти сообщают о смерти обеих сестер и его дочери. Он, совершенно измученный, совершит еще одно путешествие в Венецию, где опять увидит восковых кукол в витрине роскошной парикмахерской, забытых им в прошлый его приезд в гостинице. О его смерти прямо не говорится, но в финале повести, где показана его квартира в состоянии полного запустения, ясно, что его уже нет в живых.

А. В. Чайнов посвящает свою повесть Э. Т. А. Гофману, хотя имя главной героини очевидным образом отсылает, как уже было сказано выше, к Л. Тику. В данном случае актуализируется весь пласт литературы немецкого романтизма, где обыгрывается так и или иначе любовь к кукле/статуе и двойничество в различных вариантах: Э. Т. А. Гофман «Песочный человек», «Автоматъ», А. фон Арним «Изабелла Египетская», «Рафаэль и его соседки», Г. Гейне «Флорентийские ночи» и др. Заметим, что героини повести по национальности немки. Линия Казановы и пространство Венеции как основное место драмы выражены в тексте эксплицитно, но аллюзии на судьбу Дон-Жуана, для которого последняя любовь заканчивается смертью, также заслуживают внимания (мотив губительной статуи)¹⁰. Можно высказать гипотезу и о влиянии повести Ж. Казотта «Влюбленный дьявол», где также топос Венеции связан с любовью как демоническим наваждением, театрализацией.

Восковая кукла – типичный персонаж модернистской литературы начала XX в., где обыгрывается проницаемая граница между жизнью и смертью в пространстве паноптикума. Самые известные произведения – «Клеопатра» А. Блока, «Кабинет восковых фигур» Г. Майринка, где фигурируют и зловещие близнецы, созданные из одного ребенка. Представляют интерес и тексты эпигонов, например рассказ А. Бежецкого «Музей восковых фигур», опубликованный в 1914 г. Действие происходит в театре на представлении балета «Коппелия», где герой встречается с таинственной красавицей, назначающей ему свидание в музее восковых фигур. Там он не всегда может отличить кукол от живых людей, попадает на бал автоматов и становится очевидцем декапитации/казни красавицы. Все оказывается в конечном итоге иллюзией и сном главного героя. Неизвестно, был ли знаком А. Чайнов с этим произведением, но в данном случае следует учитывать единый типологический контекст.

Сиамские близнецы – сестры Генрихсон – еще при жизни становятся моделью для восковых копий. В связи с врожденным уродством (в сочетании с красотой лиц) их место в цирке/ба-

лагане/паноптикуме – маргинальном пространстве не только социума, но и на границе жизни и смерти, это пространство зловещего карнавала. При этом паноптикум, который принадлежит хозяину сестер, называется «Всемирная панорама», весь мир видится пародийным и при этом символическим собранием уродливых, странных, мрачных экспонатов: «Ища убить минуты ожидания, Владимир углубился в рассмотрение выставленных фигур. Ему, казалось испытывавшему все на свете, ни разу не случилось бывать в паноптикуме, и он с любопытством новизны рассматривал наивные фантомы. Его поразила “Юлия Пастрана, родившаяся в 1842 году и жившая вся покрытая волосами подобно зверю до смерти”, “Венера в сидячем положении” и длинный ряд восковых портретов бледных знаменитостей, начиная Джеком Потрошителем, кончая Бисмарком и президентом Феликсом Фором. Он опустил гривенник в какое-то отверстие и тем заставил мрачного самоубийцу увидеть в зеркале освещенное изображение изменившей ему невесты»¹¹.

Восковая маска/восковой манекен являются субститутами, осциллирующими на границе жизнеподобия, создающими пугающую иллюзию. И в данном случае функции восковых подобий не сводятся лишь к обычному удвоению, копированию живого оригинала (а сестры уже представляют собой монструозное тело, избыточно удвоенное). Как отмечает Д. Федяй, «герменевтика прозрачной (незримой) преграды в истории культуры, большей частью, оперирует представлениями и понятиями о низшем и высшем, о добре и зле, о достигаемом и недостижимом»¹². Восковой двойник за стеклом, преградой – это и обитатель мира мертвых, и статуя божества. Куклы названы рыжеволосыми Афродитами, Владимир в своих путешествиях будет постоянно возить с собой «ящик с красавицами/восковыми красавицами», подобно тому, как возят священную статую или – тело покойного.

Берта – воплощение «конечно женственного», сама того не желая и не ведая, отчасти является куклой, носит в себе своего inferнального двойника: «Ее лицо было даже менее красиво, чем спокойное классическое лицо Китти. Но какая-то пряность, какая-то недосказанная тайна пропитывала все ее существо. Казалось, будто все, что она говорит и делает, было не настоящим, нарочным, произносимым только из учтивости к собеседнику и мало интересным ей самой. Ее кажущаяся оживленность была холодна, и огромные глаза часто заволакивались тусклым свинцовым блеском. Казалось, что где-то там, вне наблюдения собеседника, у нее была иная жизнь, завлекательная, глубокая своим содержанием»¹³. Принцип удвоения, подобия, всегда подразумеваемый, когда речь идет о кукле или манекене, многократно усилен на всех уровнях текста. Мало того, что кукольный двойник обитает в

теле Берты, но и внешне она описывается так, словно ее тело сделано из металла, как тело статуи: «Знакомые змеи бронзовых волос ниспадали на роскошные формы зеленоватого опалового тела, черные глаза Берты растворили его душу, а красный рот дышал сладострастной улыбкой»¹⁴.

Итак, куклы названы Афродитами, где по логике вещей одна – Пандемос (Берта), а другая Урания (Китти) в несколько смягченном варианте. Однако Афродита – это не единственное имя, которое они получают: «Освобожденные от бумаги рыжеволосые медузы горгоны блеснули на солнце своими бронзовыми косами, и глубокий взор снова упал в самую глубину души московского архитектора»¹⁵. Взгляд Медузы можно выдержать лишь в зеркале (щит Персея), первоначально Владимир смотрит на восковые бюсты в витрине парикмахерской, они находятся в пространстве зазеркалья (в «инопространстве», по терминологии С. Зенкина). Недолгое равновесие между мирами смерти и жизни обеспечено сохранностью магического предмета – круглого зеркала, которое однажды разбивает Берта, после чего сюжет стремительно движется к финальной катастрофе.

Связь Владимира с Бертой оказывается невольным браком с inferнальным божеством¹⁶. Афродита Пандемос, Медуза Горгона, наконец, Изиды – имя Изиды не названо в повести, но восточные декорации и египетские костюмы, в которых выступают сестры, очевидным образом указывают и на эту традицию: «Молчаливые лакеи собрали его принадлежности и поставили на сцену двойной трон, сделанный в подражание египетскому стилю, и тотчас задвинули его ширмами с изображением ибиса, сфинксов и колоннами иероглифов... Перед его глазами мелькнули два обнаженных тела, едва прикрытые нагрудниками и поясами египетских танцовщиц»¹⁷. Любовная связь приводит к гибели, пусть и отсроченной, не только простого смертного, дерзнувшего переступить положенную черту, не подозревая об опасности, но и его возлюбленной, обладающей двойственной, потусторонней природой.

Изида – сестра и супруга Озириса, Медуза Горгона – одна из трех дочерей Форкиса и Кето (брата и сестры), мифологические сюжеты подсвечивают литературные, в том числе и по линии инцеста, где выдерживается все тот же принцип – повтора и редупликации. Этот принцип «вечного повторения» кодируется и отсылкой к живописи: «Директор-распорядитель фирмы “Папенгут и сын в Гейдельберге” оказался откормленным немцем лет на сорок пять, и держался весьма важно и снисходительно. Владимиру пришлось выслушать ряд сентенций о значении восковой скульптуры, о “Флоре” Леонардо да Винчи, хранящейся в Берлине в Кайзерфридрих-музее и стоящей на торговой марке фирмы Папенгут...»¹⁸. Речь идет о картине «Флора» кисти

Франческо Мельци (1491–1568/1570), «самого образованного и утонченного» ученика Леонардо да Винчи, до середины XIX в. картина считалась работой самого Леонардо. Существуют многочисленные варианты и копии «Флоры»¹⁹.

Сюжет Пигмалиона и Галатеи не только трансформируется в сюжет путешествия в поисках оригинала воскового подобия, знаменующий «оживление статуи», но и маркируется однозначной «вампирической» метафорой: «12 октября на перроне Александровского вокзала небольшая группа друзей, посвященных в перипетии нового романа московского Казановы, провожала Владимира с норд-экспрессом. Швейцар Григорий вместе с несессерами, саками и двумя чемоданами глобтроттер привез аккуратно упакованный ящик с восковыми красавицами... Друзья в стихах и прозе желали Владимиру влить горячую кровь в восковые жилы...»²⁰. Этот акт оживления «художником статуи» кодируется в тексте вещим сном, который снится Владимиру после первой же встречи с Бертой: «Всю ночь Владимира душили кошмары. Он задыхался в змеиных объятиях бронзовых кос. Влажные русалочьи руки обвивали его горящую шею, и терпкие, пьяные поцелуи впивались в его тело, оставляя следы укусов вампирьих зубов»²¹.

И создание, и «оживление» куклы оплачивается жизнью того, кто был исполнителем этой процедуры, в первый раз – скульптора Проспера Ван Хооте, изваявшего восковые бюсты сестер, восплававшего страстью к Берте. Во второй раз – жизнь Владимира, в которого, как кажется Китти, вселяется дух Проспера (опять прием удвоения): «На третий день наших венецианских гастролей утром, причесывая свои роскошные бронзовые волосы, Берта выронила и разбила круглое зеркало... Мы с ужасом посмотрели друг на друга. Из всех ужасных примет эта была наиболее верной. А вечером того же дня Подгурский привел к нам московского архитектора Вольдемара М., давно уже искавшего познакомиться с нами. Бледный, с черной ассирийской бородой, он казался человеком, продавшим свою душу дьяволу, а его говор, как и вообще у всех русских, говорящих по-немецки, был певуч и напоминал мне почему-то малагу, которую мы пили в Барселоне. Отчетливо помню этот проклятый вечер и ночь, когда сердце Берты билось иначе, чем обычно, совсем как в памятные гейдельбергские дни. Казалось, дух Проспера ожил в этом северянине, казалось, тайная власть почившего несчастного брата над душой Берты была кем-то вручена этому бледному человеку с кошачьими манерами. Напрасны были мои слова и предупреждения, бессонные ночи и общие слезы, увлажнявшие общую подушку, и клятвы, даваемые на рассвете»²².

Строгая симметрия восковых кукол-близнецов нарушается вторжением в сферу не-живой, хоть и примитивно выраженной, челове-

ческой воли, что приводит к их разъединению. Судьбы сестер завершаются трагедией по принципу имитативной магии, магии невольной – их восковые двойники распиливаются, чтобы украсить витрины парикмахерских в провинции, а в финале повести хирургический нож разделит их тела. Однако зеркальная симметрия сиамских близнецов разрушается в двух сюжетных звеньях (судьба кукол и судьба сестер), чтобы вновь возродиться в третьем – зазеркальном, законном мире парикмахерской: «Владимир чувствовал себя манекеном, марионеткой, которую невидимая рука дергала за веревку... Когда он проснулся, было уже поздно... Где-то ворковали голуби, доносились всплески вод канала, оклики гондольеров и крики уличных продавцов. Все было ловеще повторно. Все трепетало в какой-то саркастической улыбке Рока. Владимир спустил ноги на ковер и медленно подошел к окну, поднял быстрыми движениями жалюзи и вздрогнул, содрогнувшись от ужаса. Перед ним на противоположном берегу канала, там, где некогда стоял паноптикум, он увидел огромное витро роскошной парикмахерской, сквозь зеленоватое стекло которого на него смотрели восковые головы сестер Генрихсон, забытые им когда-то во время бегства из Венеции. Зловещие куклы смотрели в его опустошенную душу своими черными глазами, отгненными зеленоватым опалом тела и рыжими, почти бронзовыми змеями волос»²³. Парикмахерская – пространство, связанное с украшением, преобразованием, трансформацией, опасностью, вписано в пространство мира как дьявольского театра, где меняются роли и маски по законам вечного повторения.

Кукла, статуя, богиня не нуждается в своем телесном двойнике. Соотношение оригинал – копия (близнецы – и восковые бюсты) к концу повести переворачивается, куклы возвращаются в мир зазеркалья, восстанавливается утраченная симметрия, нарушенная человеческой волей. Человеческая жизнь, многочисленные судьбы живущих – лишь варьирование заданного неведомым провидением сценария, хождение по кругу.

Известный тезис О. Фрейденаберг о том, что «идея куклы параллельна идее божества-актера-покойника»²⁴, в повести А. В. Чаянова получает своеобразное воплощение, но все основные функции этой триады сохранены. На уровне фабулы автор черпает материал по преимуществу из наследия немецких романтиков, концепция повести тяготеет к декадансу: красота оборачивается своей inferнальной сущностью, персонажами, как куколовод марионетками, правит Рок.

Возникает закономерный вопрос – какое место занимает повесть А. В. Чаянова с точки зрения вторичных жанров? По ряду приведенных цитат можно говорить об элементах пародии, но основная тенденция – все же не комически-пародийная. А. Россомехин относит это произведение к стилизациям²⁵, что верно в самых общих чертах. Если

же обратиться к теоретическим разработкам, по мнению О. В. Зырянова, можно построить следующую типологию: «В оценке следующих вторичных текстов, расположенных по шкале *оригинальное* – *подражательное*, можно наметить сразу же несколько жанровых парадигм. 1. Жанровая стилизация. Возникает в ситуации эстетической дистанции между современным автором и неким авторитетным “образцом” того или иного литературного жанра. <... любая стилизация вторична...> 2. Жанровое пародирование. 3. Создание жанровых стереотипов. 4. Реконструкция жанрового эталона»²⁶. Согласно этой схеме, повесть А. В. Чаянова занимает промежуточное место между стилизацией и «жанровым стереотипом» (шаблонной модели неоромантической/декадентской повести). При этом создание шаблона является сознательной авторской интенцией, а не результатом графоманских опытов эпигона. Автор «Истории парикмахерской куклы» прибегает к самым известным, узнаваемым клише, настолько узнаваемым, что литературная «игра в жанр» очевидна. Специфика авторской стратегии этой игры как «обнажения приема» может быть предметом дальнейшего исследования.

Примечания

- 1 См.: *Меднис Н.* Венеция в русской литературе. Новосибирск, 1999. С. 198–206.
- 2 См.: *Плютова М.* Оживший манекен в новелле А. Грина «Серый автомобиль» // Ярослав. пед. вестн. 2013. № 4. Т. I (Гуманитарные науки). С. 221–223.
- 3 См.: *Букс Н.* «Парикмахерский код» в русской культуре XX века // Интерпретация и авангард : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. И. Е. Лощилова. Новосибирск, 2008. С. 246–247.
- 4 См.: *Муравьев В.* Творец московской гофманианы // Чаянов А. Венецианское зеркало. Повести. М., 1989. С. 16.
- 5 См.: *Россомехин А.* Архитектор, ботаник и антрополог : скрытая рецепция «Флейты» в книге А. В. Чаянова // Сергеева-Кляцис А., Россомехин А. «Флейта-позвоночник» Владимира Маяковского : Комментированное издание. Статьи. Факсимиле. СПб., 2015. С. 51–67.
- 6 См.: *Cohen J.* Human Robots in Myth and Science. L., 1966. P. 61–67.
- 7 *Чаянов А.* Указ. соч. С. 29.
- 8 Там же. С. 30.
- 9 Там же. С. 29.
- 10 См.: *Якобсон Р.* Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Якобсон Р. Работы по поэтике : Переводы. М., 1987. С. 145–180.
- 11 *Чаянов А.* Указ. соч. С. 32.
- 12 *Федяй Д.* Статуя в эдикуле и манекен в витрине : живое, неживое, оживающее // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (57) : в 2 ч. Ч. 1. С. 181.
- 13 *Чаянов А.* Указ. соч. С. 43.

- ¹⁴ Там же. С. 42.
¹⁵ Там же. С. 35.
¹⁶ См.: *Зенкин С.* Французская готика : в сумерках наступающей эпохи // *Infernaliana*. Французская готическая проза XVIII–XIX веков. М., 1999. С. 12–13.
¹⁷ *Чаянов А.* Указ. соч. С. 41.
¹⁸ Там же. С. 34.
¹⁹ См.: Two Floras. About the Exhibition. 01.06.2016–04.09.2016. URL: http://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/what-s-on/temp_exh/2016/twofloras/?lng (дата обращения: 01.12.2018).
²⁰ *Чаянов А.* Указ. соч. С. 34.
²¹ Там же. С. 43–44.
²² Там же. С. 48.
²³ Там же. С. 52–53.
²⁴ *Фрейдберг О.* Миф и театр. Лекции по курсу «Теория драмы» для студентов театральных вузов. М., 1988. С. 19.
²⁵ См.: *Россомахин А.* Указ. соч. С. 51.
²⁶ *Зырянов О.* Теоретическая модель «вторичного» литературного жанра // *Текст и тексты : межвуз. сб. науч. тр.* Новосибирск, 2010. С. 7–8.

Образец для цитирования:

Тырышкина Е. В. Кукла и ее двойник («История парикмахерской куклы» А. В. Чаянова, 1918) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика.* 2019. Т. 19, вып. 3. С. 341–345. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-341-345>

Cite this article as:

Tyryshkina E. V. A Doll and Its Counterpart (The Story of a Barber Doll by A. V. Chayanov, 1918). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 341–345 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-341-345>

УДК 821.161.1.09-14+929Мандельштам

Проблема различения редакций и циклических структур в лирике О. Мандельштама

Б. А. Минц

Минц Белла Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, bella-mints7@yandex.ru

Статья посвящена одной из сложных проблем в изучении лирики Мандельштама, а именно проблеме различения разных редакций и циклических структур, основанных на повторе и вариациях стихотворных фрагментов. Автор статьи предлагает критерии различения, анализирует несколько спорных случаев, показывает важность представления о разных версиях текста как о динамическом единстве.

Ключевые слова: редакция, цикл, цензура, дифференциация, вариативность, контекст, триптих, вариант, лейтмотив.

The Problem of Distinguishing Versions and Cyclic Structures in O. Mandelstam's Lyrics

B. A. Mints

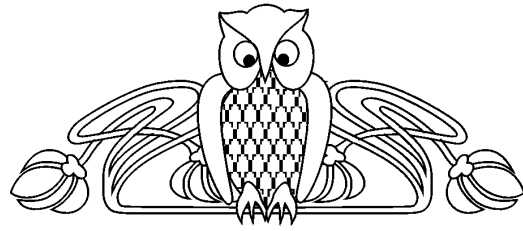
Bella A. Mints, <https://orcid.org/0000-0002-8557-4227>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, bella-mints7@yandex.ru

The article is devoted to one of the difficult problems in the study of Mandelstam's lyrics, namely the problem of distinguishing different versions and cyclic structures based on repetition and variations of poetic fragments. The author offers the criteria of distinction, analyzes several controversial cases, shows the importance of presenting different versions of text as a dynamic unity.

Keywords: edition, cycle, censorship, differentiation, variability, context, triptych, variant, leitmotif.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-346-351>

Вопрос о границах между совокупностью редакций и циклической композицией – один из самых трудных при изучении лирики Мандельштама. Одни и те же феномены, включающие повторы стихотворных периодов (строк, строф, нестрофических фрагментов), трактуются текстологами и исследователями либо как фактор творческой истории, либо как наличие циклической структуры, или, по крайней мере, как некий замысел цикла. Отсутствие установленного автором окончательного текста может свидетельствовать о внешних обстоятельствах (цензура, автоцензура, судьба архива), но вместе с тем отражает имманентные свойства мандельштамовской поэтики. Проблематичность понятия «окончательный текст» складывалась в творческом сознании Мандельштама постепенно. Кристаллизация этой особенности приходится

на 1920-е гг. Она находит выражение в разрастании или разветвлении замысла, его проращивании в других текстах, рождении циклов, разнообразных отростков первоначального стихотворения. Сосуществование разных редакций текста является частным проявлением общей специфики. В некоторых случаях оно отражает колебание идеологической позиции, ощущение незавершенности процесса или равноценность разных аспектов замысла.

Применение традиционных текстологических представлений о последней авторской воле не удовлетворяет исследователей мандельштамовской лирики и провоцирует на нестандартные заключения или отказ от категоричных формулировок. Сложность в том, что убедительно доказать наличие этой воли не всегда возможно, особенно если речь идёт о неопубликованных стихотворениях. Даже относительно простые случаи ставят перед исследователями и издателями сложные задачи. Так, например, стихотворение «У моря ропот старческой кифары...» (1915) представлено в современных собраниях двумя редакциями. Главные разночтения – варианты первой строки («У моря ропот старческой кифары» – «Негодование старческой кифары») и ключевого эпитета («бараных стад» – «овечьих стад»). Согласно решению П. М. Нерлера, как основная дана редакция, которая демонстрирует последнюю авторскую волю¹:

*У моря ропот старческой кифары...
Ещё жива несправедливость Рима,
И воют псы, и бедные татары
В глухой деревне каменного Крыма.*

*О Цезарь, Цезарь, слышишь ли блеянье
Овечьих стад и смутных волн движенье?
Что понапрасну льёшь своё сиянье,
Луна, – без Рима жалкое явление?*

*Не та, что ночью смотрит в Капитолий,
И озаряет лес столпов холодных,
А деревенская луна, не боле,
Луна – возлюбленная псов голодных*
(I, 116–117)².

А. Г. Мец избирает другую редакцию, взятую из экземпляра «Камня» 1916 г., принадлежавшего С. П. Каблукову, который клеивал стихи, не вошедшие в издание³. Не исключено, что уже в 1915 г. существовали две редакции, в

которых образ Овидия (одна из ипостасей лирического «я») отражал колебания поэта между «негодованием» и «ропотом». Речь идёт об оттенках концепции взаимоотношений поэта и власти. К тому же «ропот» – многозначное слово, совмещающее в себе социальный, психологический, эстетический и природный планы (план опального поэта и кифары, римских провинций, моря). Последняя публикация в контексте традиционной текстологии заставляет признать, что перед нами факт творческой истории, и поэт предпочёл «ропот» более прямолинейному «негодованию». Однако проблема выбора осталась.

Такое программное стихотворение, как «Век» (1922), в одних случаях печатается как пятистрочное, в других как четырёхстрочное⁴. Финальная строфа, восстановленная по ранней черновой редакции в авторском экземпляре «Стихотворений» (1928), между тем приметно меняет ход поэтической мысли:

Кровь-строительница хлещет
Горлом из земных вещей,
И горячей рыбой мечет
В берег тёплый хрящ морей.
И с высокой сетки птичьей,
От лазурных влажных глыб
Льётся, льётся безразличье
На смертельный твой ушиб (II, 42).

Небезразлично, заканчивается ли стихотворение портретом жестокого и слабого века-зверя с разбитым позвоночником или приведённой выше строфой, развивающей и итожащей мысль о месте человеческого века в естественной истории. Меняется не только масштаб взгляда, но и эмоционально-психологическая перспектива. Получает новое развитие мотивный ряд: «двух столетий позвонки» – «захребетник» – «позвончик» – «твари хребет» – «нежный хрящ ребёнка» – «хрящ морей». Всё это очень важно для понимания замысла и художественной концепции. Сложность заключается в том, что это восстановленная версия, когда-то отброшенная автором, поэтому работа над стихотворением изначально содержит в себе разные возможности. Возможность развития замысла по концептуально разным путям – имманентное свойство Мандельштама, которое создаёт определённый «заряд» в лирике поэта.

Рабочими критериями дифференциации текстологических феноменов и циклических структур (или переходных форм) следует признать хронологию, объём и характер компоновки инвариантных элементов, природу повторов, а также свидетельства об интенциях автора, касающихся представления замысла. Так, хронологический разрыв между «крымской» и «воронежской» редакцией «Ариоста» (1933, 1935), большой объём повторяющихся фрагментов, мнемонический ха-

рактер воспроизведения текста, который считался потерянным, с одной стороны, и свидетельство о том, как автор намеревался представлять свой замысел⁵, с другой, – всё это порождает полемику и разночтения в изданиях. М. Л. Гаспаров предлагает печатать редакции 1933 и 1935 гг. в своих хронологических контекстах⁶, в то время как в американском⁷ и отечественном (III, 70–72) четырёхтомниках они печатаются рядом. А. Г. Мец принял другое решение и даёт редакцию 1933 г. («Во всей Италии приятнейший, умнейший...») в основном собрании, а 1935 г. («В Европе холодно. В Италии темно...») – в разделе «Другие редакции»⁸. Мотивирует он такое решение тем, что, припоминая в Воронеже якобы потерянное стихотворение, поэт не руководствовался творческими причинами⁹. Это весьма спорное утверждение: будучи инициирована мнемоническими причинами, вторая редакция обрела творческий статус и в процессе воссоздания, и в полученном результате. Н. И Харджиев в своё время публиковал только редакцию 1935 г. («В Европе холодно. В Италии темно...») как основную¹⁰.

Воспринимать два «Ариоста» как цикл мешают хронологическая дистанция, совершенно разный исторический, биографический и лирический контекст¹¹, да и свидетельство вдовы поэта о его намерении печатать тексты редакций может отражать «летучую» творческую интенцию. Вместе с тем невольно возникает предположение о возможности сосуществования разных версий одного текста, т. е. о некоем промежуточном состоянии, в котором возможен поворот к более сложной текстовой структуре или окончательный выбор. И. М. Семенко называла это «открытой композицией»¹². Открытая композиция двух версий «Ариоста» предполагает двойной фокус восприятия. Поставленные рядом, обе редакции выпадают из временного творческого потока, но зато отражают разные возможности замысла. Разлучённые в композиции книги, они заставляют обратить внимание на сам факт появления новой версии и на новый контекст. От характерных для Мандельштама двойчаток эта пара отличается тем, что повторяются объёмные фрагменты, и повторы складываются в причудливый узор, в котором, действительно, переплетаются феномены припоминания и творчества. Это один из самых сложных случаев, и решение о представлении замысла не найдено до сих пор.

Критическая масса подобных открытых композиций в лирическом наследии Мандельштама такова, что можно с уверенностью признать этот феномен проявлением органически присущего поэту качества вариативности, осложнённого внешними факторами. Те случаи, когда тексты не вошли в авторские книги, печатались в книге в искажённом виде («Кассандре») или вовсе не увидели свет (воронежские стихи), в наиболь-

шей степени способствуют впечатлению о существовании равноценных версий. Таковы четыре редакции послания «Кассандре» (1917), две – стихотворения об Исаакиевском соборе («Исакий под фатой молочной белизны...» и «Люблю под сводами седья тишины...», 1921–1922), две версии «Ариоста» (1933, 1935) и первой части цикла «Кама» («Как на Каме-реке глазу тёмно, когда...», 1935)¹³.

Отсутствие данных об авторских планах публикации, неясность датировок, а иногда обнародование автором ранних редакций после того, как уже созданы поздние, позволяет говорить об открытой композиции, т. е. о совокупности редакций, которые составляют некое лирическое единство версий воплощения замысла. Примечателен тот факт, что поэт опубликовал в 1918 г. раннюю редакцию стихотворения о Риме, «Когда держался Рим в союзе с естеством...»¹⁴, когда и более поздняя, «Природа – тот же Рим и отразилась в нём...», была уже написана¹⁵. Основной считается редакция «Природа – тот же Рим...» на том основании, что была «узаконена» автором публикацией в книгах¹⁶. Для текстолога это относительно ясный случай. Исследователь должен учитывать, что поэт не отбросил окончательно раннюю версию. В газетной публикации возобладала злоба дня, не отменяющая философского смысла раннего текста. В книге стихов Мандельштаму была важнее эстетическая самооценка, ибо «Природа – тот же Рим...» содержит более взвешенную и сложную историософскую сентенцию. Нужно учитывать, что обе редакции записаны С. П. Каблуковым в экземпляре «Камня» (1916) под одним номером (IV) в проекте цикла стихов о Риме¹⁷. Поставленные рядом, обе редакции могут восприниматься как двойчатка с характерным инвариантным ядром, а именно повторением строк «В прозрачном воздухе, как в цирке голубом, / На форуме полей и в колоннаде роши» (I, 102), мыслью о тождественности природы и культуры, образом Рима-мира, элементами поэтического «силлогизма»¹⁸, сходством ритма, метра и строфики. Однако авторские намерения, несмотря на наличие списков С. П. Каблукова с планом цикла, включающим обе версии, всё же неясны, поэтому целесообразно считать «Когда держался Рим...» и «Природа – тот же Рим...» двумя редакциями одного стихотворения.

По форме редакции стихотворения об Исаакиевском соборе и первой части «Камы» также напоминают двойчатки, ибо в них есть повторяющийся цельный фрагмент, чётко отделяются инвариантная и вариативная части. Однако мешает относить их к двойчкам в первом случае отсутствие аргументов в пользу авторского намерения печатать обе версии рядом, а во втором случае фактор автоцензуры, т. е. наличие цензурного и свободного варианта и колебания автора в выборе¹⁹. Таким образом, между со-

вокупностью двух редакций и микроциклом-двойчаткой нет абсолютно чёткой «демаркационной» линии. Диффузность в текстовой, жанровой системах, а также в формах циклизации является характерной чертой лирики Мандельштама.

Четыре редакции послания «Кассандре» представляют иную структуру. Первопечатный текст²⁰ состоит из пяти строф и заканчивается так: «На площади с броневидами / Я вижу человека: он / Волков горящими пугает головнями: / Свобода, равенство, закон». В таком виде он представлен в Полном собрании сочинений и писем²¹. В следующей публикации есть различия и другой финал: «Большая, тихая Кассандра, / Я больше не могу / Зачем сияло солнце Александра, / Сто лет тому назад сияло всем?»²². Третья версия стихотворения записана В. Виленкиным со слов Ахматовой в 1961 г.²³. В ней вновь меняется финал: «Касатка милая, Кассандра! / Ты стонешь, ты горишь – зачем / Сияло солнце Александра / Сто лет тому назад, сияло всем?»²⁴. Ещё одну редакцию издатели представляют как восстановленную вдовой поэта. Здесь уже в корне меняется композиция, делая смысловую перспективу стихотворения более мрачной: третья строфа с пророчеством («Когда-нибудь в столице шалой...») перемещается на место финала. Именно эта версия избрана издателями отечественного четырёхтомного собрания (I, 67). Никакого намёка на единую композицию в этой совокупности редакций, конечно, нет, тем более, что слишком велики повторяющиеся фрагменты. С точки зрения генезиса недостаточно данных, чтобы выстроить единую линию развития замысла. В контексте поэтики Мандельштама мы имеем основания предположить, что перед нами открытая структура, объединяющая различные версии на единой основе и никак не закреплённая автором. Возможно, что открытый характер группы редакций отражает нюансы отношения Мандельштама к революции и перспективам русской истории, т. е. сложное переплетение притяжения и отторжения. Идеология и эстетика в данном случае не противоречат друг другу. Есть основания видеть в данной смысловой и текстовой структуре специфическое проявление вариативности, тенденцию к сохранению разных версий замысла.

Описанные выше проблемы можно продемонстрировать на примере цикла «Кама» (апрель–май 1935). Две редакции первой части цикла «Кама», свободную (Кама-1) и продиктованную соображениями самоцензуры (Кама-2), по словам Н. Я. Мандельштам, поэт собирался печатать вместе²⁵. Здесь нет хронологического разрыва, и от подхода текстологов зависит, считать ли цикл диптихом или триптихом²⁶. Н. Я. Мандельштам не сомневалась, скорее всего, по идеологическим соображениям, что основной вариант – бесцензурный²⁷.

Как на Каме-реке глазу тёмно, когда
 На дубовых коленях стоят города.
 В паутину рядясь, борода к бороде,
 Жгучий ельник бежит, молодея, в воде.
 Упиралась вода в сто четыре весла,
 Вверх и вниз на Казань и на Чердынь несла.
*Так я плыл по реке с занавеской в окне,
 С занавеской в окне, с головою в огне.
 А со мною жена пять ночей не спала,
 Пять ночей не спала, двух конвойных везла*
 (III, 93).

Два последних двустихия этого варианта прямо описывают реалии дороги в ссылку. Кама-1 строится на резком контрасте метафорического пейзажа (общие шесть строк) и четверостишия, непосредственно вводящего тему личной судьбы поэта. Вместе с тем «былинный» зачин («Как на Каме-реке глазу тёмно, когда...»), подхваты в фольклорном стиле и внутренние рифмы («С занавеской в окне, с головою в огне»), а также парадоксальная инверсия (жена «двух конвойных везла») преобразуют фрагмент, в том числе и пейзаж. Распределение социальных ролей перестаёт быть очевидным, конвойные становятся частью той российской глубинки с её стихийной эпической силой, древней и молодой, которая воспроизведена в начальных шести строках, а образу жены приданы материнские, миротворческие черты²⁸. Благодаря этому позиция лирического героя по отношению к происходящему в стране обнаруживает свою противоречивость и глубину. Находясь в Воронеже и вспоминая своё путешествие, Мандельштам сумел осмыслить то, что, быть может, было закрыто для него, находящегося после тюрьмы в полубезумном состоянии, или что он чувствовал в минуты просветления на пути в ссылку²⁹. Так «отщепенец в народной семье» общается к «многодонной жизни» России, противопоставленной современному мороку.

В художественном отношении цензурная редакция не проигрывает свободной, хотя в идеологическом выглядит внешне невинной. В ней функция углубления исторической перспективы переходит к пейзажу, который и заполняет весь текст. В этом смысле Кама-2 выглядит более или менее монолитной:

Как на Каме-реке глазу тёмно, когда
 На дубовых коленях стоят города.
 В паутину рядясь, борода к бороде,
 Жгучий ельник бежит, молодея, в воде.
 Упиралась вода в сто четыре весла,
 Вверх и вниз на Казань и на Чердынь несла.
*Чернолюдем велик, мелколесьем сожжён
 Пулемётно-бревенчатой стаи разгон.
 На Тоболе кричат. Обь стоит на плоту.
 И речная верста поднялась в высоту* (III, 94).

Ассоциативный строй этого варианта устремлён к русской истории. И города на ду-

бовых коленях (метафора пристани или набережной), и метафорические бороды ельника перекликаются с «чернолюдем» и реалиями гражданской войны, указывая на значимый подтекст и примыкающие к циклу стихотворения «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...» (апрель–май 1935) и «Стансы» (май–июнь 1935). Мотивы притяжения советской действительности открыто звучат и в «Стансах», и в третьей части цикла «Кама»:

И хотелось бы тут же вселиться, пойми,
 В долговечный Урал, населённый людьми,
 И хотелось бы эту безумную гладь
 В долгополой шинели беречь, охранять
 (III, 94. «Кама»).

Люблю шинель красноармейской складки –
 Длину до пят, рукав простоя и гладкий
 (III, 95. «Стансы»).

Одновременно в этой группе стихов звучат лейтмотивы, связанные с представлением о стихийной и тёмной мощи народной массы. «Чернолюдем» отзывается в «черноверхой массе» (III, 92) из стихотворения «День стоял о пяти головах...», «я должен жить, дыша и большевея» (III, 95) из «Стансов» – в строке «А за нами неслись большаки на ямщицких вожжах» (III, 92), обыгрывающей народные коннотации словесного гнезда «большаки – большевея»³⁰ и смысловое совмещение образов дороги и «русского бунта», возможно, с «пушкинскими» аллюзиями³¹.

Если читать Каму-1 и Каму-2 вместе, то мысли поэта о многоликостях народа, русской истории, о своём месте в ней предстанут более объёмными. В такой перспективе не очень понятные строки из «Стансов» о шинели – «Проклятый шов, нелепая затея / Нас разлучили, а теперь – пойми: / Я должен жить, дыша и большевея / И перед смертью хорошея – / Ещё побыть и поиграть с людьми!» (III, 95)³² – становятся ясным продолжением «Камы». Пушкинская мысль о пропасти между частями нации и сам образ Пушкина («Пушкина чудный товар») в данной группе стихов также развивают эту тему. Если же остановиться на одной редакции первой части цикла, цензурной или свободной, можно не заметить важные элементы художественной концепции и связи цикла с лирическим контекстом, зато противоречие между темой пути в ссылку (первая часть) и мотивами притяжения действительности (вторая/третья часть) становится более наглядным. Существование двух версий первой части внутри цикла «Кама» очень похоже на двойчатку. Подобные циклические структуры (двойчатки в триптихе) есть в лирике Мандельштама («Летейские стихи», «Стихи о русской поэзии»), однако повторяются или варьируются в них отдельные строки, являя собой внешние скрепы цикла, которые выполняют роль акцен-

тирования его смысловой и сюжетной динамики. Так, например, пушкинские «конский топ» и «людская молвь», восходящие к мотивам бесовства из «Сна Татьяны» и к «Песням о Стеньке Разине», варьируются в двух частях «Стихов о русской поэзии»: 1) «Пахнет потом – конским топом – / Нет – жасмином, нет – укропом, / Нет – дубовою корой»; 2) «С рабским потом, конским топом / И древесною молвой» (III, 67). Благодаря эпитету «рабский» и слову «молва» во второй части в природном мире проступает человеческий социум. «Пушкинский» же подтекст не только развивает магистральную тему цикла, но и открывает необозримые смысловые перспективы. И в «Летейских стихах», и в «Стихах о русской поэзии» состав цикла не вызывает сомнений, а проблема выбора автором того или иного варианта не стоит. В этом они отличаются от цикла «Кама».

Приведённый обзор позволяет сделать предварительные выводы. Различение в лирическом наследии Мандельштама редакций, предполагающих выбор основного текста, и циклических структур, обыгрывающих повторы и вариации стихотворных периодов, создаёт трудноразрешимые проблемы. Тем не менее, можно выделить критерии, которые служат ориентиром в этом процессе: 1) хронология, 2) генезис, объём и конфигурация повторов и вариаций, 3) свидетельств об авторских планах представления замысла. Какова бы ни была природа изучаемого лирического единства, сравнение различных эманаций замысла, анализ самого процесса его разветвления углубляет понимание и открывает характерные особенности многослойной концептуализации в лирике Мандельштама.

Примечания

- 1 См.: Борьба : Орган революционного социализма / под ред. С. Д. Мстиславского, В. М. Качинского. Киев, 1919. Кн. 1. С. 3. К слову, стихотворение дано в подборке с другим – «Обижено уходит за холмы...» (1915), и эта подборка, по сути, является циклом. Эпитет «овечьих» вместо «бараньих» из другой редакции продиктован, в частности, поэтикой несобранного цикла, где «овечья» метафорика привязана к плебейскому миру.
- 2 Мандельштам О. Собр. соч. : в 4 т. / сост. П. Нерлера, А. Никитаева. М., 1993–1997. Здесь и далее тексты Мандельштама цитируются по этому изданию с указанием в скобках тома римской и страницы арабской цифрой.
- 3 См.: Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. / сост., подг. текста и коммент. А. Г. Мец. Т. 1. М., 2009. С. 294. Основания у текстолога гипотетические – ошибка памяти (Там же. С. 682).
- 4 П. М. Нерлер признаёт законным авторское дополнение 1936 г. по первоначальной редакции (См.: Нерлер П. Комментарии // Мандельштам О. Собр. соч. : в 2 т. / сост. подг. текста и коммент. П. М. Нерлера. Т. 1. М., 1990. С. 496). А. Г. Мец считает нужным представить его в разделе «Другие редакции» (См.: Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 1. С. 463).
- 5 По словам Н. Я. Мандельштам, поэт «собирался печатать оба стихотворения под номерами (1–2) с общим названием» (Мандельштам Н. Собр. соч. : в 2 т. Т. 2. Екатеринбург, 2014. С. 742).
- 6 См.: Гаспаров М. «Ариост» Мандельштама. Редакция морская и редакция степная // Гаспаров М. О русской поэзии : Анализ, интерпретации, характеристики. СПб., 2001. С. 315–333. См. также: Мандельштам О. Стихотворения. Проза / сост., вступ. ст. и коммент. М. Л. Гаспарова. М., 2001. С. 193, 218.
- 7 См.: Мандельштам О. Собр. соч. : в 4 т. / под ред. Г. П. Струве, Б. А. Филиппова. Т. 1. М., 1991. С. 192–194.
- 8 См.: Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 1. С. 180–181, 482–483.
- 9 См.: Мец А. Комментарии // Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 1. С. 615.
- 10 См.: Мандельштам О. Стихотворения / сост., подгот. текста и прим. Н. И. Харджиева. Л., 1973. С. 170. (Библиотека поэта).
- 11 «Ариост» 1933 г. становится частью несобранного цикла, где главной является тема языка: «Друг Ариоста, Друг Петрарки, Тасса друг...», «Не ищущий чужих наречий, но постарайся их забыть...».
- 12 Семенко И. Поэтика позднего Мандельштама. От черновых редакций – к окончательному тексту. М., 1997. С. 82.
- 13 За исключением стихотворения «Природа – тот же Рим...», они не вошли в авторские книги. В «Стихотворениях» (1928) от послания «Кассандре» осталась только одна строфа (См.: Мандельштам О. Стихотворения. М. ; Л., 1928. С. 114).
- 14 См.: Петроградское эхо. 1918. № 10 (18 января). С. 2. По мнению Д. М. Сегала, «публикация этого стихотворения в дни, непосредственно следовавшие за разгоном Учредительного Собрания, конечно, не могла не отразиться на его семантическом контексте» (Сегал Д. Литература как охранный грамота. М., 2006. С. 495).
- 15 Даты написания окончательно не установлены. Предположительно обе редакции написаны в 1914 году. (См.: Мец А. О. Мандельштам : заметки к комментарию (в томе стихов 1995 года) // Тыняновский сборник. Вып. 11. Девятые Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М., 2002. С. 367–372).
- 16 См.: Мандельштам О. Камень. М. ; Пг., 1923. С. 86 ; Его же. Стихотворения. М. ; Л., 1928. С. 72.
- 17 См. об этом: Мец А. О. Мандельштам : заметки к комментарию (в томе стихов 1995 года). С. 371–372. Если действия С. П. Каблукова соответствуют авторскому плану, то проект цикла либо включал оба варианта – и «Природа – тот же Рим...», и «Когда держался Рим...» – и предполагал их сравнение, либо подразумевал выбор.
- 18 Кихней Л. «Феноменологические» открытия О. Мандельштама : «Закон тождества» как принцип конструирования поэтического смысла // Осип Мандельштам и феноменологическая парадигма русского модернизма : сб. науч. тр. Воронеж, 2008. С. 39.
- 19 См.: Мец А. Комментарии. С. 636.
- 20 См.: Воля народа. 1917. № 206 (31 дек.).

- ²¹ Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 1. С. 191.
- ²² Свободный час. Литературный журнал. 1919. № 8 (1). Внутренняя сторона обложки.
- ²³ См.: Ахматова А. Собр. соч. : в 6 т. Т. 5. М., 2001. С. 478–479.
- ²⁴ Там же. С. 478.
- ²⁵ См.: Мандельштам Н. Собр. соч. : в 2 т. Т. 2. С. 760.
- ²⁶ П. М. Нерлер даёт «Каму» как трёхчастный цикл с единым заглавием (III, 93), А. Г. Мец – как диптих без заглавия (См.: Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 1. С. 200).
- ²⁷ См.: Мандельштам Н. Собр. соч. : в 2 т. Т. 2. С. 760. А. Г. Мец эти же предпочтения мотивирует текстологическими соображениями (См.: Мец А. Комментарии. С. 636).
- ²⁸ У такого изображения конвойных есть биографическая подоплёка. См. описание дороги в Чердынь: Мандельштам Н. Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. С. 128.
- ²⁹ О важности дистанции между временем написания и события пишет Дж. Бейнс: *Baines J. Mandelstam : The Later Poetry*. L. ; Cambridge ; N. Y. ; Melbourne, 1976. P. 127.
- ³⁰ Н. Я. Мандельштам передаёт слова мужа по поводу неологизма «большевея» в «Стансах»: «В победе в 17 году сыграло роль удачное имя – большевики – талантливо найденное слово. И главное, на большинстве в один голос... В этом слове для народного слуха – положительный звук: сам-большой, большой человек, большак, т. е. столбовая дорога. «Больше-вель» – почти что умнеть, становиться большим...» (Мандельштам Н. Собр. соч. : в 2 т. Т. 2. С. 762).
- ³¹ Ещё в начале 1930-х гг. в заметках о Палласе Мандельштам совместил с образом учёного-путешественника и российской дороги мотивы из первоначального замысла «Капитанской дочки» Пушкина, задумываясь о вечной проблеме «интеллигенция и русский бунт»: «А ведь его благородие, вздумай он прокатиться ещё раз, мог попасть в лапы к Пугачёву. То-то он писал бы ему манифесты на латинском языке или указы по-немецки. Ведь Пугачёв жаловал образованных людей. Он бы в жизни Палласа не повесил. В канцелярии Петра Фёдоровича сидел тоже немец, поручик Шваныч или Шванвич. И строчил: ничего... А потом отсиживался в баньке» (III, 388–389).
- ³² «Проклятый шов» и «нелепую затею» понимают по-разному: как намёк на эпиграмму «Мы живём, под собою не чуя страны...» (См.: Гаспаров М. О русской поэзии. С. 363); как атаку на Красную Армию, отлучившую поэта от главного течения жизни (См.: *Baines J. Mandelstam : The Later Poetry*. P. 127); как мысль о разделении страны «на своих и чужих» (См.: *Черашиня Д. Лирика Осипа Мандельштама : проблема чтения и прочтения*. Ижевск, 2011. С. 170).

Образец для цитирования:

Минц Б. А. Проблема различения редакций и циклических структур в лирике О. Мандельштама // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 346–351. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-346-351>

Cite this article as:

Mints B. A. The Problem of Distinguishing Versions and Cyclic Structures in O. Mandelstam's Lyrics. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 346–351 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-346-351>

УДК 821.161.1.09-3+929Набоков

Мотив безумия в прозе В. Набокова

Е. Г. Трубецкова

Трубецкова Елена Геннадиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, etrubetskova@gmail.com

Статья посвящена анализу мотива безумия в прозе В. Набокова. Исследуется роль данного мотива в визуальных экспериментах писателя. Изображение психических расстройств рассматривается как прием «остранения», разрушающий автоматизм восприятия.

Ключевые слова: безумие, «остранение», В. Набоков, визуальность.

The Motive of Madness in V. Nabokov's Prose

E. G. Trubetskova

Elena G. Trubetskova, <https://orcid.org/0000-0001-7728-2382>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, etrubetskova@gmail.com

The article analyzes the motive of madness in V. Nabokov's prose. The role of this motive in the writer's visual experiments is investigated. The portrayal of mental disorders is considered as an 'estrangement' device, destroying the automaticity of perception.

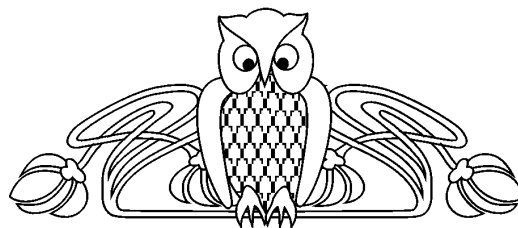
Keywords: madness, 'estrangement', V. Nabokov, visuality.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-352-356>

Еще в 1932 г. Андрей Седых подметил, что у Набокова-Сирина, «физически и морально здорового, спортивного человека все герои <...> свихнувшиеся люди»¹. Позднее Анн Герен высказала удивление наличием патологических отклонений у такого большого числа набоковских героев, на что писатель ответил: «Кататься на велосипеде интересно. Но кататься на нем без рук, без шин, без колес еще лучше, поскольку так оно труднее»².

Как считает Брайан Бойд, значительную роль в возникновении у писателя интереса к изображению пограничных состояний сыграли работы его прадеда по материнской линии Николая Козлова – первого президента Российской императорской академии медицины. Исследователь полагает, что такие труды Н. Козлова, как «О развитии идеи болезни» или «Сужение яремной дыры у людей умопомешанных и самоубийц», «служили “забавным прототипом” <...> целой галереи патологических типов в литературных произведениях» Набокова³.

Следует учитывать и контекст эпохи: большой интерес к изображению пограничных со-

стояний в литературе модернизма и авангарда. Ольга Сконечная, исследуя специфику русского параноидального романа, пишет о его созвучности настроениям рубежа веков: «Страх, ожидание ужаса и готовность к нему, ощущение тотальной угрозы, подозрительность мистически-окультиного и политического толка составляют колорит времени»⁴. В осознании современников граница между проявлениями болезненного сознания и «нормой» становится все более неопределенной. В психиатрии актуализируется вопрос о выделении четких критериев фиксации психических отклонений, о чем писал В. Х. Кандинский⁵. В духе Ч. Ломброзо и М. Нордау отечественный психиатр Ф. Е. Рыбаков говорил о дегенеративных чертах произведений современного искусства и сравнивал их с фрагментами сочинений душевнобольных из хранившейся у него коллекции⁶. Основатель журнала «Вопросы нервно-психической медицины и психологии» И. А. Сикорский, анализируя произведения современной литературы, предложил новую клиническую форму – *idiophrenia paranoides*, – которая, по его мнению, наиболее верно отражала ее характерные патологические черты: «...своеобразный умственный склад, сходный с помешательством и напоминающий по своей внешности паранойей»⁷.

Писатели и художники разных направлений модернизма и авангарда поэтизировали безумие, на новом витке спирали возрождая романтическое представление о нем как о «священной болезни» и делая его своим «методом» осмысления и отображения реальности, о чем писали В. Руднев⁸, И. Сироткина⁹, О. Сконечная¹⁰, И. Ивановщина¹¹, С. Шаргородский¹².

Но одновременно с романтизацией безумия наблюдалось и осмысление его как тяжелого недуга, разрушающего личность и обнажающего самые неприглядные стороны характера, что было показано Федором Сологубом в романе «Мелкий бес». В контексте нашего исследования важно, что изображенное Сологубом тотальное «подозрение», характеризующее параноидальное сознание, может быть рассмотрено как особая форма зрения, прозревающего под покровом реальности тайные знаки.

В послереволюционной метрополической литературе, за редким исключением (в произведениях обэриутов или в прозаических и драматических текстах М. Булгакова), патологические нарушения сознания не будут в центре внимания писателей. Для официальной советской литера-

туры безумие, как и любое отклонение от нормы, будет несовместимо с образом советского человека, в «здоровом теле» которого должен быть непременно «здоровый дух».

В эмигрантской литературе 20–30-х гг. мотив безумия тоже встречается редко и будет связан с изображением трагического столкновения героя с абсурдной реальностью (у Б. Поплавского). Описание навязчивых идей, нервных расстройств в прозе Набокова, на наш взгляд, интересует писателя тем, что дает возможность показать мир с другой точки зрения, сместить фокус изображения. Безумие противопоставлено «здравому смыслу», общей «норме», неприемлемой для Набокова, и этим притягивает автора. М. Бахтин писал, что «литературное сумасшествие» позволяет «освободиться от ложной “правды мира сего”, чтобы взглянуть на мир свободными от этой правды глазами»¹³.

Давая возможность «заглянуть в бездну» или «повернуть глаза зрачками в душу», безумие использует иную оптику, странную и непривычную для рационального взгляда. Оно позволяет «делать знакомые вещи незнакомыми» (В. Шкловский¹⁴), дает «остранение» или (если использовать слова самого Набокова) «перемену теней», порождает «сдвиг, смещающий зеркало», лежащий в основе истинного произведения искусства.

Обратимся к случаям, когда психические отклонения героев создают возможности для визуальных экспериментов повествования. В русскоязычной прозе одним из самых ярких является «сильное нервное расстройство» шахматиста Лужина – так оно названо в тексте, – а П. Тамми¹⁵ и О. Сконежная¹⁶ говорят о параноидальных образах, преследующих героя, Нора Букс в описании болезни Лужина видит клиническую картину аутизма¹⁷. Само понятие «аутизм» было предложено Эйгеном Блейлером (E. Bleuler) в 1911 г. Основываясь на психодинамическом подходе Зигмунда Фрейда, Э. Блейлер выдвинул гипотезу схизиса, специфического расщепления психики, и в 1920 г. «выделил три основных компонента аутистической структуры: утрату контакта с действительностью, “жизнь в воображаемом мире осуществленных желаний и идей преследования” и различную констелляцию аутистического и реального миров»¹⁸.

Первый приступ был у Лужина в детстве, когда он пытался убежать из дома. «...Все это участвовало в его бреду и принимало подобие какой-то чудовищной игры на призрачной, валкой, бесконечно расплывшейся доске»¹⁹. Герой воспринимает все происходящее как проекцию шахматной игры: на даче замечает, что «каменные столбы <...> угрожали друг другу по диагонали» (II, 31), а перед партией с Турати думает, что «этой липой, стоящей на озаренном скате, можно, ходом коня, взять вон тот телеграфный столб» (II, 56). В приеме своеобразной «двойной экспозиции»,

использованной Набоковым при описании визуальных «наложений» в сознании Лужина, можно наблюдать сходство с изображением гоголевского Башмачкина, видевшего «на всем свои чистые, ровным почерком выписанные строки, и только разве если, неизвестно откуда взявшись, лошадиная морда помещалась ему на плечо <...> только тогда замечал он, что он не на середине строки, а скорее на середине улицы»²⁰.

Набоков показывает постепенное полное «переселение» героя в другую, шахматную, реальность. Герой начинает испытывать странное раздвоение сознания сначала во время сна: «Лужин, томно рассеянный по комнате, спит, а Лужин, представляющий собой шахматную доску, бодрствует и не может слиться со счастливым двойником» (II, 72). Но постепенно герой ощущает аутоскопические галлюцинации и наяву: «...после каждого турнирного сеанса все с большим и большим трудом вылезал из мира шахматных представлений, так что и днем намечалось неприятное раздвоение» (II, 72). Во время того, как ему стало плохо в берлинской гостинице, он чувствовал «сердцебиение, и странные мысли, и такое чувство, будто мозг одеревенел и покрыт лаком» (II, 55). «После трехчасовой партии у него странно болела голова, не вся, а частями, черными квадратами боли» (II, 82).

Когда он пытается убежать после поединка с Турати от какой-то «гаинственной погони», он ощущает, что «ноги от пяток до бедер были плотно налиты свинцом, как налито свинцом основание шахматной фигуры <...>. Он потянулся к решетке, но тут торжествующая боль стала одолевать его, давила, давила сверху на темя, и он как будто сплющивался, сплющивался, сплющивался и потом беззвучно рассмеялся» (II, 82–83). Это видение продолжается и во сне, где перед ним «простирались все те же шестьдесят четыре квадрата», и посреди этой «великой доски», «дрожащий и совершенно голый, стоял Лужин, ростом с пешку...» (II, 139).

В описании галлюцинаций героя «Защиты Лужина», на наш взгляд, можно видеть интересное сходство с новеллой Сигизмунда Кржижановского «Проигранный игрок» (1922), опубликованной в «Гостинице для путешественников в прекрасном» (1923–1924, № 3–4)²¹. Как и герою Набокова, мистеру Пемброку становится плохо во время шахматной партии, он умирает, а душа его переселяется в пешку: «“Неужели я уснул? Во время партии?” – подумала пешка, делая усилие стать снова шахматистом: проснуться. Тщетно. <...> И вдруг мистер Пемброк понял. Нечеловеческий ужас охватил его всего – от деревянной головки до подклеенной кружком зеленого сукна ножки. Ужас собственной пойдённости»²². Напомним, что во сне Лужин видит себя на шахматной доске ростом с пешку.

Интересно здесь не только сюжетное совпадение, но и мотивировка – и у Кржижановского,

и у Набокова сюжет «превращения» связывается с тонкими оптическими экспериментами. «Проигранный игрок» испытывает странные ощущения: «По глазам его ударило каким-то совершенно новым и непонятным миром <...> линии паркетных полов раздлиннились. Не явью, а снявшимися образами глядели обступившие со всех сторон мерцающие белыми и черными выступами, чудовищные обелископодобные сооружения, неизвестно кем, к чему и как расставленные по гигантскому черно-белому паркету потерявшего свои стены зала»²³.

У Набокова герой, видящий себя посреди огромной шахматной доски, «вглядывался в неясное расположение огромных фигур, горбатых, головастых, венценосных» (II, 139). Но, в отличие от новеллы Кржижановского, где модус повествования подчеркивает «реальность» описываемых невероятных событий, происшедших с мистером Пемброком, в «Защите Лужина» автор создает дистанцию между описанием событий и их восприятием в сознании героя.

Другой пример «странного» видения изображен в «Соглядатае». В отличие от Лужина, Смуров лишен творческого воображения, он, скорее, «маленький человек», бедный эмигрант, избитый на глазах двух воспитанников ревнивым мужем своей любовницы, в отчаянии пытается совершить самоубийство²⁴. То, что происходит потом, не допускает однозначной интерпретации (в связи с этим Александр Долинин называет «Соглядатая» «исходной моделью для всех позднейших “нарративных детективов” Набокова»²⁵). Являются ли дальнейшие события посмертным «сном», как считает сам герой, или они происходят «в реальности», а может быть, он так и остается в больнице (по описанию напоминающей лечебницу для душевнобольных, где он ощущает, что «туго закутан», и его окружают «соседи – такие же мумии <...> – по три мумии с каждой стороны» (II, 307)), и все наблюдения – бредовые галлюцинации? «Душевнобольным» называет Смурова Роман Борисович, правда, в связи с предполагаемой kleptomанией героя (II, 306). Косвенно подтверждается данная гипотеза и интертекстуальными связями заглавия с романом Сологуба «Мелкий бес», где герой постоянно видит «соглядатаев», преследующих его: «Какие-то соглядатаи, казалось ему, прятались за столбами, выглядывали оттуда, старались его рассмешить»²⁶; «Ветер шевелил обои. Они шуршали тихим, зловещим шелестом, и легкие полутени скользили по их пестрым узорам. “Соглядатай прячется там, за этими обоями”, – думал Передонов»²⁷; «Он внезапно увидел городского, – тот стоял себе на углу и лушил подсолнечниковые семечки. Передонов почувствовал тоску. “Опять соглядатай, – подумал он, – так и смотрят, к чему бы придраться”»²⁸.

Рассказчик пристально наблюдает, неотступно следит за Смуровым, пытаясь разгадать тайну

его личности. В заглавии мотив выслеживания связывается с мотивом пристального рассматривания, что еще более усилено в английском издании: Набоков перевел название «Соглядатай» как «The Eye» и в предисловии писал, что изобразил «мир душерастворения, где бедный Смуров существует лишь постольку, поскольку он отражается в сознании других людей, которые, в свою очередь, пребывают в том же странном, зеркальном состоянии, что и он»²⁹. Рассказчик замечает, что на образ интересующего его Смурова «вливают климатические условия в различных душах, что в холодной душе он один, а в цветущей душе окрашен иначе...» (II, 302).

Проблема интерпретации осложняется в финале еще одним аспектом: оказывается, что человек, за которым ревностно следил рассказчик, воображая его разные облики в сознании знакомых людей, это и есть он сам. То есть похождения Смурова могут быть восприняты как аутоскопическая галлюцинация героя³⁰. Здесь можно видеть отсылку к «Двойнику» Достоевского, о чем писали Дж. Коннолли, К. Басилашвили, А. Долинин, О. Скопечная. Интересно, что у Достоевского герой решает: «Я буду так – наблюдателем посторонним буду, да и дело с концом...»³¹. На наш взгляд, в парадоксе «Соглядатая» можно видеть аллюзию и на роман Лермонтова, рефлексирующий герой которого признается, что «в нем два человека: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его»³². Окончательному разоблачению, слиянию образов рассказчика и героя предшествует, казалось бы, эпизодическая (но у Набокова не бывает незначущих деталей) сцена в цветочном магазине, выходя из которого рассказчик видит, «как сбоку в зеркале поспешило ко мне мое отражение, молодой человек в котелке, с букетом. Отражение со мною слилось, я вышел на улицу» (III, 342).

Если в «Соглядатае» (как и в «Отчаянии», и позднее в «Бледном огне») душевная болезнь героя – один из вариантов интерпретации изображаемых событий, то в «Даре» Набоков более определенно называет состояние одного из персонажей, Александра Яковлевича Чернышевского, болезнью, упоминает о лечебнице и «стеклянно-резиновой помощи врачей» и так описывает его мироощущение после потери сына: «<...> загородка, отделявшая комнатную температуру рассудка от безбрежно безобразного, студеного, призрачного мира, куда перешел Яша, вдруг рассыпалась, и восстановить ее было невозможно, так что приходилось пробоину как-нибудь занавешивать да стараться на шевелившиеся складки не смотреть. Отныне его жизнь пропускала неземное <...>» (III, 46).

Наиболее ярко параноидальные страхи и видения героя описаны автором в рассказе «Знаки и символы» (1947). Состояние находящегося в психиатрической лечебнице сына родители

называют «манией упоминания», при которой «больной воображает, будто все, что происходит вокруг, содержит скрытые намеки на его существование и существование. <...> Мир явлений тайно следует за ним, куда б он ни направлялся. Облака в звездном небе медленными знаками сообщают друг другу немислимо доскональные сведения о нем. При наступлении ночи деревья, темно жестикулируя, беседуют на языке глухонемых о его сокровеннейших мыслях. <...> Все сущее – шифр, и он – тема всего. Одни филеры, такие как стекла, тихие заводы, суть равнодушные соглядатаи, другие – пиджаки в магазинных витринах – пристрастные свидетели, линчеватели по натуре; еще другие (грозы, текущая вода), истеричные до безумия, имеют о нем искаженное представление и нелепо заблуждаются, толкуя его поступки. Приходится вечно быть начеку и каждую минуту, каждый кусочек жизни отдавать расшифровке волнообразных движений окрестных вещей»³³. При этом необходимо помнить, что сам мотив «разгадывания узора» очень близок поэтике автора, в которой нет случайных деталей, и каждая мелочь может стать ключом к разгадке замысла. Александр Долинин, приводя перифразированные Набоковым слова из притчи царя Соломона: «Слава Божия – спрятать вещь, а слава человека – найти ее», пишет: «Каждый набоковский рассказ и роман что-то прячет, и читатель должен научиться разыскивать спрятанное, решая разнообразные загадки, предлагаемые ему богоподобным автором, – загадки словесные, фабульные, интертекстуальные»³⁴.

Но в искусстве «разгадывание узора» приносит эстетическое и интеллектуальное наслаждение: «<...> кусочки картины вдруг мгновенно сходятся у вас в голове <...> и вас пронзает дрожь вольного волшебства, какого-то внутреннего воскрешения <...>»³⁵. В больном сознании тайные знаки, случайные совпадения рождают страх.

Набоков, наряду с введением визуальных экспериментов, мотивированных болезненным сознанием героя, показывает несовершенство восприятия его сознания. И здесь он категорически не согласен с тенденцией сближения гениальности и помешательства: «Сумасшествие – всего лишь больной остаток здравого смысла, а гениальность – величайшее духовное здоровье, и криминолог Ломброзо все перепутал, когда пытался установить их родство, потому что не заметил анатомических различий между манией и вдохновением, между летягой и птицей <...>»³⁶. По мнению Набокова, сумасшедший обладает способностью к диссоциации привычных образов, в то время как творец создает из полученных фрагментов новый мир: «Лунатики потому и лунатики, что тщательно и опрометчиво расчленив привычный мир, лишены – или лишились – власти создать новый, столь же гармоничный, как прежний»³⁷.

Примечания

- 1 Набоков о Набокове и прочем : Интервью, рецензии, эссе / сост., предисл. и коммент. Н. Мельникова. М., 2002. С. 52.
- 2 Набоков В. Интервью Анн Герен // Набоков о Набокове и прочем. С. 99.
- 3 Бойд Б. Владимир Набоков : Русские годы : биография / пер. с англ. Г. Лапиной. М. ; СПб., 2001. С. 42.
- 4 Сконечная О. Русский параноидальный роман : Федор Сологуб, Андрей Белый, Владимир Набоков. М., 2015. С. 6–7.
- 5 См.: Кандинский В. О псевдогаллюцинациях. Критико-клинический этюд. СПб. : Изд-е Е. К. Кандинской, 1890. В. Х. Кандинский первым в России предложил классификацию психических заболеваний (1872 г., усовершенствована в 1887 г.). Сам подверженный психической болезни, он, одновременно как врач и как пациент, изложил собственный опыт в труде «О псевдогаллюцинациях». Эта работа принесла автору мировую известность и стала читаемой не только в профессиональных медицинских, но и в художественных кругах. Андрей Белый, изучавший книгу Кандинского с большим интересом, предпринял грандиозную попытку отразить «морок сознания» современного человека, «исполненного ужасом своего одиночества» (Вяч. Иванов).
- 6 См.: Рыбаков Ф. Современные писатели и больные нервы. Психиатрический этюд. М., 1908. С. 29, 37–38.
- 7 Сикорский И. Русская психопатическая литература, как материал для установления новой клинической формы – Idiophrenia paranoidea // Вопр. нервно-психической медицины. 1902. № 4. С. 43.
- 8 См.: Руднев В. Философия языка и семиотика безумия. Избранные работы. М., 2007.
- 9 См.: Сироткина И. Классики и психиатры : психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX веков. М., 2008.
- 10 См.: Сконечная О. Указ. соч.
- 11 См.: Иванюшина И. Русский футуризм : идеология, поэтика, прагматика. Саратов, 2003.
- 12 См.: Шаргородский С. Безумство храбрых. Футуризм, вырождение и безумие : вокруг «Футуризма и безумия» Е. П. Радина // Радин Е. Футуризм и безумие. Параллели творчества и аналогии нового языка кубо-футуристов / предисл. С. Шаргородского. Б.м. : Salamandra P.V.V., 2011.
- 13 Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 58.
- 14 Шкловский В. Искусство как прием // Шкловский В. Гамбургский счет : Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933) / сост. А. Ю. Галушкин, А. П. Чудаков. М., 1990. С. 63.
- 15 См.: Тамми П. Тени различий : «Бледный огонь» и «Маятник Фуко» // НЛЮ. 1995. № 19. С. 66.
- 16 См.: Сконечная О. Указ. соч. С. 206–212.
- 17 См.: Букс Н. Набоков и психиатрия. Случай Лужина // Семиотика безумия / под ред. Н. Букс. М. ; Париж, 2005. С. 172–193.

- ¹⁸ *Микиртумов Б., Завитаев П.* Аутизм : история вопроса и современный взгляд. СПб., 2012. С. 12
- ¹⁹ *Набоков В.* Защита Лужина // *Набоков В.* Собр. соч. : в 4 т. Т. 2. М., 1990. С. 38. Далее ссылки на произведения В. Набокова даются в тексте с указанием в скобках тома римскими цифрами, страницы – арабскими.
- ²⁰ *Гоголь Н.* Шинель // *Гоголь Н.* Собр. соч. : в 8 т. Т. 3. М., 1984. С. 125.
- ²¹ По свидетельству современников, Кржижановский был довольно сильным, остро и оригинально мыслящим шахматистом (см.: *Перельмутер В.* Комментарии // *Кржижановский С.* Собр. соч. : в 6 т. Т. 1. СПб., 2001. С. 613). Одна из последних его работ – «Драматургия шахматной доски».
- ²² *Кржижановский С.* Проигранный игрок // *Кржижановский С.* Собр. соч. : в 6 т. Т. 1. С. 136.
- ²³ Там же. С. 137.
- ²⁴ При этом Набоков в предисловии к английскому изданию пишет, что «силы воображения, которые в конечном счете суть силы добра, неизменно на стороне Смурова...» (*Набоков В.* Предисловие к английскому переводу романа «Соглядатай» (“The Eye”) // *В. В. Набоков* : pro et contra / сост. Б. Аверина, М. Маликовой, А. Долинина ; коммент. Е. Белодубровского, Г. Левинтона, М. Маликовой, В. Новикова. СПб., 1997. С. 58.)
- ²⁵ *Долинин А.* Истинная жизнь писателя Сирина. СПб., 2004. С. 72.
- ²⁶ *Сологуб Ф.* Мелкий бес. СПб., 2004. С. 172.
- ²⁷ Там же. С. 199.
- ²⁸ Там же. С. 69.
- ²⁹ *Набоков В.* Предисловие к английскому переводу романа «Соглядатай» (“The Eye”). С. 58.
- ³⁰ См.: *Connolly J.* Nabokov’s Early Fiction : Patterns of Self and Others. Cambridge, 1992. P. 102–104.
- ³¹ *Достоевский Ф.* Двойник // *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 1. Л., 1972. С. 223.
- ³² *Лермонтов М.* Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. М., 1969. С. 313.
- ³³ *Набоков В.* Знаки и символы // *Набоков В.* Собр. соч. американского периода : в 5 т. Т. 3. СПб., 1999. С. 235.
- ³⁴ *Долинин А.* Как читать Набокова // *Литература.* 2016. 24 августа. URL: <https://arzamas.academy/mag/335-nabokov> (дата обращения: 16.04.2019).
- ³⁵ *Набоков В.* Искусство литературы и здравый смысл // *Набоков В.* Лекции по зарубежной литературе. М., 1998. С. 473.
- ³⁶ Там же. С. 472.
- ³⁷ Там же. С. 472–473.

Образец для цитирования:

Трубецкова Е. Г. Мотив безумия в прозе В. Набокова // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика.* 2019. Т. 19, вып. 3. С. 352–356. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-352-356>

Cite this article as:

Trubetskova E. G. The Motive of Madness in V. Nabokov’s Prose. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 352–356 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-352-356>

УДК 821.161.1.09-1+929[Шварц+Горенко]

Елена Шварц vs Анна Горенко: задачи творца и смысл творчества

А. А. Романов

Романов Андрей Андреевич, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, hp72007@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности культурного диалога поэтов двух поколений – 1970-х и 1990-х годов. На материале творчества Е. Шварц и А. Горенко выявляются ключевые для двух поколений мировоззренческие и эстетические установки, вскрывается разница в понимании задач творца и предназначения творчества.

Ключевые слова: поэзия, Елена Шварц, Анна Горенко, диалог, поколение 1970-х, поколение 1990-х.

Creator's Tasks and the Meaning of the Creative Act. Elena Shvartz vs Anna Gorenko

A. A. Romanov

Andrey A. Romanov, <https://orcid.org/0000-0002-4660-3160>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, hp72007@yandex.ru

The article considers the features of the cultural dialogue of two generations – the 1970's and 1990's. The poems of E. Shvartz and A. Gorenko are analyzed, world-view and aesthetic attitudes that are key for the two generations are indicated. Also the paper reveals the difference in understanding the tasks of the creator and the purpose of the creative act.

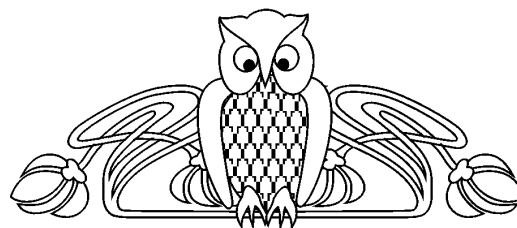
Keywords: poetry, Elena Shvartz, Anna Gorenko, dialogue, 1970's generation, 1990's generation.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-357-360>

Феномен диалогичности пронизывает самые различные сферы жизни. Диалог – основа человеческого взаимопонимания; диалог – основа всех речевых жанров; диалог – единственная возможность понять произведение искусства; диалог – способ понять самого себя.

Осознание культурных, мировоззренческих, эстетических, нравственных позиций происходит в диалоге. Лишь при столкновении с «другим» очерчивается «свое». По М. Бахтину, понять художественный текст – «значит увидеть и понять другое, чужое сознание и его мир»¹. Все повороты культуры, ее преломления также становятся заметны лишь в диалоге. Показательный пример фиксации этих изменений – поколенческий диалог.

Литературные поколения 1970-х и 1990-х гг. имели принципиально различные мировоззренческие и эстетические установки. В том числе

это проявлялось в разном понимании задач творца и смысла творчества. На примере двух ярких представителей своих поколений, Е. Шварц и А. Горенко, постараемся очертить основные параметры этой проблемы.

В 1970-е гг. в пространстве отечественной поэзии появляется молодое поколение, которое представляет оппозицию официальной литературе. М. Эпштейн, размышляя о феномене «семидесятничества», отмечает, что принципиально поменялись ценностные ориентиры, которые и сформировали новую литературу. Если для «шестидесятников» важна была искренность, открытость, исповедальность, смелость и раскованность, то у нового поколения был другой «словарь». Особую ценность для них представляли культура, миф, обычай, знак, многозначность. Характеризуя поэтику и мировоззрение новых авторов, М. Эпштейн констатирует: «У многих новых поэтов есть особая, близкая их мироощущению культурная призма, через которую они преломляют образы окружающей действительности»².

Одним из таких поэтов была Е. Шварц. Как отмечала О. Седакова, Е. Шварц сразу «пришла в русскую поэзию со своим миром»³, который отличался от всего того, что было до неё.

В одном из первых опубликованных стихотворений, написанном в 1973 г., автор раскрывает индивидуальное понимание задачи поэта. Творческий путь представляется ей как миссия, постоянное стремление к постижению метареальности:

Соловей спасающий

Соловей засвистал и защелкал –
Как банально начало – но я не к тому –
Хотя голосовой алмазною иглой
Он сшил Деревню Новую и Каменного
дышащую мглу,
Но это не было его призваньем. Он в гладком
шаре ночи
Всю простучал поверхность и точку ту нашел,
слабее прочих.

Друг! Неведомый! Там он почуял иные
Края, где нет памяти, где не больно
Дышать, – там они, те пространства родные,
Где чудному дару будет привольно.
И, в эту точку голосом ударив, он начал жечь её
как кислотой,
Ее буравить, рыть, как роет пленник,
такою ж прикрываясь темнотой.

Он лил кипящий голос
В невидимое углубленье –
То он надеялся, что звук взрастет, как колос.
Уже с той стороны, то умолкал в сомненье.
То просыпался и тянул из этой ямки все подряд,
Как тянут из укуса яд.

Он рыл туннель в грязи пахучей ночи
И ждал ответ
С той стороны – вдруг кто-нибудь захочет
Помочь ему. Нездешний свет
Блеснет. Горошинку земли он в клюв тогда бы
взял
И вынес бы к свету чрез темный канал⁴.

Судьба Соловья – очевидная метафора поэтического творчества. «Голос», «горло», «пение» являются традиционными атрибутами поэта. Голос Соловья у Е. Шварц – прочный, острый, тонкий и изящный: поэт сшивает мир «голосовой алмазной иглой».

Существо реального мира – Соловей – одновременно связан с «другим», «неведомым» пространством, которое он не знает, но способен «почувать» и ощутить «родным». Это пространство сходно по своим характеристикам с представлением о рае. Оно предельно идеализировано и опирается лишь на веру в его существование. Это место успокоения («нет памяти»), там отсутствует физическая боль («не больно дышать»), певцу предоставлена полная творческая свобода («чудному дару будет привольно»).

Связь поэта с метареальностью, пространством высших смыслов – устойчивый мотив мировой поэзии. Но если, например, символистская концепция двоимирия предполагала принципиальную недостижимость идеала, а поэзия служила лишь средством на мгновение трепетно прикоснуться к нему, то лирический герой Е. Шварц осуществляет свою связь с «другим» пространством настойчиво и агрессивно: он идет напролом, «жжёт» стену, его стремление попасть «туда» – вопрос жизни и смерти, реальность его убивает, в ней «больно дышать».

Стихотворение Е. Шварц строится на оппозициях единиц пространственного кода «свой – чужой», «закрытое – открытое», «низ – верх». «Гладкий шар ночи» – закрытое и абсолютно чуждое для персонажа пространство. Соловей пытается преодолеть границу, разомкнуть реальность при помощи творчества. Эта цель делает Соловья «Спасителем», а миссию поэта созидательной. Он пытается пробиться в идеальный мир не только для того, чтобы самому познать «чудный край», но и чтобы сделать реальный мир лучше, открыть ему путь спасения.

Через год, в 1974 г., Е. Шварц написала произведение «Соловей спасающий (стихотворение-двойник)», в котором, сохранив основной «костяк» первоначального текста, произвела некоторые экспрессивные усиления. Например,

если в первом варианте «яд», с которым приходится иметь дело Соловью, – лишь сравнение («Как тянут из укуса яд»), то во втором он становится вещественно ощутимым («Проглатывая грязь и всасывая яд» (7)) и буквально убивает поэта. Пытаясь спасти мир, он умирает сам. Соловей, таким образом, ассоциируется с Христом: он приносит себя в жертву, чтобы создать «мост» между идеальным и реальным пространствами.

Текст завершается «открытым финалом». Итог в обоих вариантах один – Соловью не удастся изменить реальный мир, привнести в него свет «родного» пространства. Сослагательное наклонение в обоих вариантах указывает на желательность, но неосуществимость задачи: «Горошинку земли он в клюв тогда бы взял / И вынес бы к свету чрез темный канал» (6). В «двойнике» акцентировано внимание на опустошающих и губительных для поэта последствиях поэтического подвига: «Горошинку земли он под язык вкатил / И выплюнул бы в свет, а сам упал без сил» (7). Не достигнув цели, Соловей остаётся в вечном поиске способа преодоления границы.

В двух этих стихотворениях Е. Шварц формулирует собственную позицию в вопросе о задачах творца: он исцеляет и спасает мир, часто ценой своей жизни. А смысл творчества – попытка созидания и обновления мира через поиск высших смыслов.

Поколение 1990-х переосмысляет предназначение поэта и задачи искусства. Если бы кто-то попробовал составить «словарь» качеств и ценностей этого поколения, то в него неизбежно бы попали понятия: неустойчивость, инфантильность, эпатажность, замкнутость. Различия в установках двух поколений поэтов наглядно демонстрирует «диалог» Е. Шварц и А. Горенко (Анны Карпы (1972–1999)) – яркого представителя младшего литературного поколения.

В 2001 г. Е. Шварц написала стихотворение, посвященное памяти А. Горенко.

Письмо друг другу

Анечка, ни за так, ни за деньги
Больше случайно не встречу и не найду...
Как долго бродили по Ерусалиму
В будущем уже (длинном) году.

Очередь осеней затосковала,
Лязгнул топор о топор в саду.
То ль наяву, то ли в сонном бреду
Ты так потерянно повторяла:
«Черную воду ногой разведу».
Только зря в холода ты ныряла
В пеплом подернутом темном пруду,
Зря, выгибаясь, иглой вырезала
Звезды на тощем заду (443).

В своем прощальном письме Е. Шварц не просто скорбит по ушедшему другу, но признает в А. Горенко истинного поэта. Ее смерть стала

для Е. Шварц не только личной потерей, она видела в ней потерю всего поколения, целой эпохи, культуры.

Е. Шварц уделяет личному и исключительно дружескому прощанию лишь первые четыре стиха, которые даже графически отделены от остального текста. С пятого стиха резко меняется фокус и масштаб переживания. Потеря ощущается уже как глобальная: «Очередь осеней за-тосковала».

Звук лязгающего топора, отсылающий к чеховскому «Вишневому саду», – один из самых сильных по эмоциональности, уровню трагизма и смысловой наполненности для русского читателя символов. Этот «лязг топоров» маркирует точку невозврата, признак уходящего навсегда мироустройства.

«Сад» в контексте творчества Е. Шварц имеет несколько смыслов. Это не только дань отечественной традиции, восходящей, безусловно, к одной из самых сложных комедий А. Чехова, но и непосредственное высказывание о литературном наследии. Поэтическое творчество как возделывание сада – одна из устойчивых метафор. Вслед за О. Мандельштамом, открывшим двойственную роль человека как творца и творения («Я и садовник, я же и цветок»)⁵, Е. Шварц утверждает: «Поэт всегда себе садовник есть и садик». Прерванная судьба поэта – трагичная потеря для литературы, ее «вырубка», обеднение. Так Е. Шварц оценивает и смерть А. Горенко.

Вместе с тем «Письмо друг другу» демонстрирует различие двух поэтов при несомненной их близости. Образу «Анечки» соответствует «пограничная оптика»: «То ль наяву, то ли в сонном бреду». На протяжении всего творческого пути Анну Горенко привлекало преодоление различных границ, она всегда остро их ощущала. Репрезентация этих ощущений, порой болезненных, занимала значительное место в ее творчестве. Ее волновала граница между детством и зрелостью, сознательным и бессознательным, жизнью и смертью, трезвостью и опьянением, болью эмоциональной и физической. Стремление к беспрепятственному преодолению любых границ было проявлением ее перманентной тяги к свободе, к осуществлению какой-то ее абсолютной полноты.

Лаконичными и точными штрихами Е. Шварц передает узнаваемые настроения и интонации А. Горенко: «Ты так потерянно повторяла...» Лирическая героиня А. Горенко – потерянный человек в потерянном мире, остро ощущающий дефицит констант. В своих стихах она не раз высказывала надежду на обретение опоры: «...я потом ловлю / ишу на ощупь / сухие и покорные предметы – / они существования приметы / да оттенят они стеклом и дубом / абсурд / и мы на них облокотимся»⁶.

Представление А. Горенко о своем предназначении Е. Шварц передает очень характерной

фразой: «Черную воду ногой разведу». Заглянуть за «черное» и «гладкое», нырнуть вглубь, в холод, под присыпанную пеплом поверхность – это то, что, в системе ценностей Е. Шварц, должен делать поэт.

Но между двумя образами поэта – Соловьем и Анечкой – обнаруживается существенная разница. Первый прикладывал огромные усилия для прорыва завесы между мирами: «...начал жечь её / как кислотой / <...> буравить, рыть», вторая же уверена, что сможет развести эту завесу одним лишь движением ноги. Двух поэтов различает представление о сложности задачи: преграды на их пути противоположны по физическим свойствам: кристаллическая порода и мягкая, податливая вода.

Последняя часть «Письма» построена на оппозиции пространственного кода «низ–верх», где «низ» – полюс разрушения и гибели. Он представлен как пространство «темного пруда» и связан с «телесным низом» – «тощим задом». Эта последняя часть – ключевой момент поколенческого диалога, он обнажает разницу установок. «Нырять в холода» и «вырезать звезды на зад» в системе координат Е. Шварц – категорическое «зря», поскольку это убивает. Автор нарочито дегероизирует путь поэта как безусловное движение вниз, падение, ведь даже «звезды», которые обычно относятся к полюсу «верха», максимально снижаются на смысловой оси, располагаясь на «тощем зад».

Е. Шварц не принимает такой выбор. Во-первых, это чисто человеческое проявление чувств, поскольку положить вымышленного Соловья на жертвенный алтарь таланта куда легче, чем наблюдать за смертью реального человека. Во-вторых, это эстетическая и мировоззренческая позиция: Соловей Е. Шварц пытался избавить мир от яда, а для А. Горенко яд – это питательная среда, импульс к творчеству:

жестокий век я требую всего
что мило мне:
жестокая расплата
и зимняя несчастная любовь
и, темная, пусть расцветает кровь
в моем шприце легко
как пар любезных уст
февральским вечером летит
в холодный воздух (53).

Для поколения 1990-х образ поэта-спасителя неактуален: кажется, что спасать поздно и бесполезно, будущего нет ни для кого:

Им двадцать первый век? –
пусть не отводят глаз!
Это смерть (74).

Поэтический дар А. Горенко проявляется в умении видеть прекрасное в отвратительном и

фиксировать внимание на мимолетном. Ее представление о красоте полемично по отношению к традиционному: «...каменный рай и литой изводи своей *смадной нетрудной своей красотой*» (60). Умение поймать и запечатлеть «трудную красоту» – вот основная цель поэта 1990-х. А. Горенко чувствовала очарование в навсегда уходящем мимолетном мгновении последнего дыхания: «Успевай смотреть: / <...> растекается по мостовой в лучах / мечущегося солнца / невидный пар / сбитой собаки / Этот недолгий жар / требует многих жертв – успевай смотреть» (63); оставила не самый привычный образ смерти – сладостный и вожделенный: «...как запыстье гимназистки / манит радужная смерть» (34), «умереть целиком и заглазно / <...> стать рахат лукумом прекрасно» (10); открыто воспевала «разврат чудесных папирос» (49) и т. д.

Для А. Горенко задача поэта – лишь успевать фиксировать: «...нет у поэзии ни головы ни плеч / не приласкать и не призвать к ответу / ни толком рассмотреть» (64). Поэт – не труженик, он так же легок, как и сама поэзия:

юннат беспризорный могильщик
ты клеил серебряный гроб
но что мне до смерти я птичка
я зоологический сноб
умелец роскошный курильщик
ты думал я жить не хочу
я жизни не знаю я птичка
я небо верчу (15).

Такое мировосприятие освобождает пространственные координаты от традиционной

аксиологии. Звезды «на задку» столь же прекрасны, как и звезды на небосклоне. Поэт может «вертеть» весь земной шар как захочет, пока тот сам не распадется на куски. В этой легкости, по убеждению А. Горенко, гораздо больше мудрости и свободы, чем в борьбе: для нее борьба изначально уже проиграна.

Таким образом, в диалоге Е. Шварц и А. Горенко вскрываются основные мировоззренческие и эстетические различия поколения 1970-х и поколения 1990-х. Для Е. Шварц, как и для многих поэтов того времени, поэт – спаситель, созидающий голос этого мира, поэзия – способ приблизиться к высшим смыслам, лекарство для больной, отравленной действительности. Для А. Горенко поэт нужен только для того, чтобы фиксировать то прекрасное и мимолетное, чем наполнена наша жизнь, поэзия – сложная красота вокруг нас.

Примечания

- 1 *Бахтин М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 306.
- 2 *Эпштейн М.* Парадоксы новизны. М., 1988. С. 147.
- 3 *Седакова О.* Вспоминая Елену Шварц. Первая годовщина. СПб., 2011. URL: http://www.olgasedakova.com/images/124_993_i610.pdf (дата обращения: 10.01.2019).
- 4 *Шварц Е.* Собр. соч. : в 5 т. Т. 1. СПб., 2002. С. 6. В дальнейшем все произведения Е. Шварц приводятся по данному изданию с указанием страниц в скобках.
- 5 *Мандельштам О.* Собр. соч. : в 4 т. Т. 1. М., 1993. С. 37.
- 6 *Горенко А.* Успевай смотреть. Иерусалим, 2014. С. 45. В дальнейшем все произведения А. Горенко приводятся по данному изданию с указанием страниц в скобках.

Образец для цитирования:

Романов А. А. Елена Шварц vs Анна Горенко: задачи творца и смысл творчества // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 357–360. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-357-360>

Cite this article as:

Romanov A. A. Creator's Tasks and the Meaning of the Creative Act. Elena Shvartz vs Anna Gorenko. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 357–360 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-357-360>

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

УДК 81'42'38

В поисках «блуждающего мифа» о смысле текста

(Котюрова М. П., Соловьева Н. В. Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений). – М. : ФЛИНТА, 2019. – 294 с.)

О. В. Мякшева

Мякшева Ольга Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, myakshev@mail.ru

Рецензируемая монография посвящена объяснению свойств хорошего научного текста (целостность, речевая системность, стереотипность, оценочность, абстрактность) под влиянием современных дискурсивных изменений. В ней представлен ценнейший свод стереотипных речевых формул для всех стадий изложения научной мысли, универсальных правил построения научного текста.

Ключевые слова: абстрактный эталон научного текста, речевая системность, стереотипность, оценочность, абстрактность, дискурсивные изменения.

Searching for the 'Wandering Myth'

(Kotyurova M. P., Solovyeva N. V. Modern scientific text (Through the prism of discursive change). – Moscow, FLINTA Publ., 2019. – 294 p.)

O. V. Myaksheva

Olga V. Myaksheva, <https://orcid.org/0000-0003-2553-8555>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, myakshev@mail.ru

The monograph under review is devoted to explaining the properties of a good scientific text (integrity, speech consistency, stereotyping, evaluation, abstractness) under the influence of modern discursive changes. It presents the most valuable set of stereotypical speech formulas for all stages of the presentation of scientific thought, universal rules for constructing a scientific text.

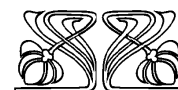
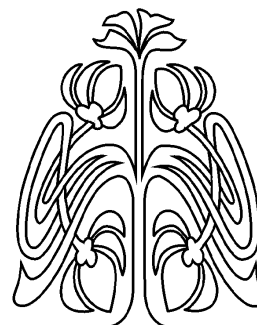
Keywords: abstract standard of scientific text, speech consistency, stereotyping, evaluation, abstractness, discursive changes.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-361-365>

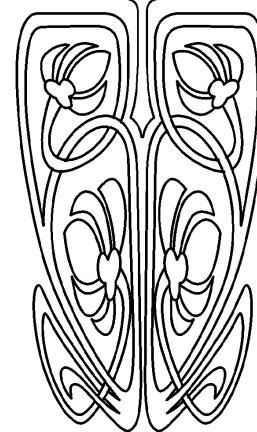
Пермская научная школа функциональной стилистики начиная с 60-х гг. XX в. активно разрабатывала теорию функциональных стилей, сегодня она стала крупнейшим в России центром функционально-стилистических исследований.

Одним из ярких представителей школы является Мария Павловна Котюрова, советский и российский лингвист, доктор филологических наук, с 1994 по 2006 г. – заведующая кафедрой русского языка и стилистики, а сегодня – профессор этой кафедры филологического факультета Пермского университета.

Монографии последних 10 лет, написанные ею и в соавторстве с учениками, «Стилистика научной речи»¹, «Идиостилистика научной речи»², «Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений)»³, как и другие работы, появляясь в пермском издании, часто тут же публикуются в московских, что демонстрирует их острую научную востребованность лингвистическим сообществом. Уже названия этих монографий обнаруживают движение исследовательского интереса ученого – от функциональной стилистики и рече-

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

ведения к антропоцентрической и дискурсивной лингвистике.

Рецензируемая монография (соавтор – канд. филол. наук Н. В. Соловьева) «Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений)», изданная в Москве (издательство «ФЛИНТА», 2019 г.), посвящена объяснению свойств хорошего научного текста (целостность, речевая системность, стереотипность, оценочность, абстрактность) под влиянием современных дискурсивных изменений, к которым авторы относят: «сдвиг» когнитивных ориентаций, нарушение традиционных стилевых норм, актуализацию обыденного сознания и др. Важным моментом в оценке книги является ее отчетливая прагматическая направленность: в ней, на основе анализа конкретных научных текстов (авторефератов, научно-учебной, монографической литературы, рецензий и т. д.) разных временных периодов, представлен ценнейший свод стереотипных речевых формул для всех стадий изложения научной мысли, универсальных правил построения научного текста.

Монография состоит из двух разделов, в первом, «Общий взгляд на современный научный текст», дана модель эталонного научного текста как средства коммуникации в конкретных дискурсивных условиях. Важным для понимания роли представленной концепции в современной лингвистической парадигме является следующее, четко сформулированное в монографии положение: статичность научного стиля соотносится с представлением о модели стиля, а динамичность – с реализацией этой модели посредством конкретных научных текстов (с. 224), что авторы показывают убедительно и многосторонне.

Во второй главе этого раздела под интригующим названием с антонимией «О причинах (не) востребованности научного текста» вводится понятие, являющееся, на наш взгляд, ключевым для ее авторов, – *эпистемическая ситуация* как «представление результата интеллектуального труда исследователя» (с. 8) и «важнейшая смысловая единица научного текста» (с. 18). В этом двуединстве толкования термина мы обнаруживаем важную методологическую основу всей работы – текстоцентрический, антропоцентрический и социально-коммуникативный подходы. Именно внимание к фигурам адресанта и, что чрезвычайно важно, адресата научных текстов, контекста их коммуникации позволили авторам доказать необходимость введения этого феномена – *эпистемическая ситуация*, с помощью которого мы можем увидеть и обосновать характер соотношения эталона научного текста и его репрезентации под воздействием дискурсивных условий, потому что, как сообщается в книге, «и автору, и читателю (потребителю научного знания) совершенно необходимо обладать адекватным представлением, т. е. “блуждающим

мифом” о простой, легко воспринимаемой, доступной смысловой структуре научного текста» (с. 13). Введение понятия *эпистемическая ситуация* (как кванта мысли) в единстве трех аспектов – онтологического, методологического и аксиологического (эти обязательные составляющие *эпистемической ситуации* на протяжении всей книги настойчиво актуализируются) – позволило авторам показать путь превращения информации в научное знание. Например, в 3-й главе «Актуализация обыденного сознания как одна из причин коммуникативных “сбоев” в научных текстах» мы обнаруживаем анализ общения ученого и компетентного читателя в рамках современного научного дискурса. Чрезвычайно ценны здесь мысли о взаимопроникновении обыденного и научного сознания, в частности, *ситуативный эгоцентризм* адресанта, который может проявляться и в непозволительном лаконизме, и в многословии. Изложение в книге теории удивительно пластично: если утверждается, например как в вышеназванном случае, определенное «положение дел», тут же оно оценивается с другой стороны: «Вместе с тем считаем важным подчеркнуть, что *ситуативные проявления эгоцентризма* <...> чрезвычайно важны для создания адекватно понимаемого контекста коммуникации автора и читателя. Благодаря такому контексту когнитивное явление воплощается в компонент коммуникативного, а именно речетворческого процесса» (с. 33).

Во втором разделе монографии «Исходные термины и понятия категориальной стилистики научного текста (Целостность содержания, речевая системность, стереотипность речи, оценочность речи)» содержится подробнейший анализ (по мнению Марии Павловны, это – дополнение к уже открытым ее предшественникам, в первую очередь основателем школы М. Н. Кожиной, и усвоенным лингвистическим сообществом, фоновым для него, знаниям) основных свойств эталонного научного текста. Уточнение *категориальная* к понятию *стилистика научного текста*, вероятно, акцентирует, с точки зрения авторов, внимание на главном предмете интереса – совокупности свойств, которые определяют тексты разных жанров, функционирующие в сфере научно-познавательной деятельности ученых (с. 38).

В пяти главах этого раздела рассматриваются свойства научного текста, однако остается неясным, почему *абстрактность*, исследуемая в 5-й главе, не заявлена в названии. Попытаемся объяснить этот коммуникативный «сбой» между авторами книги и ее читателем в терминологии концепции монографии. С одной стороны, соотношение понятий *стилевые черты, категории, свойства и качества* как научного текста, так и текстов другой стилиевой природы не получили еще в современной науке точного терминологического определения, а, как утверждается в кни-

ге, «оформление принципиально нового знания на предварительном этапе его формирования неизбежно страдает алогизмами, фрагментарностью, непоследовательностью <...>» (с. 7). С другой стороны, можно предположить, что адресат данного текста, рецензент монографии, испытывая «мучительное непонимание» (с. 14), не смог понять логики изложения данного фрагмента, *эпистемическая ситуация* оказалась ему недоступной.

Важными в первой главе о целостности научного текста являются понятия моделей целостности: континуальная, дискретно-логическая, голографическая. Здесь, как и во всей книге, в меру (вероятно, в целях улучшения восприятия теоретического материала) введен иллюстративный языковой материал, что при высоком уровне обобщений позволяет авторам избежать «вязкости»⁴ собственного текста. Например, объясняя континуальный характер выражения мысли, в качестве иллюстрации авторы приводят такие языковые единицы, как «отглагольные существительные и прилагательные, причастия и деепричастия, способные заключать скрытую предикативность и тем самым дифференцировать актуальные и менее актуальные смыслы» (с. 41). Введением понятия *синлексы* (аналитические номинативные единицы) показываются механизм структурирования ученым предмета мысленного рассмотрения и механизм следования за мыслью автора со стороны читателя (с. 54–57).

Во второй главе, утверждая, что выдвинутая М. Н. Кожинной почти полвека назад речевая системность является одним из фундаментальных понятий функциональной стилистики, авторы «адаптируют» его к научному тексту такими составляющими, как *устойчивость – эластичность – динамичность – открытость* (с. 66). Важной для когнитивной лингвистики является сформулированная здесь мысль о том, что «читатель в процессе восприятия и, более того, понимания текста может самодостраивать его (текста) структуру благодаря целостно-композиционному мышлению и интеллектуальной интуиции, что несомненно также говорит об открытости функционирующей языковой системы» (с. 76).

Глубина и многосторонность рассмотрения такого свойства научного текста, как стереотипность, конечно, является и следствием многолетней деятельности М. П. Котуровой как главного редактора межвузовского сборника научных трудов «Стереотипность и творчество в тексте», в котором имеют честь публиковать свои статьи и ученые Саратовской лингвистической школы. Мысли о том, что «именно стереотипные единицы выполняют в познавательной деятельности важнейшую функцию объединения предшественников, автора и читателя на когнитивной основе – благодаря созданию метаязыка, способствующего формированию единого фонового знания» (с. 83–84), и о том, что «эпистемический

контекст – это инвариант не только добытого ранее знания, но и знания, которое, возможно, будет получено в будущем, в непрерывной цепи познания» (с. 98), являются ярким выражением парадоксальности мышления этого ученого.

Предельно точным, с точки зрения выражения авторской интенции, является название четвертой главы – «Оценочность как свойство научной речи, обусловленное аксиологическим компонентом научного знания». Собственно, задачей главы остается рассмотрение видов оценки (с. 102–107) и ее функций, которые даются в таких, «говорящих», терминах: оценочно-проверочная, стимулирующая, корректирующая, прогнозирующая (с. 108–111).

Глава об абстрактности содержания научного текста содержит массу интереснейших наблюдений и выводов о специфике взаимосвязанных сторон креативного мышления: механистическое, конвейерное и, напротив, интуитивное, т. е. непредсказуемое, мерцательное (с. 149), о современной тенденции к абстрактизации изложения научного содержания, которая оказывается столь сильной, лавинообразной, что нередко вступает в противоречие с традиционной, сложившейся нормой научного стиля речи (с. 211), о роли слов широкой семантики (*проблема, факт, свойство, процесс* и др.), которые, с одной стороны, используются в качестве необходимых компонентов эпистемической метафоры, с другой – могут свидетельствовать о стилистических погрешностях в изложении.

Интересны и созвучны нашим выводам (связанным с понятием *концептуальное пространство*⁵) размышления об использовании в научном тексте слов из общего лексического фонда. В частности, авторы утверждают, что такие слова «характеризуются стертой метафоричностью, способностью “прикрепляться” к онтологическому содержанию достаточно свободно, почти без ограничений» (с. 182). Мы утверждаем подобное по отношению к использованию в научных текстах пространственной метафоры: «...В языке науки действует скорее традиция, конвенциональность использования языковых средств с прототипической семантикой пространственной ориентации для выражения отвлеченных размышлений. Отсюда распространенное в научной речи явление – небрежное отношение к возможным зрительным образам “мертвой” пространственной метафоры. “Вторичная”, или “вторая” реальность – наука существует в пространстве, в котором пространственная ориентация не константная конфигурация ментальных объектов, а способ научного изложения»⁶. Размышления о важной роли в научном изложении глаголов движения (с. 138–140) также находят подтверждение в нашем материале: «Значения местонахождения и существования, как и семантика движения, динамики явлений по отношению друг к другу, при осмыслении одного из предметов – ментальных

сущностей в качестве пространственного ориентира, оказались универсальными значениями синтаксической семантики. Вероятно, они активно заимствуются в концептуальное пространство для представления хода и результатов мыслительного процесса»⁷.

Обобщая свои рассуждения о рецензируемой монографии, назову её наиболее заметные идиостилистические черты.

1. В монографии содержатся довольно суровые оценки ситуации в науке: «Несомненно, что современному общему фонду научного знания присущи такие взаимосвязанные свойства, как, с одной стороны, активное увеличение количества знания, т. е. расширение эпистемического пространства по конвейерному типу, а с другой – торможение углубления знания, “остановка” перед ростом знания в отношении его качественных характеристик. Иначе говоря, познавательный процесс (имплицитно) сопровождается обеднением потенциального знания из-за сужения сферы действия (невскрытых) качественных характеристик, в силу методологически не обеспеченного подхода к его получению» (с. 237), однако они являются объективной характеристикой ситуации **с точки зрения авторов концепции**, и понимание этой неизбежной субъективности обязывает авторов указывать во многих случаях на некатегоричный, дискуссионный характер своих размышлений (например, на с. 222–223). В монографии, особенно при анализе конкретных научных текстов, отражается очень корректное отношение к разного рода недочетам, погрешностям, что стимулирует их преодоление не только молодыми исследователями, но и учеными со стажем. Думается, ход рассуждений, предложенный в книге, является результатом следования положениям разрабатываемой концепции, в частности, убеждению авторов в том, что «слабые позиции» речевой нормы в научных текстах влекут за собой погрешности, которые могут компенсироваться контекстом, что снижает значимость их негативного влияния (с. 226). С другой стороны, утверждается в книге, нужно быть внимательным к отступлениям от нормы, поскольку эти погрешности могут рассматриваться как новые речевые явления. Такой гибкий, «эластичный» подход к анализу реальных текстов научной сферы убедительно демонстрирует хорошо выраженную в книге логику открытости науки для новых знаний.

2. Одно из положений работы – «Риторическая цель сказать просто о сложном сопровождается поиском соответствующих языковых средств и функционального конструирования *новых* из имеющегося строительного материала» (с. 220) – нашло свое полное подтверждение в самом тексте. В монографии отсутствует стремление к терминологической усложненности, что позволяет перенести труд осознания читателем смысла текста с лексического, терминологиче-

ского на логический, синтаксический. А синтаксис, в свою очередь, здесь общеизвестный, не нагруженный тяжеловесными, многокомпонентными структурами. На фоне нейтрального синтаксиса употреблена, по нашим наблюдениям, единственная фраза, содержащая эмоциональный всплеск, – риторический вопрос-восклицание: «Разве можно такие свойства речевой системности, как относительная устойчивость, эластичность, динамичность, открытость, кроме того, иллюзорность, “отделить” и друг от друга, и от их носителя – речевой системы?!» (с. 63), которая вполне ожидаема в реальном научном тексте.

Книга, которая читается легко и даже с эстетическим наслаждением от ощущения гармонии между создателем и адресатом, есть самое убедительное доказательство жизнестойкости и объективности существования и самой концепции, и вводимых новых научных понятий. Хотелось бы сказать – это образец научного изложения, но проникновение в основную мысль монографии удерживает от такого комплимента, потому что авторы убедительно показали, что может существовать **абстрактный эталон научного текста**, но не может быть эталонным **конкретный текст**: «...гармония недостижима, поэтому в реальных текстах неизбежны как недоговоренности (например, нет определений терминов), так и избыточные рассуждения (по поводу далеких уточняющих понятий), делающие текст “рыхлым”, “вязким”» (с. 169).

3. Содержательная глубина книги создается расширением аргументативного контекста сведениями из других, смежных наук. Философия, фрактальная логика, синергетика, психология – это далеко не полный перечень областей научных знаний, которые помогают созданию концепции.

4. Легкости восприятия изложения служит метафора. В тексте рассыпаны метафоры разной степени сохранения «прототипа» – от стертых и полустертых (*среда ядерной зоны содержания, «сдвиг» в сторону конкретности* и т. д.) до ярких, но не изменяющих «общей ауры на заданной автором высоте абстрактности речи» (с. 146). Приведем некоторые из них в необходимом для понимания контексте: *Поэтому наличие коммуникативного «противовеса» со стороны читателя можно считать необходимым* (с. 216); *Креативное мышление действительно осуществляется импульсивно, т. е. не рационально-логически, а посредством интуиции, непредсказуемо, мерцательно (аналогично сердечной аритмии)*; *Креативному мышлению ученого наряду с конвейерностью присуще и такое свойство, которое можно назвать мерцательностью* (с. 150); *Интересно, что репрезентация онтологического аспекта имеет вид «равнинного» ландшафта <...>* (с. 207); *Неуместное, нецелесообразное использование*

таких слов, эпистемическое значение которых может быть установлено лишь в широком контексте, производит в читателе эффект психологического «воздушного шара»: неизбежно покидая реальную содержательную среду, читатель оказывается в совершенно абстрактном (отвлеченном) пространстве завуалированной мысли (с. 219).

И несколько слов в заключение. Чрезвычайно сложно писать рецензию – вторичный научный жанр – на труд ученого, разрабатывающего модель эталонного научного текста. Нередко испытывая «синдром сороконожки», у которой однажды спросили, с какой ножки она начинает двигаться, я пыталась прилежно следовать рекомендациям строгого редактора в виртуальном образе Марии Павловны (ее реальный милый, очаровательный облик мне хорошо знаком, поскольку считаю ее своим другом и старшим наставником). В результате этого следования текст рецензии создавался в попытке поймать «гармоничное соотношение полноты и лаконичности репрезентации той или иной эпистемической ситуации» (с. 223), исключить избыточные слова «широкой эпистемической семантики» (в ре-

зультате этого «исключения» рецензия стала по меньшей мере короче). Стремление к «замещению в диалоге с читателем авторских рациональных аргументов эмоциональными» (с. 35), надеюсь, обеспечило «удержание внимания читателя и сохранение позитивного отношения к тексту и его содержанию» (с. 35).

Примечания

- 1 См.: Котюрова М. *Стилистика научной речи* : учеб. пособие. Пермь, 2009.
- 2 См.: Котюрова М., Тихомирова Л., Соловьева Н. *Идиостилика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого*. Пермь, 2011.
- 3 См.: Котюрова М., Соловьева Н. *Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений)*. Пермь, 2017.
- 4 См.: Котюрова М., Тихомирова Л., Соловьева Н. *Указ. соч.*
- 5 См.: Мьякшева О. *Пространственная семантика : реализация языковых ресурсов в разных сферах и средах общения*. Саратов, 2008.
- 6 Там же. С. 335.
- 7 Там же. С. 285.

Образец для цитирования:

Мьякшева О. В. В поисках «блуждающего мифа» о смысле текста // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 361–365. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-361-365>

Cite this article as:

Myaksheva O. V. Searching for the 'Wandering Myth'. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 361–365 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-361-365>

УДК 821.161.1.09|19|(049.32)+929

Не только «тире между двумя датами»

(Русские литературоведы XX века : Биобиблиографический словарь. Т. 1: А–Л / под общ. ред. О. А. Клинга и А. А. Холикова. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. – 532 с.)

И. Е. Мелентьева

Мелентьева Ирина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва; ведущий научный сотрудник отдела по изучению наследия А. И. Солженицына, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, Москва, irinamelenteva@mail.ru

Предметом рецензии является первый том словаря «Русские литературоведы XX века», который содержит более 300 статей, посвященных лучшим представителям науки о литературе прошлого столетия и тем тенденциям литературоведения, которые могут иметь достойное продолжение в XXI веке.

Ключевые слова: словарь, русское литературоведение XX века, медиавистика, биобиблиография.

Not Just 'A Dash between Two Dates'

(Russian literary researchers of the 20th century: Bio-bibliographic dictionary / ed. by O. A. Kling, A. A. Kholikov. – Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoria Publ., 2017. Vol. 1. – 532 p.)

I. E. Melenteva

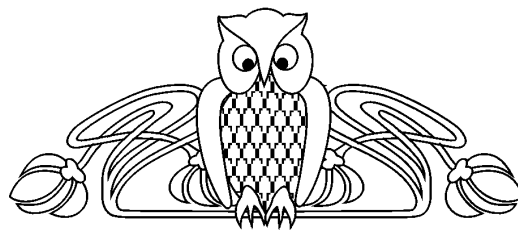
Irina E. Melenteva, <https://orcid.org/0000-0003-4760-4381>, St. Tikhon's Orthodox University, 23B Novokuznetskaya St., Moscow 115184; House of Russian abroad named after Alexander Solzhenitsyn, 2 Nizhnyaya Radishevskaya St., Moscow 109240, Russia, irinamelenteva@mail.ru

The subject of the review is the first volume of the dictionary *Russian literary researchers of the 20th century*, which contains more than 300 articles devoted to the best representatives of the science of literature of the last century and the trends of literary research that can have a worthy continuation in the 21st century.

Keywords: dictionary, Russian literary studies of the 20th century, medieval studies, bio-bibliography.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-366-367>

В известном советском фильме «Доживем до понедельника» (1968, сценарист Г. Полонский, режиссер С. Ростокский) есть такие слова: «От большинства людей остается только тире между двумя датами». А чтобы, по мнению авторов кинокартины, заслужить хотя бы «пятнадцать строчек в учебнике», нужно оставить серьезный след в истории. Благородной миссии заполнения пространства «между двумя датами» служит вышедший в 2017 г. в издательстве

«Нестор-История» первый том (от А до Л) двухтомника «Русские литературоведы XX века». Костяк редколлегии Словаря составили исследователи-филологи кафедры теории литературы МГУ им. М. В. Ломоносова: главный редактор О. А. Клинг, составитель и заместитель главного редактора А. А. Холиков, а также члены редколлегии В. И. Масловский, О. В. Никандрова и Е. И. Орлова. Вышедший том состоит из 378 статей, которые написали 254 автора. Словарные статьи предваряют несколько развернутых вступительных заметок: О. А. Клинг «Русское литературоведение XX века: история в лицах (От главного редактора)», А. А. Холиков «Теоретико-методологические замечания (От заместителя главного редактора)», О. А. Клинг, В. А. Масловский, А. А. Холиков «От редакции». В книге также есть иллюстративные материалы и подробнейший именной указатель.

«Героями» Словаря стали как собственно литературоведы (теоретики и историки литературы), так и фольклористы, лингвисты, некоторые библиографы, книговеды, писатели, критики, философы, т. е. все те, кто обращались к науке о слове и к рефлексии о литературном творчестве. При отборе персоналий составители соблюдали «хронологический» принцип: в Словаре находятся статьи о тех исследователях, «чья литературоведческая деятельность прочно ассоциируется с XX веком, хотя могла начаться в последней четверти XIX столетия, и завершилась до 2010 года (за редкими исключениями). Таким образом, последовательно соблюден “этический императив” предлагаемого издания – “о здравствующих – ни слова!”» (с. 9).

Основными задачами справочного издания, в котором впервые литературоведение XX в. представлено через биографии и библиографии ученых, стали: наиболее полно охватить и вершинные достижения, и background русского литературоведения прошедшего века; попытаться во всей полноте и с максимальными подробностями описать «историю науки о литературе “в лицах”» (с. 5). Также создатели Словаря хотели рассказать «о больших, “средних” и не очень известных ученых» (с. 5); осмыслить «литературоведческие достижения, которые не укладываются в понятия “школьного” литературоведения» (с. 5); показать «становление в России литературоведения как науки» (с. 6). Таким образом,

в Словаре представлены не только «зубры» от литературоведения (С. С. Аверинцев, М. М. Бахтин, Д. С. Лихачев, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман, А. П. Скафтымов и др.), но и гораздо менее крупные ученые – этакие научные «муравьи», известные лишь локально. Ведь большой «муравейник» науки созидают и «местнотчимые» ученые.

Ко всему прочему в этом Словаре история литературоведения дается не через призму какой-то определенной школы, не с точки зрения концепции одного из крупнейших ученых, а осуществляется попытка беспристрастно рассмотреть картину развития науки о литературе в XX в. во всем многообразии, вне идеологии, без оценок «наш» или «не наш». «Дать профессиональную, освобожденную от каких бы то ни было научных мод оценку основополагающим закономерностям развития литературоведения XX столетия» (с. 8) – так формулируют свою амбициозную цель составители.

Теперь некоторые предложения по содержанию. Можно порекомендовать составителям Словаря попробовать увеличить изначальное количество словарных статей. Ведь чем больше точек на единицу площади содержит в себе изображение, тем это изображение четче и детальнее. Значит, чем больше статей содержит в себе словарь «Русские литературоведы XX века», тем картина развития литературоведения прошлого столетия ближе к реальности, понятнее.

Так, при просмотривании Словаря несколько удивило отсутствие статей о крупных ученых-медиевистах: о кандидате филологических наук Надежде Феоктистовне Дроблѐнковой (1926–2006) из ИРЛИ РАН, известной во всем мире своими томами справочников библиографии работ по древнерусской литературе, специалисте по древнерусской археографии, текстологии, старобрядческой словесности и многому другому; а также о докторе филологических наук, профессоре Московского городского педагогического института Ольге Александровне Державиной

(1901–1985), авторе книг «Феации: переводная новелла в русской литературе XVII века» (1962), «"Великое зеркало" и его судьба на русской почве» (1965), «Древнерусская литература и ее связи с новым временем» (1967), «Пьесы школьных театров Москвы» (1974), «Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в.» (1975) и др. Было бы хорошо «обогащить» Словарь рассказом о деятельности этих ученых.

Еще хотелось бы посоветовать составителям издания включить в дополнительный том (надо надеяться, что он будет) статью о таком значительном явлении в русском литературоведении XX в., как доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета Галина Борисовна Курляндская (1912–2012). Г. Б. Курляндская – ученый с мировым именем, автор более 200 статей и монографий, специалист по творчеству Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и других писателей XIX в. Еще в советское время Галина Борисовна была популяризатором творчества М. М. Бахтина. Вот названия некоторых ее книг: «Художественный метод Тургенева-романиста» (1972), «Литературная срединная Россия: Тургенев, Фет, Лесков, Бунин, Л. Андреев» (1996), «И. С. Тургенев: Мировоззрение, метод, традиции» (2001). Феноменальность Курляндской и в том, что она трудилась на литературоведческой ниве до конца жизни, а ее последняя прижизненная монография «Онтология свободы в системе религиозно-философских взглядов Достоевского и Толстого» (2011) вышла к 99-летию исследовательницы.

Несмотря на высказанные предложения и замечания, Словарь является значительным и оригинальным вкладом в науку о литературе и может послужить образцом дальнейшим исследованиям на этой почве. Будем ждать выхода следующего тома Словаря и надеяться на появление его более «пространной» редакции.

Образец для цитирования:

Мелентьева И. Е. Не только «тире между двумя датами» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 366–367. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-366-367>

Cite this article as:

Melenteva I. E. Not Just 'A Dash between Two Dates'. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 366–367 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-366-367>

УДК 821.161.109-3+929[Белова+Горький]

«Очень своевременная книга»

(Белова Т. Д. М. Горький. «Жизнь Клима Самгина» (Проблемы современного прочтения) : учеб. пособие. – Саратов : Саратовский источник, 2018. – 291 с.)

А. И. Ванюков

Ванюков Александр Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ai_vanyukov@mail.ru

В статье представляется новая книга Т. Д. Беловой, посвящённая повести М. Горького «Жизнь Клима Самгина», описываются её проблематика и структура.

Ключевые слова: Т. Д. Белова, М. Горький, «Жизнь Клима Самгина», проблемы интерпретации.

“A Very Timely Book”

(Belova T. D. M. Gorky. *The Life of Klim Samgin (Issues of modern reading)*. Text book. – Saratov, Saratovskii istochnik Publ., 2018. – 291 p.)

A. I. Vanyukov

Alexandr I. Vanyukov, <https://orcid.org/0000-0002-7140-4542>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ai_vanyukov@mail.ru

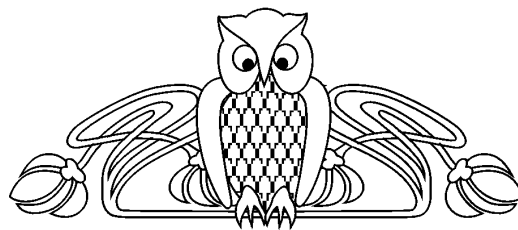
The article presents the new book by T. D. Belova dedicated to the novel by M. Gorky *The Life of Klim Samgin*; the problem range of the book and its structure are described.

Keywords: T. D. Belova, M. Gorky, *The Life of Klim Samgin*, issues of interpretation.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-368-370>

«Очень своевременная книга» – это известное в среде горьковедов классическое суждение о знаменитой повести сразу же вспоминается в процессе чтения книги Тамары Дмитриевны Беловой, вышедшей в юбилейном горьковском году и посвященной итоговой, вершинной повести-эпопеи писателя «Жизнь Клима Самгина».

Т. Д. Белова – уважаемый исследователь творчества М. Горького, автор обстоятельных, концептуальных монографий, вышедших в Саратове¹ и в Москве², и целого ряда аналитических статей, рассматривающих актуальные вопросы изучения «Жизни Клима Самгина», среди них – Запад – Восток³, российская провинция⁴, образы женщин⁵, – написала вполне современную и своевременную книгу. Она опирается на заметные научные достижения горьковедения последних десятилетий в исследовании жизни и творчества писателя «в контексте истории», «в зеркале эпохи» (см. Источники,

с. 289–290), намечает свой, методологически важный – культурологический, синтетический – аспект прочтения одного из самых дискуссионных текстов XX века и даёт свой, оригинальный вариант современного прочтения «Жизни Клима Самгина» – «в контексте всего творчества писателя» (с. 20 – Предисловие).

Прочный фундамент книги образует первая глава «“Начну с формы”: вопросы поэтики и смыслов», в которой последовательно рассматриваются следующие вопросы: «Синтез публицистического и художественного в стиле “Жизнь Клима Самгина” как шифр прочтения неканонической повести», «Натурфилософские и социокультурные основы изоморфизма в поэтике горьковских образов» и «Мастерство портретной характеристики: Безбедов и другие».

«Смысл и функции образа заглавного героя» анализируются во второй главе, воссоздающей образ «магического кристалла», сквозь/через который художественно видится «движущаяся панорама» романских десятилетий. «Разгадать тайну горьковского видения Самгина» помогает автору монографии новый «вектор прочтения книги: сквозь призму его публицистики и переписки, в соответствии с горьковской нравственно-этической и эстетической концепцией жизни и человека» (с. 82). Именно на этом направлении появляются два тесно связанных друг с другом фокуса исследования: «...заглавного героя... следует воспринимать... сквозь сложнейшую призму авторского видения» (с. 83) и «призма видения и восприятие окружающего Самгиным сложна, многогранна» (с. 91). В объектно-субъектной форме повествования «зыбкий» герой предстаёт и «свидетелем», и «очевидцем», и «поверенным», и «транслятором-аналитиком», и «накопителем идей, богатейших впечатлений» (с. 89, 94).

В двоичной структуре книги Т. Д. Беловой велика роль следующих двух глав: третьей – «Исторические концепции и их художественное воплощение в сюжете “Жизни Клима Самгина”» и четвёртой – «Вопросы культуры в итоговой книге: апофеоз концептуальной темы творчества М. Горького». «М. Горький – исторически мыслящий писатель» (с. 95) – этот посыл проходит через всю третью главу, определяя «задачу писателя – познакомить читателя с многоголосием исторических концепций в общественном сознании россиян» (с. 100), и намечая широкий «диапазон исторических мотивов в последней

книге Горького» (с. 111). Горьковская концепция культуры – любимая тема Т. Д. Беловой, ведь «историзм мышления неотделим от культуры мышления» (с. 114 – начало 4-й главы). Она убедительно показывает, что «вопросы культуры в книге Горького возникают в связи с внедрением авторской идеи этического социализма» (с. 118) и вместе с тем «получили многогранное художественное воплощение в сюжетных линиях книги» (с. 117).

В общей концепции монографии органично следует далее пятая глава «Запад – Восток» как один из смыслообразующих мотивов «Жизни Клим Самгина». Т. Д. Белова доказательно разворачивает тезисы о том, что «антиномия “Запад – Восток” занимала М. Горького-художника и мыслителя всю его сознательную жизнь», писатель был «европеец», и Горького можно отнести «к солидному ряду российских “западников”, в числе которых были Чаадаев, Герцен, Чернышевский, Вл. Соловьёв, Плеханов и др.» (с. 127). И естественно обнаруживается: «... тема России в её отношении к Востоку и Западу получает в итоговом произведении Горького многоаспектное решение» (с. 142). Этот проблемный узел рассматривается и «развязывается» в шестой главе «Образы европейцев в повести: к вопросу о горьковском “европеизме”». Вполне обоснованными выглядят итоговые положения и выводы: «Так, в сложной многоцветной палитре Горький запечатлел образы европейцев, оттенив их своеобразие колоритными типажными соотечественников рижской и новгородской губерний. Призывая соотечественников: “учиться жить и работать у европейцев”, писатель-реалист запечатлел представителей европейской жизни в широком смысловом диапазоне» (с. 159).

Следующие два ряда масштабной структуры книги занимают главы седьмая «Тема российской провинции как остро концептуальная в итоговой книге М. Горького» и восьмая «Идейно-художественная функция столичных российских городов (образы Москвы и Петербурга)». «Являясь сквозной в творчестве Горького, – верно отмечает Т. Д. Белова, – в итоговой книге тема российской провинции... проявилась... как глубоко личная и вместе с тем историософская, социокультурная проблема» (с. 168). Автор постоянно видит и помнит, «что многие авторские мысли и наблюдения над жизнью российской провинции доверены Климу Самгину» (с. 164), отмечает «эволюцию взглядов Самгина на жизнь провинции» (с. 168), а также указывает, что «Горький сознательно использует многоголосие, субъектную организацию текста» (с. 172). Именно на этом пути формируется базовое положение седьмой главы: «Образы Петербурга и Москвы в “Жизни Клим Самгина” даются в реальном ключе, в социально-историческом, культурном, политическом аспектах» (с. 180), и закономерно вырастает парадоксальный вывод: «Образы

Петербурга и Москвы, в сложном переплетении параллелей, противоречивых оценок одних и тех же явлений, в сценах февральских дней 1917 года в северной столице, художественно воплощают зреющее авторское сомнение в готовности России к решительным социально-политическим преобразованиям» (с. 189).

Свое место в продуманной композиции книги Т. Д. Беловой занимает «тема писательства и образы русских писателей» (глава 9) в «эстетической концепции писателя» и «в сюжете “Жизни Клим Самгина”».

Десятая и одиннадцатая главы монографии рассматривают войну (войны начала XX в.) и революцию (Февральскую 1917 года) в художественном изображении М. Горького. «Для Горького первая мировая война, – пишет Т. Д. Белова, – это, прежде всего, “мировая катастрофа, крах европейской культуры”» (с. 209). А Февральская революция представлена в «Жизни Клим Самгина» «с большой обстоятельностью и полнотой, в достаточно широком социальном срезе, в живых петроградских картинах и лицах, увиденных глазами Самгина» (с. 231). Точным представляется суждение автора о том, что «последние страницы неоконченной книги Горького наиболее соответствуют жанру исторической хроники» (с. 237).

Оригинально, современно звучит последняя, двенадцатая глава «Гендерный аспект прочтения “Жизни Клим Самгина”», состоящая из двух разделов: «Мужское и типы мужчин в повести» и «Типы женщин и женское в повести». Т. Д. Белова буквально «пропахала» весь текст горьковской повести под этими углами зрения, последовательно показывая, что Горький-художник «стремился к исследованию диалектически сложной связи между внешним и внутренним содержанием своих персонажей», «видит и показывает ценное в определённых типах мужчин, выступает гуманистом, выразителем идеи самоценности каждого человека» (с. 261) и что писателю удалось в «романе» реализовать свой замысел: сказать «что-то необычное о женщине» (образы Анфимьевны, Марины Зотовой, Марии Никоновой, Алины Телепнёвой, Елены Прозоровой и др.).

В «Заключении» Т. Д. Белова подводит «предварительные итоги» предложенного «современного прочтения» итоговой книги М. Горького, с полным правом пишет о том, что «“Жизнь Клим Самгина” – это, действительно, недооценённое адекватно авторскому видению образа своего времени – уникальное явление в истории отечественной и мировой литературы XX столетия и по масштабу содержания, и по виртуозной форме исполнения» (с. 282), отмечает актуальность художественного завещания М. Горького и говорит о «новых горизонтах» «историко-функционального прочтения итоговой неканонической повести большого русского писателя» (с. 288).

Однако нельзя не признать, что отдельные вопросы современной интерпретации «Жизни Клим Самгина» в книге Т. Д. Беловой все ещё остаются дискуссионными, требуют дальнейшего прояснения, конкретизации. Это касается, прежде всего, проблем жанровой поэтики (повесть, неканоническая повесть, эпопейная повесть, историческая хроника, полифонический роман), своеобразия формы, авторской «оптики», «точек зрения» на «движущуюся панораму десятилетий» и образ главного героя («расшифровка содержания», «формы иносказания, новые приёмы эзоповского языка», «вынужден предельно зашифровать своё прощальное произведение» и т. п.). Как учебное пособие книга нуждается в освобождении от излишнего налёта публицистического стиля и в развёрнутой учебно-методической оснастке (вопросы, задания, темы самостоятельных работ, список обязательной и рекомендуемой литературы и др.). Уверен, что всё это будет во втором издании актуального труда Т. Д. Беловой.

Примечания

- ¹ См.: Белова Т. М. Горький : концепция культуры. Художественное и публицистическое воплощение. Саратов, 1999.
- ² См.: Белова Т. Эволюция эстетических взглядов М. Горького (1890–1910-е гг.) в контексте культурологических исканий эпохи. М., 2004.
- ³ См.: Белова Т. «Запад – Восток» как один из смыслообразующих мотивов в книге М. Горького «Жизнь Клим Самгина» // Изучение литературы в вузе : сб. ст. Вып. 6. Саратов, 2007. С. 115–127.
- ⁴ См.: Белова Т. Образы российской провинции в книге М. Горького «Жизнь Клим Самгина» // Горьковские чтения 2012 года. Н. Новгород, 2014. С. 384–394.
- ⁵ См.: Белова Т. Образы женщин и женское в книге М. Горького «Жизнь Клим Самгина» // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи : сб. тр. по итогам междунар. науч. конф., проходившей в МГОУ 15–16 сентября : в 2 ч. М., 2012. Ч. 1. С. 31–43.

Образец для цитирования:

Ванюков А. И. «Очень своевременная книга» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 368–370. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-368-370>

Cite this article as:

Vanyukov A. I. "A Very Timely Book". *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 368–370 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-368-370>
